

Н. ТАСИНЪ
ПО ВОЮЮЩЕЙ
ФРАНЦІИ.

Н. ГАСИНЪ.

По воюющей франціи.

Обложка работы художника С. Н. Грузенберга.

Книгоиздательство бывш. М. В. Попова.
Петроградъ, Невскій пр., 66.

1916

Право изданія закрѣлено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается закономъ. За разрѣшеніемъ на переводъ обращаться къ издателю М. А. Ясному—Петроградъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

„Коммерческая Скоропечатня“, Лиговская ул., д. 57. Телефонъ 522-18.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не одно поколѣніе будетъ работать надъ исторіей великой Европейской войны. Пока для такой исторіи еще не настало время: въ застилающемъ Европу кровавомъ туманѣ трудно отличить правду отъ лжи, существенное и важное отъ случайнаго и преходящаго.

Но очевидцы отдѣльныхъ эпизодовъ великой міровой драмы нашихъ дней,—хотя бы поле наблюденія ихъ ограничивалось однимъ какимъ-либо уголкомъ охваченной войной огромной площади,—могутъ дать будущимъ историкамъ матерьялъ для уразумѣнія этой войны,—тотъ живой, фактическій матерьялъ, который составляетъ душу исторіи.

Предлагаемая читателю книга—въ ряду многихъ другихъ, которыя частью уже увидѣли свѣтъ, частью еще появятся на книжномъ рынкѣ—именно эту цѣль и преслѣдуетъ: внести и свою долю строительнаго матерьяла для будущаго зданія исторіи Европейской войны. Автору ея довелось наблюдать первые раскаты военной грозы во Франціи, шагъ за шагомъ прослѣдить ее сначала въ Парижѣ, потомъ въ провинціи, отъ Сѣвернаго побережья до восточной границы. Боль-

шинство наблюденій записано среди дымящихся развалинъ, подъ грохотъ пушекъ. Но читатель напрасно искалъ бы въ этой книгѣ систематическихкихъ, въ хронологическомъ порядкѣ подобранныхъ военныхъ обзоровъ: авторъ умышленно не ставилъ себѣ задачъ военного обозрѣвателя. Онъ только шелъ по слѣдамъ войны и записывалъ то, что ему казалось наиболѣе цѣннымъ и характернымъ.

Въ надеждѣ, что изъ этихъ отдѣльныхъ штриховъ можетъ составиться болѣе или менѣе цѣльная картина „воюющей Франціи“, онъ и позволяетъ себѣ предложить вниманію читателя настоящей сборникъ.

Наблюденіямъ непосредственно съ театра военныхъ дѣйствій предпосланъ очеркъ жизни Парижа наканунѣ самаго объявленія войны и въ первые мѣсяцы ея. Вообще-же, эти наблюденія охватываютъ періодъ времени съ конца іюля 1914 по конецъ апрѣля 1915 г.

Часть собраннаго здѣсь матерьяла печаталась въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ, въ частности въ „Кіевской Мысли“ и „Современномъ Мірѣ“.

Авторъ.

Въ Парижѣ.

Европа охвачена пламенемъ. Боги, по крылатому выраженію Анатоля Франса, снова жаждутъ,— жаждутъ теплой человѣческой крови, и потоки ея обильно орошаютъ землю.

Одинъ поворотъ колеса исторіи—и міръ дрогнулъ въ самыхъ основахъ своихъ. Точно пронесся низко надъ землею ураганъ огромной разрушительной силы. Все смѣшалось, перепуталось, завертѣлось въ сатанинской пляскѣ. Воцарился хаосъ, въ которомъ не въ силахъ разобраться охваченное ужасомъ человѣчество.

Отдѣльные отряды его разнo переживали эти дни великаго смятенія. Я хочу рассказать, что дѣлалось въ эти дни во Франціи, въ частности въ Парижѣ.

Начнемъ съ послѣдняго.

I.

До 23 іюля (нов. ст.) Парижъ спокоенъ. Правда, политическій горизонтъ не очень ясенъ, и на востокъ Европы собираются черныя зловѣщія тучи. Но французы обладаютъ слишкомъ боль-

шимъ запасомъ жизнерадостности: имъ хочется вѣрить, что тучи разсѣются—и они вѣрятъ.

На другой день газеты печатаютъ грубый ультиматумъ, предъявленный Австро-Венгерскимъ правительствомъ Сербіи. Французы начинаютъ немного нервничать, но имъ все еще и въ голову не приходитъ, что зарождающийся на востокѣ конфликтъ непосредственно грозитъ и прекрасной Франціи. Въ Парижѣ и провинціи злобу дня составляетъ процессъ г-жи Кафо, который совершенно оттъсняетъ на задній планъ осложненія въ области внѣшней политики.

24 іюля Австро-Венгрія отвѣчаетъ отказомъ на просьбу Россіи продлить срокъ для отвѣта Сербіи на ультиматумъ. Тревожное настроеніе въ Парижѣ растетъ. Особенно нервничаетъ биржа. Но процессъ г-жи Кафо все еще не сходитъ съ первыхъ страницъ газетъ.

26 іюля Австро-Венгерское правительство отзываетъ своего посла изъ Бѣлграда, а еще черезъ два дня объявляетъ Сербіи войну.

Громъ грянулъ. Съ востока подули злые вѣтры, и Франція вдрогнула въ предчувствіи близкой, неизбежной бѣды. Драма, разыгрывавшаяся въ залѣ Дворца Правосудія, поблѣднѣла, ступсевалась передъ начавшейся исторической трагедіей. Неумимый апостолъ мира, Жоресъ, которому черезъ три дня суждено было пасть отъ руки убійцы, забилъ въ набатъ. Соціалистическая партія съѣшно выпустила манифестъ, заключавшій въ себѣ страстныя заклинанія противъ войны. На слѣдующій день международное соціалистическое бюро должно было собраться въ Брюсселѣ для выработки общаго плана дѣйствій противъ начав-

шагося пожара. „Остановитесь, безумцы, пока еще не поздно!“—бросалъ Жоресъ пламенный призывъ въ одной изъ своихъ предсмертныхъ статей.

Но голось разума и правды былъ заглушенъ ревомъ пушекъ: 29 іюля австрійскія войска начали бомбардировать Бѣлградъ. Въ Россіи начинается мобилизація. Парижъ охваченъ лихорадочнымъ возбужденіемъ. Толпы народа, собиравшіяся манифестировать за или противъ Кафо (въ этотъ день ожидался приговоръ), до поздней ночи наполняютъ главныя артеріи города и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ловятъ вѣсти съ далекаго чуждаго имъ, но теперь такъ волнующаго ихъ, востока. Надъ головами еще перекатывается время отъ времени смѣхъ, носятся перекрестныя шутки, но чувствуется, что и надъ ней, этой всегда беззаботной парижской толпой, нависла черная работа: нѣтъ-нѣтъ, а тамъ или сямъ прорвется невольный вздохъ, блеснетъ опечаленный взглядъ, раздастся скорбное, полное тревоги слово. Надъ Парижемъ уже пролетѣлъ ангелъ скорби, задѣлъ толпу своимъ невидимымъ чернымъ крыломъ и поселилъ въ сердцахъ безотчетную тревогу.

— *Ca tournera mal, vous verrez!*—(Это приметъ скверный оборотъ, увидите!)—говоритъ мой сосѣдъ, когда мы, уже около полуночи, стоимъ передъ освѣщеннымъ транспарантомъ газеты „*Matin*“ въ ожиданіи послѣднихъ извѣстій.

И, дѣйствительно, дѣло принимаетъ скверный оборотъ: 30 іюля Германія требуетъ у Россіи объясненія по поводу начатыя ею мобилизація, 31-го мелкіе нѣмецкіе отряды въ нѣкоторыхъ пунктахъ переходятъ на французскую территорію. Атмосфера

въ Парижѣ до того насыщена тревогой, что трудно дышать. На биржѣ паника. Зарегистрированъ цѣлый рядъ краховъ,—есть даже самоубійства. Бумаги летятъ внизъ съ головокружительной быстротой. Точно волшебствомъ исчезаетъ изъ обращенія серебряная и золотая монета: не только въ магазинахъ, но даже на почтѣ нѣтъ возможности получить сдачу съ пятидесятифранковой бумажки. Курсъ русскаго рубля падаетъ почти до половины. Съ быстротой молвіи распространяется слухъ, что кредитные билеты не сегодня-завтра потеряютъ всякую цѣну, и государственный банкъ съ раняго утра осаждается тысячной толпой, спѣшащей размѣнять бумажные деньги на звонкую монету. Въ сберегательныхъ кассахъ тоже давка: публика торопится взять свои вклады.

Физиономія парижской улицы рѣзко измѣнилась.

Дома никому не сидится: всѣ стремятся къ центру, на большіе бульвары и площади, которыя всегда являются сборными пунктами населенія. Здѣсь можно узнать новости, потолкаться на людяхъ, раствориться въ толпѣ, въ массѣ, слиться съ общимъ человѣческимъ потокомъ: нехорошо человѣку быть едину въ драматическіе моменты исторіи, и онъ охотно отдается общему потоку,—подобно тому, какъ рыбаки въ сильную бурю спѣшатъ покинуть свои утлые челны и переходятъ на большой корабль, если таковой имѣется по близости.

Къ вечеру 31 іюля Парижъ представляетъ собой огромный клубокъ нервовъ. Газетные раз-

носчики давно уже охрипли, выкрикивая спеціальныя изданія. Въ толпѣ ползутъ неизвѣстно откуда идущіе, часто фантастическіе слухи. Какъ комья снѣга, катящіеся съ горы, они растутъ, ширятся, приобрѣтаютъ грозные, пугающіе размѣры. Тамъ и сямъ швыряютъ нагруженные всякимъ добромъ барскіе автомобили:

Около десяти часовъ ночи со стороны Мон-мартскаго предмѣстья распространяется зловѣщій слухъ: убили Жореса. Въ началѣ ему не вѣрятъ: навѣрное, утка. Но скоро появляются спеціальныя изданія газетъ съ огромными маншетками: „Jaurès assassiné“. По толпѣ проносится крикъ ужаса и негодованія. Тысячи рукъ тянутся къ влажнымъ еще газетнымъ листамъ, тысячи глазъ жадно ищутъ подробностей. Многія женщины плачутъ, у мужчинъ гнѣвно горятъ глаза и сжимаются кулаки. Убіеніе Жореса кажется мрачнымъ предзнаменованіемъ:

Паль апопостъ мира, его страстный предстатель и проповѣдникъ,—

Первая жертва на алтарь войны принесена,—Франція потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ.

Это было въ послѣдніе часы іюля. Іюль отошелъ въ вѣчность въ зловѣщемъ туманѣ, унесъ съ собой одну изъ драгоцѣннѣйшихъ жизней. Онъ довелъ Европу до самаго края беды. Еще одинъ толчокъ—и начнется царство ужаса и безумія.

Послѣднее слово послѣдней статьи Жореса въ его газетѣ „Humanite“ было „L'aveenir—будущее“.

Даже передъ лицомъ надвигавшейся войны, сквозь окутывавшій землю кровавый туманъ, онъ устремлялъ глаза къ свѣтлому, лучезарному будущему, и какъ библейскій пророкъ звалъ перековать мечи въ сошники. Но въ пустынѣ человѣческаго ослѣпленія тѣсно вопіялъ его голосъ: не мечи въ сошники, а сошники въ мечи спѣшно перековывали люди.

II

Наступаетъ первый день августа. Утреннія газеты приносятъ парижанамъ мало радости. Онѣ говорятъ о неизбежности войны. Каждая руководящая статья—это трубный звукъ, призывающій подъ знамена.

За ночь на стѣнахъ расклеены правительственные обращенія къ народу. Они написаны сильнымъ, сжатымъ языкомъ.

Вотъ густая толпа народа стоитъ передъ прокламаціей министра—президента Вивіани по поводу убійства Жореса. „Граждане, совершенно гнусное преступленіе: Жоресъ, великій ораторъ, составлявшій гордость Франціи, предательски убитъ. Отъ своего имени и отъ имени всего правительства я почтительно преклоняюсь передъ преждевременной могилой этого республиканца-соціалиста, который боролся за благородные идеалы“...

Эти слова трогаютъ, волнуютъ до слезъ не въ однихъ только рабочихъ кварталахъ, гдѣ утрата Жореса ощущается съ такой острой болью. Они волнуютъ и лавочника, и протиснувшуюся сквозь толпу старушку, и сосѣда ея аптекаря, и полицейскаго, который въ очень мягкой формѣ проситъ публику не загромождать тротуара. Такими

прокламаціями правительство сразу становится популярнымъ, связываетъ себя неразрывными нитями съ народомъ, дѣлается близкимъ, общимъ по переживаніямъ. Въ эти тревожные дни стѣны будутъ испещрены ими, всѣ онѣ будутъ не сухими образцами казеннаго творчества, а живыми призывами къ націи, къ ея патриотизму и готовности бороться за честь и достоинствѣ родины.

Скоро рядомъ съ прокламаціей Вивіани появляется воззваніе къ французскому народу за подписью президента республики. Въ немъ возвѣщается мобилизація. Мобилизація, говорится въ этомъ воззваніи, еще не есть война; она, наоборотъ, можетъ способствовать сохраненію мира. Правительство выражаетъ глубокое убѣжденіе, что всякій гражданинъ окажется достойнымъ сыномъ великаго народа. „Нѣтъ больше партій. Есть только Франція, вѣчная, неумирающая, готовая на все, полная сознанія своего права и достоинства“.

Жребій брошенъ. Исторія ставитъ на пути человѣчества новую кровавую вѣху. Рокочная грань, отдѣляющая миръ отъ войны, перейдена. То и дѣло приходятъ вѣсти о небольшихъ нѣмецкихъ отрядахъ, проникающихъ на территорію Франціи или нейтральнаго Люксембурга.

Надежды на мирный исходъ конфликта больше нѣтъ. Парижане это чувствуютъ, и на самыхъ беззаботныхъ лицахъ залегаетъ суровая складка.

Нормальное теченіе жизни нарушено. Кака-то вѣтшная, посторонняя сила властно наложила руку на все окружающее. Парижъ теперь представляетъ огромный потревоженный муравейникъ. Точно это не мирный, благоустроенный городъ, а кочевой таборъ, спѣшно снимающійся со стоянки.

У банковъ и всякихъ кредитныхъ учрежденій стоять тысячныя толпы народа. Женщины спѣшатъ запасись съѣстными припасами: упорно распространяются слухи, что въ виду мобилизаціи, желѣзныя дороги будутъ загромождены и подвозъ припасовъ поэтому надолго прекратится. Правительство еще не успѣло принять мѣръ противъ вадорожанія продуктовъ, и цѣны быстро идутъ въ гору. Мужчины презрительно относятся къ страхамъ женщинъ, убѣждаютъ ихъ, что скоро все войдетъ въ норму, но все тщетно: матери и жены думаютъ о семьяхъ, которымъ, быть можетъ, грозить голодъ, и ничего не хотятъ слушать. Мужья, сыновья и братья уйдутъ на войну, а имъ придется тутъ, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, играть трудную роль маркитантокъ. Напрасно имъ доказывать, что надолго все равно не напасешься,—больше войны, чумы и всякихъ напастей онѣ боятся голода. О, онѣ хорошо знаютъ что такое голодъ! Если не онѣ сами, то ихъ матери пережили страшные дни осады 1870 года, когда тысячи дѣтей умерли отъ истощенія, когда платили десятки франковъ за кошку, когда хлѣбъ наполовину смѣшивался съ навозомъ. Нѣтъ, нѣтъ, все что угодно, только не это!

Президентъ республики былъ правъ, говоря въ своемъ воззваніи о единой націи. 1 августа 1914 года совершилось чудо: во Франціи исчезли партіи и фракціи, ступшевались разногласія. Ветеранъ французскаго социализма, участникъ Коммуны 1871 года, Эдуардъ Вальянъ, тотъ самый,

который еще недѣлю тому назадъ горячо проповѣдывалъ всеобщую забастовку въ случаѣ войны, теперь, подъ аплодисменты тысячъ социалистовъ, заявилъ: „на насъ нападаютъ—и мы должны исполнить свой долгъ передъ отечествомъ и республикой“. Густавъ Эрва, этотъ неугомонный бунтарь, обвинявшій социалистовъ въ умѣренности, годами призывавшій къ открытому востанію, вложилъ въ ножны свой революціонный мечъ, отложилъ въ сторону красное знамя и замѣнилъ его трехцвѣтнымъ: онъ не только отказался отъ борьбы за свои бунтарскіе идеалы, но заговорилъ языкомъ воинствующей патристической печати; онъ не только призналъ авторитетъ правительства, но въ каждомъ номерѣ своей газеты „Guerre Sociale“ куритъ ему еиміамъ; газета эта, являвшаяся въ газетной семьѣ чѣмъ-то въ родѣ enfant terrible, даже въ свободной Франціи подвергавшаяся частнымъ конфискаціямъ, теперь мало чѣмъ отличается отъ такихъ реакціонныхъ органовъ, какъ „Echo de Paris“, „Eclair“ или „Journal des Débats“. Различія стерты. Какой-нибудь добрый буржуа, съ презрѣніемъ смотрѣвшій на революціонные органы, теперь охотно читаетъ и „Humanité“ и „Guerre Sociale“, который въ публикѣ даже шутя называютъ правительственнымъ офиціозомъ.

Социалисты, способные носить оружіе,—въ томъ числѣ и многіе члены парламента,—ушли на восточную границу сражаться съ гѣмцами. Среди нихъ не мало добровольцевъ.

И подумать только, что на 9 августа назначенъ былъ въ Парижѣ международный социалистическій конгрессъ, на которомъ должна была

состояться братская встрѣча французскихъ социалистовъ съ нѣмецкими и австрійскими!

Скверныя шутки иногда шутить исторіа!.

III.

Со 2 августа началась реквизиція лошадей, автомобилей и другихъ перевозочныхъ средствъ.

Мобилизація сильно дала себя чувствовать съ перваго же дня. Франція—не Россія съ ея 170-милліоннымъ населеніемъ и безкрайнымъ просторомъ. Здѣсь, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ съ врагомъ, приходится призвать подъ знамена дѣйствительно все мало-мальски способное носить оружіе. Здѣсь нѣтъ почти семьи, откуда не былъ бы вырванъ работникъ. Я знаю семьи, изъ которыхъ ушло на войну пять, шесть и болѣе человекъ.

Уже на другой день послѣ объявленія мобилизаціи многіе магазины закрылись на все время войны: либо хозяйева, либо приказчики, часто и тѣ и другіе, призваны подъ знамена. Одни за другими закрываются фабрики, заводы, конторы: нѣтъ дѣль, нѣтъ рабочихъ рукъ. Экономическая жизнь совершенно парализована.

Возбужденіе въ городѣ какъ бы улеглось, пошло на убыль. Оно ушло внутрь, претворилось въ тяжелыя переживанія, которыя люди тщательно прячутъ за стѣнами домовъ. Кажущееся спокойствіе Парижа отчасти объясняется объявленнымъ въ столицѣ осаднымъ положеніемъ, которое, между прочимъ, обязываетъ закрывать кафе и рестораны въ 8 часовъ вечера. Не стало ночного Па-

рижа съ его ярко освѣщенными кафе, театрами, синемаграфами, съ его музыкой и пѣніемъ, съ толпами беззаботныхъ гулякъ и медленно фланирующими по тротуарамъ женщинами. По мановенію какой-то волшебной руки этотъ пресловутый Вавилонъ, стяжавшій громкую извѣстность своимъ разгуломъ, превратился въ мирный, благочестивый городъ съ патриархальными нравами Женевы временъ Кальвина. Послѣ 8 часовъ вечера улицы почти совершенно пустыни. Только тамъ и сямъ стоятъ небольшія группы, читая вечернія газеты и комментируя извѣстія съ театра войны. Иногда тишина нарушается толпой подростковъ, наскоро обившихъ патриотическую манифестацію съ французскими, русскими и англійскими національными флагами.

Оживленіе замѣтно только на вокзалахъ, особенно на Восточномъ, съ котораго мобилизованные отправляются къ прусской границѣ. Здѣсь съ раняго утра до поздней ночи стоятъ тысячныя толпы. Преобладаютъ женщины: матери, жены, сестры, невѣсты. Онѣ пришли проводить близкихъ, дорогихъ имъ людей на подвигъ ратный. Многіе, очень многіе изъ мобилизованныхъ сложать свои кости на полѣ битвы. Женщины знаютъ это, и передъ ихъ отуманеннымъ печалью взглядомъ встаютъ картины смерти, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ. Но онѣ обнаруживаютъ удивительное самообладаніе. Онѣ почти не плачутъ: толпа завинчена, сосѣди подбадриваютъ другъ друга, и каждый понимаетъ, что слезы въ этотъ тяжелый моментъ были бы почти преступленіемъ по отношенію къ уходящимъ.

Парижъ пустѣетъ съ каждымъ часомъ. Кромѣ мобилизованныхъ его покидаютъ многіе богатые люди, владѣльцы фабрикъ, конторъ, банковъ; спѣшно уѣзжаютъ, подалше отъ грѣха, нѣмцы и австріяцы, которыхъ здѣсь въ послѣднее время насчитывалось свыше двухсотъ тысячъ. Многіе изъ нихъ пустили здѣсь глубокіе корни, обзавелись семьями, дѣломъ, сжились съ французской жизнью,—и то, что они вдругъ оказались врагами населенія, съ которымъ они мирно прожили долгіе годы, явилось для нихъ тяжелой неожиданностью. Бросай насиженное гнѣздо, бросай дѣло, которое съ такимъ трудомъ наладилъ—и спасайся. Куда, отъ кого бѣжать? Вѣдь, для многихъ изъ нихъ родина не мать, а мачеха; есть тутъ нѣмцы и австріяцы, которымъ нельзя вернуться домой. Но логика войны, беспощадная, какъ сама война, не знаетъ никакихъ резоновъ. И на зловѣщемъ фонѣ великой европейской драмы разыгрываются тысячи мелкихъ, индивидуальныхъ драмъ: ежедневно газеты сообщаютъ о самоубійствахъ нѣмцевъ и нѣмокъ.

Вообще, на нихъ тутъ пошла настоящая травля. Громко заговорившій во французахъ инстинктъ самохраненія заставляетъ ихъ подозрѣвать въ каждомъ изъ германскихъ или австріяцкихъ поданныхъ шпіона. На другой же день послѣ объявленія мобилизаціи возбужденная толпа стала громить нѣмецкіе магазины и кафе. По ошибкѣ разгромили и нѣкоторые французскіе магазины: фамиліи ихъ владѣльцевъ наводили на подозрѣніе, что они нѣмцы. Особенно досталось разбро-

саннымъ по всему Парижу и окрестностямъ складамъ богатѣйшей молочной фермы Магжи. Мѣстные черносотенцы, съ „Action Française“ во главѣ, еще задолго до войны вели противъ этой фирмы, на почвѣ конкуренціи, ожесточенную кампанію, доказывая, что она является разсадникомъ нѣмецкаго шпіонажа во Франціи. Распространялись вѣдѣнія слухи, что объявленія Магжи заключаютъ въ себѣ таинственныя, понятныя только нѣмцамъ, указанія насчетъ расположенія французскихъ фортовъ и главнаго штаба нѣмецкихъ шпіоновъ. При такихъ условіяхъ разгромъ этихъ зловредныхъ очаговъ казался дѣломъ высокопатріотическимъ

Къ чести французской печати надо сказать, что вся она безъ исключенія дружно возстала противъ такихъ дикихъ проявленій патріотизма. Къ тому же доказано было, что Магжи фирма французо-швейцарская и съ нѣмцами ничего общаго не имѣетъ.

Чтобъ застраховать себя отъ разгрома, магазины, кафе и рестораны вывѣсили французскіе національные флаги, такъ что городъ пріобрѣлъ праздничный видъ. На многихъ витринахъ красуются особаго рода предохранительныя надписи: „фирма французская“, „владѣлецъ и всѣ почти служащіе мобилизованы“, „да здравствуетъ Франція!“ и т. п. Нѣкоторые владѣльцы украсили свои витрины длиннымъ перечнемъ своихъ истинно-французскихъ предковъ. Всѣ спѣшаютъ выкраситься въ защитный цвѣтъ,—спасайся кто можетъ! A la guerre, comme à la guerre.

Здоровыхъ мужичиъ почти не видно. Грознымъ

призракомъ встаетъ безработица. Тѣ, которые не ушли на войну, очутились за бортомъ и томятся вынужденной праздностью: большинство фабрикъ, заводовъ и конторъ, точно также, какъ и многіе крупныя заводы, закрыты. Число трамваевъ и поѣздовъ метрополитена сильно сократилось, тѣмъ болѣе, что движеніе прекращается въ 7—8 часовъ вечера. Правда, за уходомъ работниковъ на войну, въ обслуживающихъ пути сообщенія компанияхъ освободилось много мѣстъ, но они въ большинствѣ случаевъ замѣщаются женами мобилизованныхъ. Силошъ и рядомъ видишь теперь женщинъ въ непривычной роли трамвайныхъ и поѣздныхъ кондукторовъ, въ мужскихъ фуражкахъ, черныхъ фуфайкахъ и съ сумкой черезъ плечо. Это частичное разрѣшеніе женскаго вопроса: передъ женщиной открываются многія двери, въ которыя она до сихъ поръ тщетно стучалась. Тѣмъ изъ нихъ, которымъ не удастся найти какое-нибудь занятіе и которыя, за уходомъ мужа на войну, остаются безъ средствъ, государство выдаетъ по 1 франку 25 сантимовъ въ день и по 50 сантимовъ на каждаго ребенка.

.....

.....

. Никогда еще въ Парижѣ не было столько празднохъ мужчинъ. Правительство понимаетъ опасность такого положенія: праздность—плохой совѣтникъ. Специальная комсія занята изысканіемъ мѣръ, которыя могли бы положить конецъ этому вынужденному бездѣлю. Рекрутируются кадры работниковъ для полевыхъ работъ въ провинціи, ведутся переговоры о возобновленіи дѣ-

ятельности фабрикъ и заводовъ. Это вопросъ огромной государственной важности: если война затянется, экономическій кризисъ можетъ принять угрожающія формы даже въ богатой Франціи.

IV.

Населеніе съ тревогой прислушивается къ раскатамъ военной грозы, бушующей на восточной границѣ Франціи и въ сосѣдней, совсѣмъ близкой, Бельгій. Чуткіе, впечатлительные французы нервно реагируютъ на всякое извѣстіе. Все, отъ мала до велика, читаютъ газеты, тиражъ которыхъ поднялся до небывалой высоты и которыя, въ виду необходимости экономить на бумагѣ, выходятъ теперь только полудниетами. Въ атмосферѣ крайняго напряженія невѣдомыми путями распространяются тысячи фантастическихъ слуховъ. Скажемъ, напримѣръ, кто-нибудь, что хорошо было бы, еслибы теперь убили Вильгельма II. Черезъ четверть часа слова эти перебрасываются въ другую группу въ сильно измѣненной редакціи: „вы слышали, въ Берлинѣ было покушеніе на Вильгельма“? Еще черезъ полчаса оказывается, что покушеніе было удачнымъ и что Вильгельмъ дѣйствительно убитъ. „Только что рассказывалъ объ этомъ одинъ телеграфный чиновникъ,—онъ самъ принялъ съ аппарата телеграмму“. Новость жадно подхватывается, прибавляются нѣкоторыя подробности, создается соответствующая обстановка покушенія—и дѣло сдѣлано: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ Парижѣ упорно говорятъ объ убійствѣ ненавистнаго французамъ германскаго императора. Когда слухъ оказывается вздорнымъ, онъ уми-

рает естественной смертью, и на его мѣсто рождается другой, часто еще болѣе фантастическій.

Въ первые дни распространенію такихъ слуховъ не мало способствовала и бульварная печать; но ее скоро основательно приструнили. Съ театра военныхъ дѣйствій газетамъ разрѣшается печатать только тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются имъ правительствомъ. Введена самая строгая цензура, отъ которой французы за время существованія третьей республики успѣли порядкомъ отвыкнуть. Они, впрочемъ, не ропщутъ и готовы на время войны отказаться отъ всѣхъ такой дорогой цѣной добытыхъ свободъ. Болѣе того: они готовы апплодировать самымъ суровымъ мѣрамъ поддержанія порядка и чуть не скорбятъ, что нельзя идти дальше осаднаго положенія. Обыватели охотно помогаютъ правительству въ области чисто-полицейской и сплошь и рядомъ проявляютъ слишкомъ даже много усердія. Здѣсь теперь поистинѣ свирѣпствуетъ шпиономанія. Нѣтъ ничего легче, какъ навлечь на себя подозрѣніе въ шпионствѣ. Призванные и непризванные блюстители порядка то и дѣло останавливаютъ на улицѣ людей, почему-либо возбуждающихъ въ нихъ сомнѣніе, и требуютъ предъявленія документовъ, которыми теперь должны быть снабжены все безъ исключенія, какъ французы, такъ и иностранцы.

Невольно вспоминаются времена террора, когда такъ процвѣталъ сыскъ. Особенно сильно даетъ себя чувствовать сыскъ въ небольшихъ городкахъ и деревняхъ. Здѣсь буквально проходу нѣтъ отъ добровольныхъ сыщиковъ. Послѣ сумерекъ лучше не показываться на улицѣ, если не хочешь под-

вергаться неприятнымъ полицейскимъ допросамъ. Дороги тщательно охраняются такъ называемой гражданской стражей, рекрутируемой изъ среды обывателей. Вездѣ заставы, рогатки, сторожевые посты. Вездѣ только и слышишь, что разговоры о пойманныхъ и разстрѣлянныхъ шпионахъ, причемъ напуганная фантазія обывателей доходитъ до смѣлыхъ гиперболъ: тамъ разстрѣляли десять шпионовъ, тутъ открыли конспиративную квартиру, изъ которой велся подкокъ подъ главный зданія Парижа, въ третьемъ мѣстѣ обнаруженъ прекрасно оборудованный беспроволочный телеграфъ.

Вдобавокъ, какъ только стемнѣетъ, по небу начинаютъ шарить прожекторы; таинственные снопы свѣта, направляемые невидимой рукой, словно живые, медленно, осторожно переползаютъ съ одной части небосклона на другую, подолгу ощупываютъ закрытые тучами пункты, въ которыхъ имъ чудятся вражьи дирижабли или аэропланы, и потомъ неожиданнымъ прыжкомъ отскакиваютъ дальше.

Въ общемъ, французы серьезно готовятся къ рѣшительной встрѣчѣ со своими исконными врагами. Безъ преувеличенія можно сказать, что на борьбу встала вся Франція, все живыя силы страны, какъ это было въ 1792-93 году. И война эта популярна: мечта о реваншѣ, которую французы делятъ съ 1871 года, кажется близкой къ осуществленію. Рана, которую нѣмцы нанесли французамъ сорокъ три года тому назадъ и которая

въ послѣдніе годы, казалось, стала залѣчиваться, снова раскрылась, какъ будто Седанъ былъ только вчера.

Здѣсь горячо вѣрятъ въ побѣду. На военныхъ фургонахъ, которые длинными вереницами тянутся теперь на восточную границу, вы часто можете видѣть выведенныя мѣломъ надписи „Бельфоръ—Берлинъ“: солдаты вѣрятъ, что французская армія побѣдоносно дойдетъ до Берлина и тамъ будетъ диктовать условія мира. Вообще Берлинъ сталъ теперь лозунгомъ, магическимъ словомъ, которое зажигаетъ сердца и взоры. „Магазинъ закрытъ до возвращенія изъ Берлина“, гласятъ надписи на нѣкоторыхъ витринахъ; „до свиданія въ Берлинъ!“—прощаются на вокзалѣ другъ съ другомъ солдаты; „идемъ форсированнымъ маршемъ въ Берлинъ!“—полусерьезно пишутъ въ своихъ письмахъ роднымъ мобилизованные.

„Въ Берлинъ!“.. Этотъ лозунгъ пользовался огромной популярностью и въ 1870 году, какъ только надъ Франціей пронеслись первые раскаты злополучной для нея войны съ Пруссіей. Увы! тогда французы до Берлина не дошли,—наоборотъ пруссаки по грудамъ труповъ, черезъ рѣки крови, добрались до Парижа и здѣсь съ чисто тевтонскимъ высокомеріемъ диктовали разбитой и раздавленной Франціи тяжелыя условія мира. Дорогой цѣной должна была она заплатить за свое поражение: Эльзасъ-Лотарингія и пять милліардовъ контрибуціи.

Теперь, сорокъ три года спустя, Франція собирается взять реваншъ, хочетъ вернуть себѣ то, что съ великой болью въ сердцѣ вынуждена была отдать послѣ Седана.

Рѣшается великій историческій споръ. И Франція, какъ одинъ человекъ, спаянная ненавистью къ врагу и великой національной мечтой, крѣпко вѣритъ, что на этотъ разъ мечта осуществится. Вѣрять—и напрягаетъ все силы для предстоящаго кроваваго поединка, отдаетъ все, что можетъ, для защиты своего національнаго достоинства.

У.

Конецъ августа. Настроеніе рѣко падаетъ. Взоры парижанъ съ тревогой обращаются къ сѣверу и востоку, откуда надвигаются нѣмецкія полчища. Начинаютъ поговаривать о томъ, что нѣмцы идутъ на Парижъ. Объ этомъ пока еще только шепчутся по угламъ, изъ опасенія быть привлеченнымъ за распространеніе „возмущающихъ населеніе слуховъ“; но еще день-два,—и тревожный шепотъ становится громче, смѣлѣе, настойчивѣе, расплзается изъ домовъ по улицамъ, попадаетъ на столбцы газетъ.

26 августа газеты приносятъ сообщеніе о радикальныхъ перемѣнахъ въ Министерствѣ. Военнаго министра Мессими, который ухитрился возстановить противъ себя все и всѣхъ, смѣнилъ Мильтеранъ; министерство иностранныхъ дѣлъ поручено Делькассе; во главѣ финансовъ сталъ бывший конкуррентъ Пуанкаре на президентскихъ выборахъ, Александръ

Рибо; вице-президентом совѣта министровъ и министромъ юстиціи сдѣлался Брианъ; наконецъ, въ кабинетъ вступили Жюль Гедъ и Марсель Семба,—первый министромъ безъ портфеля, второй—министромъ общественныхъ работъ.

Разумѣется, Гедъ и Семба вошли въ министерство съ благословенія социалистической партіи. „Дѣло идетъ о спасеніи Франціи,—говорится въ выпущенномъ по этому поводу партійномъ манифестѣ,—которой угрожаетъ серьезная опасность... Въ такой моментъ глава государства счель пужнымъ обратиться къ содѣйствію представителей демократіи, къ социалистической партіи—и партія не могла уклониться отъ тяжелой отвѣтственности... Войдя въ министерство, наши друзья повоботятся о томъ, чтобъ были использованы всѣ силы... будутъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобъ армія обслуживалась всѣмъ необходимымъ... Наконецъ, участіе нашихъ товарищей въ управленіи послужитъ для міра доказательствомъ, что наша республиканская демократія готова на борьбу до конца—не только за цѣлость и величіе Франціи, но и за свободу и цивилизацію“.

Небывало пестрое, разношерстное министерство было встрѣчено во Франціи со вздохомъ облегченія и тотчасъ-же было окрещено „министер-

ствомъ побѣды“. Въ своемъ воззваніи къ народу оно нашло нѣсколько счастливыхъ выраженій, которыя были зачтены ему въ активъ. „Слава живымъ и мертвымъ!—говорилось въ этомъ воззваніи.—Люди умираютъ, нація остается. Французы, будьте мужественны и тверды. Побольше вѣры въ себя. Позабудемъ все, что не Родина. Устремимъ взоры къ границамъ. У насъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ—и побѣда будетъ за нами“.

Только Клемансо, рѣшительно отказавшійся войти въ это министерство, ворчалъ въ своей газетѣ „Homme Libre“.

Нѣмцы, между тѣмъ, подходили все ближе.

29 августа новый военный комендантъ Парижа, генераль Галліени, издалъ приказъ объ эвакуаціи окружающей столицу военной зоны. Собственникамъ и обитателямъ находящихся въ этой зонѣ домовъ давался для выѣзда четырехдневный срокъ, по истеченіи котораго предположено было приступить къ срытію этихъ домовъ для удобства военныхъ дѣйствій противъ наступающаго непріятеля. Въ тотъ же день начались спѣшныя работы по укрьпленію окружающихъ Парижъ фортификаціи: тысячи рабочихъ рыли траншеи, срубали и сваливали по дорогамъ въ кучу деревья, чтобъ затруднить доступъ непріятельской кавалеріи, оцѣпляли городъ проволочными загражденіями, воздвигали баррикады изъ земли, камня и толстыхъ бревенъ.

Праздние парижане толпами стекались къ окружающимъ городъ землянымъ насыпямъ и съ интересомъ слѣдили за ходомъ работъ.

— Пускай только нѣмцы придуть!—говорили въ толпѣ.—Мы ихъ такъ встрѣтимъ, что десятому закажутъ.

Правительство, и само принимало мѣры къ очищенію Парижа отъ бесполезныхъ элементовъ. Въ ожиданіи осады рѣшено было оставить въ городѣ только способныхъ носить оружіе или работать по укрѣпленію Парижа. Надо было также освободиться, по возможности, отъ лишнихъ тротв, а главное, отъ той части населенія, которая, не принося никакой пользы, только мѣшала бы своей нервностью твердо и стойко выдерживать ожидавшуюся осаду. Поэтому въ полицейской префектурѣ, и въ меріяхъ охотно выдавались всѣмъ желающимъ ухъать бесплатные билеты.

Населеніе въ Парижѣ рѣдѣло съ каждымъ часомъ, но нервность возрастала. Нервную атмосферу въ значительной степени поддерживали и газеты, многія изъ которыхъ выпускали по нѣсколько выпусковъ въ день. Скоро, впрочемъ, издавъ былъ приказъ, въ силу котораго газеты могли выходить только разъ въ сутки. Газетнымъ равносичкамъ вдобавокъ запрещено было выкрикивать названія газетъ. Парижская улица, физіономія которой вообще рѣзко намѣнилась, стала

совсѣмъ неузнаваемой: арміи газетныхъ камлоужъ не оглашали ее нервирующими, невольно волнующими выкриками, за которыми чудились важныя, рѣшающія новости. Улица стала тихой, почти безмолвной, тѣмъ болѣе, что съ нея исчезли взятые на войну автобусы и значительная часть автомобилей. Особенно поражало безмолвіе Парижа по вечерамъ: огромный городъ замиралъ и напоминалъ глухое захолустье. Точно испуганно притаившійся гигантскій таборъ, который боится зажигать огни, чтобы не привлечь вниманія вражьихъ силъ. Даже свѣтотвныя рекламы, придающія такую своеобразность ночному Парижу, были запрещены. Странно, до жуткости непривычно выглядѣли каменныя громады, утопающія во мракѣ, и бродящія между ними тѣни хмурыхъ, встревоженныхъ людей.

Вообще, Парижъ какъ бы отброшенъ былъ назадъ, въ глубь вѣковъ, сразу потерялъ всѣ особенности „города-свѣточа“, крупнаго центра двадцатаго столѣтія. Какъ въ Парижѣ время Людовика XI, жители разныхъ частей города почти лишены были возможности сообщаться другъ съ другомъ, нерѣдко по цѣлымъ днямъ бывали совершенно отрѣзаны отъ окранныхъ, а по ночамъ имъ приходилось пробираться чуть не съ фонаремъ въ рукахъ.

Плохо уживается война съ современнымъ комфортомъ.

VI.

Вечеромъ 30 августа городъ взволнованъ былъ слухомъ о бомбахъ, которыя нѣмецкій авіаторъ съ высоты тысячи метровъ бросилъ на Парижъ

Бомбы, действительно, были брошены, но вокруг этого факта не замедлила нарости толстая кора легенды. Говорили, что надъ Парижемъ летаетъ цѣлая воздушная флотилія, которая задается цѣлью разрушить все правительственныя и общественныя зданія; напуганное воображеніе усматривало непріятельскіе аэропланы чуть не въ каждой птицѣ, за каждымъ облачкомъ. Изъ устъ въ уста передавались самыя достовѣрныя сообщенія о воздушныхъ бояхъ, о разрушенныхъ зданіяхъ и десяткахъ убитыхъ.

На другой день нѣмцы снова бросили съ аэроплана три бомбы на Парижъ. То же повторилось и на третій и на четвертый день. Вражьи аэропланы появлялись надъ городомъ ежедневно въ одинъ и тотъ-же часъ, передъ вечеромъ.

Въ послѣдній разъ нѣмецкіе авіаторы появились надъ Парижемъ 2 сентября и бросили на разные пункты города пять бомбъ. Но правительство уже приняло мѣры: была организована воздушная флотилія, которая ожесточенно преслѣдовала всякій появившійся на горизонтѣ вражій аэропланъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, надъ окраинами, происходили настоящіе воздушные бои, во время которыхъ погибъ не одинъ нѣмецкій авіаторъ. Послѣ этого ихъ полеты надъ Парижемъ прекратились.

Второго же сентября правительство приняло рѣшеніе переѣхать въ Бордо: Парижъ становился

далеко не безопасной резиденціей. Въ обращеніи по поводу этого рѣшенія воззваніи къ народу правительство, между прочимъ, говоритъ: „Великая борьба продолжается... Намъ предстоитъ организовать отпоръ врагу во всей Франціи. Для этого намъ необходима свобода дѣйствій, которой мы можемъ лишиться въ Парижѣ“. Члены парламента приглашались послѣдовать за правительствомъ, чтобы „сообща съ нимъ организовать національную оборону“. Населеніе Парижа завѣрилось, что приняты все мѣры для защиты города и что оно можетъ оставаться совершенно спокойнымъ.

На другой же день весь правительственный механизмъ, съ его многочисленными колесами, рычагами, винтами и винтиками, перекочевалъ на югъ, въ расположенный почти на самомъ берегу Атлантическаго океана Бордо. За правительствомъ потянулись многіе депутаты и сенаторы, государственныя и частныя банки, Парижъ потерялъ все вышнее признаки столицы и превратился въ единственный по своимъ размѣрамъ провинціальный городъ. Даже большинство газетъ перекочевало въ повонспеченную южную столицу. Но Парижъ, даже послѣ того, какъ съ него сорвали административный вѣнецъ, все же остался сердцемъ Франціи, — сердцемъ, къ которому притекаетъ лучшая кровь страны, къ біенію котораго прислушивается весь міръ. Сердце осталось въ Парижѣ, — только голова перенесена была въ Бордо.

VII.

Въ тотъ моментъ, когда съ тысячъ устъ срывался тревожный крикъ: „Аннибалъ у воротъ!“, Аннибалъ вдругъ взялъ да и повернулъ въ сторону.

Вышло это какъ-то до того неожиданно, что французы какъ бы даже испытали нѣкоторое разочарованіе. Наканунѣ легли спать въ полной увѣренности, что завтра осада начнется всерьезъ, все было готово для предстоящей драмы, ареной которой долженъ былъ стать Парижъ,—и вдругъ люди, проснувшись, узнаютъ, что спектакль по неизвѣстнымъ причинамъ отмѣняется, или откладывается на неопредѣленный срокъ.

— Сбѣжали таки!

— Да, подавились Парижемъ!

— Еще бы! Это имъ не 1870 годъ...

Когда прошло первое изумленіе, парижане стали задумываться: не маневръ-ли это со стороны нѣмцевъ? Можетъ быть, они предпочитаютъ сначала разбить или, по крайней мѣрѣ, ослабить армію Жоффра, а потомъ...

Потомъ—можетъ быть, по долѣть днѣви злора и радость его. Пока что, нѣмцы ушли, и Парижъ облегченно вздохнулъ. На улицахъ опять зазвучалъ смѣхъ, занескрилось веселье, гасверкали улыбки. Присмирѣвшія было парочки, которымъ долго приходилось прятаться со своимъ флиртомъ на задворкахъ, снова завладѣли улицей, которая давно ужъ по нимъ тосковала. Парижъ, столько пережившій, прошедшей черезъ такую тяжелую передрагу, сдѣлалъ попытку снова

стать самимъ собой, вернуть себѣ прежнюю беззаботность милаго, неунывающего гуляки.

Увы, это ему удалось только отчасти, да и то не надолго. Театры и всякаго рода увеселительныя учрежденія закрыты, послѣ 8 часовъ вечера закрываются и кафе, молодежь вся почти на войну ушла, и на улицахъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, попадаются развѣ только старики, калѣки да не многіе чиновники. Тутъ не очень разгуляешься. Къ тому-же, тамъ, за стѣнами Парижа, гдѣ-нибудь за сотню километровъ, льется кровь, и неизвѣстно, что день грядущій готовить.

Хуже всего была полная ненавѣстность. Правительственныя сообщенія были чрезвычайно лаконичны и, большей частью, какъ бы умышленно составлялись такъ, что широкая публика ничего изъ нихъ не могла понять. Газеты были стѣснены цензурой и почти ежедневно выходили съ пробѣлами, которые интриговали и первервали читателя.

Какъ это ни странно, одинъ только Клемансо изъять изъ вѣдѣнія цензуры и въ своей газетѣ „Свободный Человѣкъ“ можетъ писать все, что ему угодно:

Любопытнѣе всего то, что—какъ указиваетъ тотъ-же Клемансо—нигдѣшня французская печать

благодумнѣнна, вся, вплоть до органа недавняго бунтаря Эрва „Соціальная война“.

Эрва, впрочемъ, время отъ времени еще позволяетъ себѣ какой-нибудь оппозиціонный ви-

падь, но совсѣмъ ужъ присмирѣла официальная социалистическая печать. „Humanité“, папримѣрт, этотъ центральный органъ социалистической партіи, совершенно потерялъ прежнюю физиономію и по тону мало чѣмъ отличается теперь отъ какого-нибудь „Petit journal“. Это, съ такимъ трудомъ выпѣстованное французскимъ пролетаріатомъ дѣтище, въ отвѣтственный историческій моментъ совсѣмъ растерялось. Ни одной яркой статьи, въ которой чувствовалось бы биеіе горячаго сердца, ни одного страстнаго призыва, который хоть когонибудь зажегъ бы вдохновеніемъ и жаждой подвига. Все блѣдно, скучно, тускло, какъ бутылочное стекло. Точно изъ газеты душу вынули. Будь живъ Жоресъ, газета, быть можетъ, и въ настоящее, полное соблазновъ время, сумѣла бы сохранить душу живую. Но со смертью Жореса умерла духовно и его газета,—особенно съ того момента, какъ два социалиста вошли въ министерство. Положеніе обязываетъ! Неудобно критиковать политику, санкціонированную своими-же. Правда, эти свои въ министерствѣ составляютъ меньшинство, по все-же.. И „Humanité“ молчить...

Какъ ни строга цензура, но нѣкоторыя—правда, очень немногія—газеты все же ломаютъ рогатки и съ каждымъ днемъ все настойчивѣе указываютъ на кричащіе недостатки государственнаго механизма, поскольку они сказываются въ настоящей войнѣ.

VIII.

Медленно, день за днемъ, часъ за часомъ, Парижъ дѣлаетъ попытки возстановить ушедшую изъ него жизнь. Непосредственная опасность миновала, и многіе изъ бѣглецовъ начинаютъ уже возвращаться. Понемногу все какъ будто налаживается, но чувствуется надломъ, точно въ недавно еще полномъ жизни и веселья домѣ, изъ котораго вынесли покойника. Все взрослое мужское населеніе на войнѣ, и какъ бы ни смѣялся Парижъ, какъ бы свѣтло ни улыбались его дѣти, какъ бы ярко ни свѣтило на его улицахъ солнце, остается великое, неизбывное горе, остаются тысячи скорбныхъ женщинъ,—женъ, возлюбленныхъ, матерей. Бѣдныя матери, онѣ-то ужъ навѣрно останутся неутѣшными.

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей изъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Чаще прежняго стали попадаться погребальныя процессіи не совсѣмъ обычнаго типа: гробъ окутанъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, за гробомъ солдаты, муниципальные гвардейцы, сестры милосердія. Въ Парижѣ привыкли безразличнымъ взглядомъ провожать похороны: здѣсь, въ среднемъ, ежедневно умираетъ 230 человѣкъ; но теперь, когда по улицамъ, часто одна за другой, тянутся эти безмолвныя черныя процессіи, отвоза на вѣчный покой погибшихъ на полѣ ратномъ, не одна глаза увлажняются слезами и немало скорбныхъ вздоховъ несетса вслѣдъ покойнику.

Добрая половина наличнаго парижскаго населенія живетъ теперь на государственнй и общественный счетъ. Въ часы обѣда и ужина густыя толпы народа дежурятъ у общественныхъ столовыхъ. Одни получаютъ пищу бесплатно, другіе за гроши. На это уходятъ десятки милліоновъ, на это уйдутъ еще, быть можетъ, сотни милліоновъ.

Кромѣ помощи натурой, такъ или иначе потерпѣвшимъ отъ войны выдается еще денежная субсидія, въ размѣрѣ 1 франка 25 сантимовъ (около 50 копѣекъ) въ день на человѣка. Получаютъ не только жены мобилизованныхъ, но и всѣ лишившіеся изъ-за войны заработка. Уходяшіе на эту филантропію средства могли бы съ гораздо большей пользой быть употреблены на общественныя работы въ широкомъ масштабѣ.

Очень любятъ они изображать борьбу галльскаго пѣтуха съ прусскимъ орломъ, при чемъ, конечно, бравый Шантеклеръ жестоко расправляется съ тевтонскимъ орломъ который при этомъ скорѣи напоминаетъ оципанную курицу.

Особенно сильно достается Вильгельму II . . .

Кстати, о . . . пѣсняхъ. Ихъ теперь ежедневно сочиняются десятки. Онѣ, изо дня въ день, печатаются во всѣхъ ищущихъ популярности

газетахъ; онѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, отдѣльными листками, продаются на перекресткахъ и тутъ-же распѣваются продавцами, которымъ подтагиваетъ окружающая публика. Въ большомъ ходу пѣсни извѣстнаго пѣвца-революціонера Монтегюса, человѣка очень талантливаго, но теперь, въ стремленіи польстить шовинистическимъ вкусамъ толпы, взявшаго фальшивый тонъ. Въ его пѣсняхъ французы обычно рисуются благородными львами, а нѣмцы трусливыми зайцами.

Другимъ любимцемъ современной парижской улицы является Реноденъ. Его пѣсни не такъ истеричны, въ нихъ нѣтъ площадной брали по адресу нѣмцевъ, но толпу въ нихъ подкупаетъ возвышенность и благородство стиля. Вотъ, напримеръ, пара строфъ изъ очень популярной теперь въ Парижѣ „Современной Марсельезы“.

Тевтоны, сѣющие бурю,
Сразитъ васъ грозный ураганъ!
Какъ пыль дорожную развѣетъ
Васъ натискъ доблестныхъ французовъ,
Со словомъ правды на устахъ,
За братство, равенство, свободу,
Впередъ, потомки славныхъ галловъ,
На бой съ заносчивымъ врагомъ!
Нашъ врагъ въ безумномъ ослѣпленіи
Не видитъ сквозь туманъ кровавый,
Что надъ землею ужъ восходитъ
На радость міру солнце правды.
Оно съѣтитъ въ пути намъ будеть
И приведетъ къ побѣдѣ вѣрной.
Впередъ-же, доблестные галлы,
На бой за правду и свободу!

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Говорят, самые талантливые артисты и художники отправлены на линию огня. На мѣстах остались большей частью инвалиды да неудачники изъ стариковъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

НА СЪВЕРНОМЪ ФРОНТѢ.

Булонь.

Наконецъ-то мы добрались до Булони. Я не разъ уже бывалъ здѣсь и люблю этотъ дѣловитый, немного хмурый городъ съ крѣпкимъ запахомъ моря, съ шныряющими по набережной „морскими волками“, съ крѣпкими словечками и портовыми нравами.

Теперь городъ неузнаваемъ. Здѣсь чувствуется что война близко, у самыхъ воротъ. Кажется, выйдешь изъ этой вотъ узкой улицы,—и попадешь на самый театръ военныхъ дѣйствій. Прежде всего поражаетъ обиліе пришлыхъ элементовъ. Городъ набитъ бѣглецами изъ Бельгии, изъ Лилля, Рубо, изъ болотистой Фландріи, изъ Остенде и Дюнкирхена. Точно огромное кочевье. Точно переносишься за много вѣковъ назадъ, къ эпохѣ великаго переселенія народовъ. Тысячи людей, старухъ и молодыхъ, съ женщинами и дѣтьми, буквально заполонили городъ. Гонимые страхомъ передъ вѣмцами, бросали они родныя пепелища и бѣжали на западъ.

Преобладаютъ бѣдняки: люди состоятельные давно уже покинули опасныя мѣста. На улицахъ

и площадяхъ то и дѣло попадаютъ повозки, нагруженныя всякимъ скарбомъ. Испуганныя, пришибленные горемъ женщины, плачущія дѣти. Много бельгійцевъ. Къ нимъ особенно внимательно относится мѣстное населеніе, участливо разспрашиваетъ, помогаетъ чѣмъ можетъ. Печальная привилегія!

Вотъ группа бѣглецовъ изъ окрестностей Диксмюда, на р. Изеръ, гдѣ всѣ эти дни происходятъ жестокіе бои. Жутко слушать ихъ рассказы. Диксмюдъ представляетъ сплошное кладбище, до того улицы его загромождены трупами. Нѣмецкія войска получили приказъ во что бы то ни стало перейти здѣсь Изеръ—и они уложили здѣсь 5000 человекъ. Только 2000 пѣхотинцевъ удалось перейти рѣку, но и они въ большинствѣ погибли подъ убійственнымъ огнемъ бельгійскихъ пулеметовъ. Городъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ все же былъ въ рукахъ нѣмцевъ, но французы скоро открыли по немъ жестокой артиллерійской огонь, и непріятель обратился въ паническое бѣгство. Немало нѣмцевъ погибло подъ рухнувшими отъ бомбардировки зданіями.

Кромѣ бѣглецовъ, въ Булони тысячи раненыхъ,—бельгійцевъ, англичанъ, французовъ. Городъ превращенъ въ огромный госпиталь. Санитарные поѣзда, сотни автомобилей и каретъ Краснаго Креста то и дѣло подвозятъ новыя партіи раненыхъ. Ими заняты отели, казино, школы, частные дома и виллы. На каждомъ шагѣ встрѣчаешь санитаровъ, сестеръ милосердія.

Среди раненыхъ тоже преобладаютъ бельгійцы. Мнѣ довелось выслушать рассказъ одного раненаго въ ногу бельгійскаго офицера. Онъ участво-

валъ въ защитѣ Антверпена. Когда Антверпенъ палъ, выведенныя изъ него бельгійскія войска отправлены были на р. Изеръ, чтобы здѣсь защищать послѣдній, не занятый еще нѣмцами клочекъ бельгійской территоріи. Ихъ собственно предполагалось отправить на отдыхъ въ Шербургъ,—такъ они были измучены долгой осадой; но отдохнуть имъ не суждено было: освободившіяся послѣ паденія Антверпена нѣмецкія войска шли за ними по пятамъ, и бельгійцы вынуждены были принять бой. Цѣлую недѣлю они, вмѣстѣ съ французами, отражали нѣмцевъ на р. Изеръ, четырнадцать разъ непріятель дѣлалъ попытку перейти рѣку,—на пятнадцатый это ему удалось. Правда, не надолго. Въ этомъ дѣлѣ бельгійцы потеряли до десяти тысячъ человекъ.

Бѣдные бельгійцы! Они уже потеряли больше ста тысячъ человекъ убитыми, ранеными и плѣнными; страна ихъ разорена, сотни населенныхъ мѣстъ превращены въ груды развалинъ, сотни тысячъ людей оказались бездомными кочевниками, вынужденными искать гостепріимства у сосѣдей.

Я видѣлъ въ Булони нѣкоторые отряды этой арміи храбрецовъ. Суровыя, замуценныя, какъ бы обвѣяныя пороховымъ димомъ лица, скорбные глаза, такъ часто и такъ близко видѣшіе передъ собой смерть,—жуткое впечатлѣніе производятъ они. Толпа съ безмолвнымъ почтеніемъ провожаетъ ихъ глазами,—всякій понимаетъ, что прѣдъственные крики были бы здѣсь неумѣстны.—*Chapeaux bas! Шляпы долой!*—негромко бросаетъ какой-то старикъ, и въ ту-же минуту головы почтительно обнажаются, точно передъ крестнымъ хо-

домъ. Это безмолвная дань преклоненія передъ крестными мугами, на которыя шли и еще не разъ будутъ идти выросшіе въ heroesъ скромные, незамѣтные люди.

Калѣ.

Отъ Булони до Калѣ меньше часа ѣзды, но линія до того загромождена встрѣчными поѣздами, что мы употребили на этотъ переѣздъ цѣлыхъ три часа. На станціяхъ все тѣ-же бѣглецы, раненные, санитары и сестры милосердія, солдаты и офицеры. Настроеніе тревожное. Чувствуется, что тамъ, позади, на востокъ отъ Калѣ, смерть косить обильную жатву. Возвращающихся оттуда закидываютъ вопросами, но они отвѣчаютъ очень неохотно, а больше машутъ руками, то и дѣло невольное оглядываясь назадъ: что ужъ тутъ, дескать, рассказывать!

Жуткое чувство растеть. Въ Булони еще можно было слышать смѣхъ, видѣть улыбающіяся лица,—здѣсь все смотрять сурово, и смѣхъ звучалъ бы чуть ли не кощунственно. Когда какой-то подвыпившій въ станціонномъ буфетѣ солдатикъ затащилъ пѣсню, товарищи испуганно замахали на него руками.

Уже на вокзалѣ въ Калѣ нѣкоторые увѣрили меня, что слышать пушечную канонаду. Навѣрное, напуганное воображеніе,—по крайней мѣрѣ, я ничего не слышалъ. Мнѣ рассказывали про одну бѣжавшую изъ-подъ Льежа дѣвушку, что она, уже живя въ Парижѣ, все время слышала пушечные выстрѣлы. Особого рода помѣшатель-

ство, порожденное ужасомъ и безуміемъ нашихъ дней..

Въ самомъ Калѣ бѣглецовъ еще больше, чѣмъ въ Булони,—изъ Ипра, Ньюпора, Диксмуа, Рулера, Вестенде. Небольшой городокъ рѣшительно не въ состояніи вмѣстить этой арміи бездомныхъ. Мнѣ говорили, что часть ихъ завтра будетъ отправлена въ Нормандію, главнымъ образомъ въ Гавръ.

О томъ, чтобы переночевать въ Калѣ, не могло быть и рѣчи: въ отеляхъ меня увѣрили, что даже помѣщенія хозяевъ и прислуги заняты пріѣзжими. Я рѣшилъ поѣхать дальше на востокъ, въ сторону Дюнкирхена, благо вечеромъ былъ поѣздъ. Меня, правда, пугали, что врядъ-ли мнѣ удастся добраться до Дюнкирхена, но очень ужъ меня тянуло поближе къ линіи огня. Не пустить—вернусь въ Калѣ или спущусь внизъ, къ Аррасу.

На всякій случай, я отправился на вокзалъ за справками. Начальникъ станціи посмотрѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго, и кажется, даже собирался пощупать мой пульсъ. Впрочемъ, узнавъ, что я журналистъ, онъ какъ будто пересталъ удивляться: съ журналистовъ, дескать, и спрашивать много нечего,—для нихъ законы логики не писаны.

— Тутъ вотъ вчера одинъ англійскій корреспондентъ проѣзжалъ.. Въ Остендѣ побывалъ. Чуть не былъ убитъ осколкомъ нѣмецкаго снаряда. Одинъ Господь знаетъ, какъ онъ туда пробрался.

У кассы собралась небольшая группа. Одинъ побывавшій подъ Ипромъ унтеръ-офицеръ рассказывалъ объ этомъ дѣлѣ. Четыре дня и четыре

ночи пробылъ онъ со своей ротой въ траншеѣ. Нѣмцы осыпали ихъ убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ далекаго разстоянія, но каждый разъ, какъ непріятель пускался въ атаку, бельгійцы отбрасывали его съ большимъ урономъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, по увѣренію рассказчика, нѣмцы прибѣгали къ особому, непредусмотрѣнному никакими военными руководствами, тактическому приему: они гуськомъ выстраивались за поставленными впереди бельгійскими плѣнными, часто даже за женщинами и дѣтьми, и изъ-за нихъ обстрѣливали непріятеля. Это почище всякихъ траншей и окоповъ!

О такихъ живыхъ заслонахъ мнѣ не разъ уже приходилось слышать. Къ нимъ въ недоброе старое время прибѣгали народы, еще не озаренные свѣтомъ цивилизаціи, задолго до того, какъ нѣмцы дали міру Бетховена, Гете и Канта съ его „Критикой чистаго разума“. Какъ, однако, далеко мы шагнули назадъ!

По пути къ Аррасу.

Въхать поѣздомъ изъ Кале на югъ, къ Аррасу, который возбуждалъ во мнѣ острое любопытство, вельзя было, и я вынужденъ былъ вернуться обратно въ Будонъ. Оттуда я спустился къ Этаплю, прелестному приморскому городку, мирный сонъ котораго пока еще мало нарушенъ шумомъ битвы. Съ тихимъ рокотомъ ласкается къ нему море и бережно закрываетъ его своими туманами отъ происходящихъ на сѣверо-востокъ отъ него ужасовъ.

Но совсѣмъ уйти отъ нихъ онъ не можетъ, — раскаты военной гровы начинаютъ доноситься и сюда. Вчера сюда прибыла большая партія бѣглецовъ, и суровые рыбаки Этапля, молчаливые и хмурые, какъ береговныя скалы, съ которыми они такъ сжились, ни слова не говоря и не вынимая изъ зубовъ трубки, размѣстили своихъ нежданныхъ гостей по домамъ. Вечерами у пылающаго камина въ старо-нормандскомъ стилѣ, за бутылкой добраго сидра, будутъ идти безконечныя рассказы о нашествіи sales boches, какъ здѣсь называютъ нѣмцевъ, а хмурые рыбаки, попыхивая трубками и поминутно сплевывая черезъ зубы, молча будутъ слушать страшныя сказки жизни.

Пройдутъ дни и годы, а люди, пережившіе эти страшныя сказки, все еще будутъ рассказывать ихъ, а когда они сойдутъ въ могилы, объ этихъ кошмарныхъ дняхъ станутъ говорить ихъ дѣти и внуки. Бываютъ въ исторіи такіе поворотные пункты, которые приковываютъ къ себѣ жалное вниманіе цѣлага ряда поколѣній. Уходящее впередъ человѣчество долго еще осматривается назадъ, сквозь дымку прошлаго пытаясь разглядѣть и запечатлѣть въ памяти все, что осталось, тамъ, за поворотомъ.

Отъ Этапля до Монтрей и дальше къ Сенъ-Полю, находящемуся вблизи Арраса, поѣздъ тащился съ раздражающей медленностью. Сдѣлавъ 2—3 километра и въ раздумьи остановится, какъ бы соображая, стоитъ ли идти дальше. Пасущіяся вдоль полотна коровы, поднимая головы, съ недоумѣніемъ смотрятъ на поѣздъ, изъ выбрасываемые имъ клубы дыма и суетащихся вокругъ вагоновъ

людей. Пассажиры нервничают и отпускают злые остроты насчет поѣздной прислуги.

По мѣрѣ приближенія къ Сент-Полю дорога, которая идетъ вдоль желѣзнодорожной линіи и которую намъ очень хорошо видно изъ оконъ вагона, все болѣе оживаетъ. Все тѣ же знакомыя картины: печально бредутъ сотни, тысячи обездоленныхъ войной людей. Семейный очагъ, уютъ родного дома, совмѣстный трудъ и совмѣстный отдыхъ,—все исчезло, сметено чей-то злой волей. Людямъ некуда идти, некуда приткнуться. Какъ бы ни встрѣтили ихъ чужіе, сколько бы ласки и вниманія ни расточали имъ, своего дома все же нѣтъ.

Нѣкоторые бѣглецы гонятъ передъ собой коровъ. Это богачи, на которыхъ съ завистью поглядываютъ другіе. Бѣдные богачи!

На одной небольшой станціи бивуакомъ расположились бѣглецы изъ Арраса и окружающихъ деревень. Ихъ тутъ до сотни. Они ждутъ поѣзда на западъ. Вокругъ нихъ тѣсятся любопытные,—мѣстные жители, желѣзнодорожные служащіе, пассажиры. Мнѣ указываютъ на какую-то крестьянку, которая сидитъ на узлѣ съ вещами и смотритъ передъ собой недвижимо, застывшимъ взглядомъ.

— Помѣшалась бѣдная!—понизивъ голосъ до шепота, сообщаетъ мнѣ кондукторъ.—Видѣла километровъ за пятьдесятъ къ сыну въ гости, а когда черезъ недѣлю вернулась къ себѣ въ деревню, не только отъ ея дома, но и отъ всей-то деревни ничего не осталось. Нѣмцы сожгли. Цѣлыя сутки все рылась среди обгорѣвшихъ развалинъ,—насилу ее оторвали.

Меня очень занимаетъ вопросъ, удастся ли мнѣ попасть въ Аррасъ. Хотѣ бы однимъ глазомъ взглянуть! Кругомъ только объ Аррасѣ и говорятъ.

Наканунѣ его опять обстрѣливали нѣмцы. Снарядами двое убито и около десятка человекъ ранено. Цѣлыя почти сутки все населеніе города отсиживалось въ погребахъ. Тридцать три снаряда попало въ соборъ, который вполне справедливо составляетъ гордость аррасцевъ. Башня долго не поддавалась и, даже серьезно раненая, со спокойнымъ величіемъ красоты царица надъ бушевавшимъ вокругъ адомъ; но сила, грубая, варварская сила, побѣдила красоту, превратила гордую башню въ груды обломковъ, нагло насмѣялась надъ творческими усилиями человѣческаго генія.

Я во что бы то ни стало долженъ видѣть Аррасъ съ его поврежденнымъ во прахъ соборомъ. Неужели не удастся?

Я разспрашиваю кондукторовъ, пассажировъ, встрѣчныхъ солдатъ. Всѣ они охотно вступаютъ со мной въ бесѣду, рассказываютъ обо всемъ, что видѣли и слышали, даютъ множество полезныхъ совѣтовъ, и, вообще, относятся съ удивительнымъ вниманіемъ,—особенно когда узнаютъ, что я русскій. Нѣкоторые даже выражаютъ увѣренность, что меня, какъ русскаго, пропустятъ въ такія мѣста, куда простымъ смертнымъ ни за что не проникнуть.

— Даже въ Аррасъ?—спрашиваю я.

— А почему бы и нѣтъ. Разъ только бумагу у васъ въ порядкѣ.

Бумаги то у меня, конечно, въ полномъ по-

рядкѣ,—настолько, что я бы могъ побить рекордъ легальности; но въ Сень-Поль мнѣ категорически являють, что въ Аррасѣ теперь нельзя.

— Тамъ вездѣ нѣмцы, то и дѣло бои загораются! Сваряды чуть ли не сюда долетаютъ. Тутъ иногда такая канонада слышна, что жутко становится.

Но дальше слѣдующаго утра мнѣ лично довелось убѣдиться въ этомъ: меня разбудилъ глухой шумъ пушечныхъ выстрѣловъ. Методично, съ правильными почти промежутками, бухаютъ пушки, и кажется, что стрѣляютъ совсѣмъ близко,—тамъ вонъ, за этимъ лѣсомъ, который темно-сизой каймой окружаетъ городокъ.

Я вскочилъ и спустился внизъ, гдѣ, за стойкой стоялъ хозяинъ кабачка, въ которомъ я нашелъ почлегъ.

— Что, разбудили нѣмцы?

— А почему вы знаете, что это нѣмцы?—спрашиваю.

— А какъ же, напрактиковались, слава тебѣ Господи! У насъ тутъ и дѣти безошибочно отличаютъ по звуку нѣмецкіе выстрѣлы отъ французскихъ. Нѣмецкія пушки стрѣляютъ глухо, тяжело и звукъ долго, тягуче ползетъ по воздуху, а наши издають ясный, короткій звукъ, точно ударъ огромнаго бича. Слышите, это вотъ нѣмецкая пушка! Вумъ, бумъ... Долго такъ, душу выматываетъ! А наша гремитъ весело и свободно: бингъ, бингъ!..

Кабатчикъ увлекся и даже ударился въ философію: по народу-де и пушки. Французскія пушки созданы по образу и подобию французовъ,—легкія, подвижныя, веселыя (онъ такъ и сказалъ:

„веселыя“), а у нѣмцевъ и пушки такія же неповоротливыя, скучныя и хмурья, какъ они сами.

Скоро мнѣ пришлось услышать и „веселую“ французскую пушку, и я долженъ былъ призвать, что мой кабатчикъ въ значительной степени былъ правъ.

По мѣрѣ того, какъ канонада становилась чаще и явственнѣе, тревога цѣпкими когтями вшивалась въ сердца сень-польцевъ. Тамъ и сямъ на порогахъ домовъ, въ окнахъ, на улицахъ, показывались испуганные обыватели и пылливо смотрѣли въ сторону Арраса. Женщины въ отчаяніи ломали руки, точно нѣмцы были уже у самаго городка. Что тутъ творилось бы, если-бы они на самомъ дѣлѣ сюда явились! Неужели эти кокетливыя, утопающіе въ зелени домики превратились бы въ груды развалинъ? И этотъ рѣдкій по красотѣ, обвѣянный поэзіей старины замокъ былъ бы разрушенъ тяжелыми, хмурыми, какъ сами нѣмцы, пушками? И растоптаны эти такъ тщательно, такъ любовно культивируемые осенніе цвѣты,—астры, георгины, хризантемы?

Нѣтъ, все это черезчуръ дико, чудовищно. Человѣчеству просто-на-просто снится злой сонъ...

По дорогѣ чаще стали попадаться военные. На каждомъ шагѣ рогатки; по мѣрѣ приближенія къ боевой зонѣ подозрительность растетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я ужъ и не жду, чтобы ближайшій солдатъ или встрѣчный жандармъ спросилъ у меня бумаги, а самъ несъ ихъ навстрѣчу. За осмотровъ бумагъ обыкновенно слѣдуютъ извиненія: печальная, дескать, необходимость,—мы окружены шпионами. Вчера, вонъ, среди рабочихъ

ла траншеях попались два нѣмецких шпиона, повидимому изъ офицеровъ. Подъ изношеннымъ и грязнымъ рабочимъ костюмомъ на нихъ оказалось прекрасное тонкое бѣлье; въ карманахъ нашли планы, чертежи, записи на нѣмецкомъ языкѣ. Цѣлыхъ три недѣли они прожили въ грязи, валялись по ночамъ въ сараяхъ на загаженной соломѣ, днемъ тяжело работали заступомъ, рискуя каждую минуту быть раскрытыми. Ремесло не изъ приятныхъ. Сколько нужно самообладанія, выдержки и презрѣнія къ смерти...

Часто стали встрѣчаться англичане. Мчатся по дорогѣ ихъ тяжелые грузовики, кареты Краснаго Креста, автомобили съ офицерами и медицинскимъ персоналомъ. Поѣзда переполнены английскими солдатами. На станціяхъ ихъ окружаютъ толпы любопытныхъ. Всѣ они рослые, здоровые, молодецъ къ молодцу. Точно это не солдаты, а члены гимнастическаго общества. Да они и идутъ на войну, какъ на гимнастическій турниръ, въ которомъ съ одной стороны участвуютъ нѣмцы и австрийцы, а съ другой—англичане, французы, русскіе и бельгійцы. Война для нихъ тотъ же спортъ. *Some fight—чья возьметъ*,—только и всего. Разумѣется, въ основѣ охватившаго Англію боевого возбужденія есть и политика, и экономика, борьба за рынки и холодный гнѣвъ противъ нарушителей элементарнѣйшихъ нормъ права и справедливости; но для подавляющаго большинства идущихъ въ бой англичанъ—и, замѣйте, идущихъ добровольно, такъ какъ въ Англіи не существуетъ обязательной воинской повинности,—война является только особымъ видомъ спорта. Они и въ траншеяхъ, сидя за окопами, часто подъ гро-

хоть канонады, неизмѣнно занимаются гимнастикой и какъ ни въ чемъ ни бывало устраиваютъ пари относительно исхода завязавшейся перестрѣлки: удастся ли, напримѣръ, подбить скрытое въ лѣсу неприятельское орудіе? Всѣ съ интересомъ разсматриваютъ въ бинокль орудіе, внимательно слѣдятъ за дѣйствіями своихъ наводчиковъ и каждый выстрѣлъ сопровождаютъ воагласами одобренія или порицанія: „Very well. Missed“ (очень хорошо! Мимо!).

Въ одной деревушкѣ мнѣ пришлось, въ ожиданіи возможности дальнѣйшаго передвиженія, цѣлыя почти сутки прожить въ харчевнѣ въ обществѣ нѣсколькихъ английскихъ офицеровъ. Какая изумительная простота, какое спокойствіе и отсутствіе рисовки! Всѣ они уже не разъ побывали въ бою, у одного рука перевязана, у другого плечо пробито пулей, но никому изъ нихъ и въ голову не придетъ рассказывать о своемъ участіи въ дѣлѣ. Говорятъ о бояхъ вообще, но такимъ тономъ, какъ будто сами рассказчики находились отъ нихъ за тысячи верстъ: кто-то шелъ въ атаку, какой-то английскій отрядъ, рискуя потерять до послѣдняго человѣка, бросился на неприятельскую батарею, перебилъ всю прислугу и захватилъ пушки. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ выясняется, что командовалъ этими смѣльчаками именно рассказчикъ.

Какъ разъ наканунѣ одному изъ этихъ офицеровъ, высокому, рослому человѣку съ лицомъ Чемберлена, пришлось побывать въ жаркомъ дѣлѣ. Глубокой ночью, когда оба лагеря отдыали отъ пережитыхъ за день тревогъ, вдругъ раздался рѣзкій свистокъ, глашатай новыхъ тревогъ. Англи-

чане вскочили и схватились за оружіе. Кругомъ все было охвачено зловѣщимъ заревомъ пожара, — то нѣмцы, траншеи которыхъ расположены были въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ англійскихъ, съ цѣлю вызвать панику въ непріятельскомъ лагерь, облили керосиномъ и подожгли сотни отдѣлявшихъ оба ряда траншей кустовъ и мелкихъ деревьевъ. Съ обѣихъ сторонъ затрещали ружейные выстрѣлы. Нѣмцы съ криками „hoch!“ бросились впередъ. Освѣщенные пожаромъ, они казались какими-то фантастическими существами, выходцами изъ міра тѣней. Многимъ изъ нихъ въ эту ночь дѣйствительно пришлось перейти въ царство тѣней: англійскіе пулеметы и ружья пожали обильную кровавую жатву. Ночная атака нѣмцевъ не удалась, и они были отбиты съ огромнымъ урономъ. Нарушенный покой ночи снова вступилъ въ свои права, — только долго еще трещали догоравшіе кусты, да изрѣдка послѣднимъ усиліемъ вспыхивали огненные языки, на мгновеніе озаряя сотни новыхъ труповъ.

Аррасъ.

Я бродилъ по мертвому городу, который не такъ еще давно назывался Аррасомъ. О немъ теперь можно говорить только въ прошедшемъ времени. Арраса больше нѣтъ, какъ нѣтъ Геркуландума или Помпеи. Отъ него осталось только историческое воспоминаніе. Нельзя же назвать городомъ эти безформенныя руины, среди которыхъ только кое-гдѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли немногіе дома. Изъ 27 тысячъ населенія его едва

осталось теперь человѣкъ 500, да и тѣхъ не видно: они почти уже два мѣсяца живутъ въ погребкахъ.

Если войти въ Аррасъ въ сумерки или ночью, покажется, что попалъ въ мертвый городъ, — до того здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ жизни. Огромное кладбище. Чудится, что подъ этими домами-трупами похоронены и ихъ бывшіе обитатели. Охватываетъ невольная жуть. Нигдѣ ни души; во всемъ городѣ ни огонька, и несмотря на холодъ, вы не увидите дыма надъ немногими уцѣлѣвшими трубами. Впрочемъ, и днемъ здѣсь тоже не весело. Дома, пощаженные снарядами, наглухо заперты и покинуты; выбитыя окна заколочены досками. Магазины, кафе, гостиницы — все закрыто. Какъ-то даже дико было бы спросить здѣсь гостиницу, напримѣръ.

— Такъ вотъ и живемъ тутъ, — сказалъ мнѣ мой чичероне — по развалинамъ Арраса.

— Какъ испуганные звѣри зарылись подъ земли — и сидимъ. Выползешь на минуту на свѣтъ Божій, да и назадъ, въ норку, а то еще, того и гляди, подъ снарядъ попадешь.

Какъ бы съ специальной цѣлю подтвердить его слова, надъ самими головами нашими раздавалось шипѣніе, потомъ что-то тяжело ухнуло и въ то-же мгновеніе послышался глухой трескъ.

Нѣмцы сильно озабочены противъ Арраса. Они не разъ дѣлали отчаянныя попытки овладѣть имъ, чтобъ пробить себѣ дорогу къ Сень-Полю и дальше, къ сѣверному побережью. И городъ не разъ бывалъ ареной жестокой борьбы. Тутъ, у самыхъ воротъ его, разыгрывались одни изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ настоящей войны.

Мученичество Арраса началось 30 августа,

когда впервые заняли его двигавшіяся на Парижъ нѣмцы. Препятствій они не встрѣтили. Пришли они возбужденные, веселые, полные надеждъ.

— Bientot Paris! („Скоро въ Парижѣ!“),—хвастливо говорили они arrasцамъ.—France kaput! („Франціи крышка“).

Офицеры и солдаты очень интересовались жизнью Парижа, его развлечениями, его женщинами. При этомъ глаза ихъ мечтательно устремлялись на югъ, къ этой землѣ обѣтованной, которую они самовадьянно мнили повергнуть къ стопамъ своимъ если не страхомъ, то огнемъ и желѣзомъ. Охотнѣе всего они заводили разговоръ о парижанкахъ, которыя, быть можетъ, еще долго до выступления въ походъ волновали ихъ, какъ далекая „принцессы-грезы“,—далекія и недоступныя.

— Parisiennes bon, allemands aiment parisiennes!—повторяли они и въ трезвомъ и въ пьяномъ видѣ своимъ, часто невольнымъ, собесѣдникамъ изъ arrasцевъ.

Разумѣется, тотчасъ-же пошли реквизиціи. При этомъ нѣмцы обваражили довольно основательное знакомство съ городомъ. Нѣкоторыхъ офицеровъ жители узнавали,—оказывается, что они бывали уже здѣсь прежде, еще до войны, то въ качествѣ туристовъ, то въ роли коммивояжеровъ.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше отведите мнѣ № 14, я къ нему привыкъ!—обращается на прекрасномъ французскомъ языкѣ какой-нибудь нѣмецъ-офицеръ къ содержателю гостиницы.

Послѣдній всматривается и узнаетъ своего стараго постояльца.

Большинство жителей бѣжало еще до вступ-

ленія нѣмцевъ. Оставались, главнымъ образомъ, женщины: населеніе было предупреждено муниципальными властями, что оставлять дома совершенно необитаемыми значитъ подвергать ихъ риску быть разграбленными и сожженными, такъ какъ нѣмцы крайне недовольны, если находятъ дома пустыми. Мужчинамъ, особенно способнымъ носить оружіе, оставаться опасно, такъ какъ ихъ часто забираютъ въ плѣнъ, а иногда, подъ какимъ-нибудь вадорнымъ предлогомъ, даже разстрѣливаютъ.

И дѣйствительно, въ серединѣ сентября они увели въ плѣнъ нѣсколько десятковъ мужчинъ, не пощадивъ даже больныхъ: дѣла ихъ начинали портиться.

21 сентября начались кругомъ Arrаса бои. Огненное кольцо вокругъ города все суживалось, канонада становилась все грознѣе. 1-го октября на городъ стали падать снаряды. Въ воскресенье 4 октября во время торжественнаго богослуженія въ соборѣ, тутъ-же полученъ былъ приказъ отъ французскихъ военныхъ властей очистить городъ. Служба не была докончена, и черезъ полчаса густыя толпы потянулись въ сторону Сент-Поля. Больные и запоздавшіе спрятались въ погребахъ. Непріятельскія пушки не щадили и раненныхъ: нѣсколько снарядовъ попало въ госпиталь, одинъ изъ барачковъ котораго рухнулъ, похоронивъ подъ собой сестру милосердія и съ десятокъ больныхъ. Въ ту-же ночь Arrасъ загорѣлся и пылалъ, какъ огромный костеръ, точно его подожгли со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней относительнаго затишья бомбардировка возобновилась. Сильно по-

страдали соборъ и ратуша, точно пѣмцы набрали ихъ своей мишенью. Убитые и раненные насчитывались десятками. Нѣкоторые были похоронены подъ развалинами. Даже погребѣ уже перестали быть надежнымъ убѣжищемъ и для многихъ несчастныхъ превращались въ могилы: ихъ засыпало грудями камней сверху.

Въ двадцатыхъ числахъ октября новое затишь, а потомъ, 30 октября, новая, еще болѣе жестокая, бомбардировка. Адскій трескъ снарядовъ продолжался цѣлый день, съ 7 часовъ утра до 6 вечера. Было нѣсколько случаевъ смерти отъ разрыва сердца.—такой ужасъ наводилъ этотъ убійственный обстрѣлъ беззащитнаго города. Соборъ подвергся новому разрушенію, и теперь подъ его разбитыми сводами съ трудомъ можно пробираться. Многія улицы до того загромождены обломками, что стали неузнаваемы даже для старожиловъ. Да улицы, собственно, и нѣтъ—остъ груды камня и кирпича, среди которыхъ тамъ и сямъ валяются части домашней утвари, осколки стекла, уголь магазинной витрины, дѣбитый карнизъ, кусокъ обгорѣлой матеріи, дѣтская игрушка, вымазанный кровью битъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ бывшая богадѣльня, на нее пѣмцы почему-то обрушились съ нарочитой яростью: 30 обитателей ея было убито, 18 болѣе или менѣе тяжело ранено. Остальные, ежеминутно умирая отъ страха, до сихъ поръ отсиживаются въ погребѣхъ: куда же имъ бѣжать, старымъ и немощнымъ?

Говорятъ, что въ городѣ за эти ужасные дни было нѣсколько случаевъ сумасшествія. Мнѣ показывали одну восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, ко-

торая уже больше мѣсяца страдаетъ тихимъ помѣшательствомъ: на ея глазахъ были убиты осколками снаряда отецъ и мать. Теперь она все время беззвучно шепчетъ что-то губами; когда кто-либо, хотя бы даже ея младшій братъ, хочетъ подойти къ ней, она, дрожа всѣмъ тѣломъ, забивается въ уголь погребѣ; во всѣхъ она видитъ пѣмцевъ. Покойные родители ея были люди состоятельные и въ ней души не чаяли; у нея былъ женихъ, котораго она очень любила; она была хороша, и всѣ любовались ею, всѣ ее баловали; жизнь казалась ей такой прекрасной, заманчивой, полной чаръ. И вдругъ все рухнуло. Гдѣ-то пошли осложненія, заварилась какая-то каша, и пронесшаяся надъ Европой гроза убила ея счастье, погасила такъ ярко свѣтившее ей солнце жизни. И бросила ее во тьму кромѣшную

Многіе, кому заблаговременно удалось уйти, попали подъ артиллерійскій огонь тамъ, гдѣ они нашли временный пріютъ. Одинъ механикъ, ушедшій по настоянію своей жены изъ Арраса послѣ первой бомбардировки, на другой день былъ убитъ осколкомъ снаряда въ одной изъ окрестныхъ деревень; почти одновременно жена его была убита въ Аррасѣ. Тѣмъ-же осколкомъ оторвало кисть руки у стоявшей рядомъ съ ней четырелѣтней дѣвочки.—она играла съ куклой у самыхъ дверей погребѣ, изъ котораго ее на минуту вынули.

Теперь, впрочемъ, не только дѣти, но и взрослые никогда почти не выдѣлаютъ изъ своихъ

погребовъ на свѣтъ Божій. Городъ замеръ, вычерпнуть изъ списка живыхъ.

Когда я покидалъ его руины, за мной увязалась какая-то собака; худая, отощавшая, съ обрывкомъ веревки на шеѣ, она съ поджатымъ хвостомъ, дрожа мелкой дрожью отъ холода, жалобнымъ визгомъ говорила о томъ, какъ ей здѣсь холодно, голодно и тоскливо: хозяева бѣжали, а, быть можетъ, давно уже убиты—и некому подумать о несчастномъ песикѣ. Слушая его визгъ я невольно вспомнилъ андреевскаго „Кусаку“, брошеннаго осенью на опустѣвшей дачѣ. „А Кусака все выль“...

Компъень и Сенлисъ.

Компъень... Въ концѣ августа и началѣ октября это имя было у всѣхъ на устахъ. Этотъ историческій городокъ съ его знаменитымъ замкомъ, въ которомъ такъ привольно жилось французскимъ королямъ, съ его далеко раскинувшимся лѣсомъ который такъ часто оглашался веселыми звуками охотничьихъ роговъ, былъ однимъ изъ крайнихъ пунктовъ, до котораго дошли нѣмцы. Парижанамъ въ этомъ фактѣ чуялась угроза: вѣдь, отъ Компъеня рукой подать до Парижа! Нѣмцы въ Компъень! Разувайтесь, они пойдутъ на Парижъ. Надо надѣяться, что ихъ въ столицу не пустятъ, но все же... и Парижъ сталъ съ лихорадочной энергіей готовиться къ встрѣчѣ нежданыхъ и незванныхъ гостей. Тревога, какъ извѣстно, оказалась напрасной.

Компъень сравнительно мало пострадалъ, быть

можетъ потому, что Вильгельмъ хотѣлъ сохранить эту „жемчужину королей“ для себя. По крайней мѣрѣ, генераль фонъ-Клюкъ отдалъ приказъ по возможности шадить городъ. Главный штабъ его арміи помѣстился въ замкѣ и хозяйничалъ въ немъ цѣлую недѣлю. Французы предусмотрительно убрали изъ него все цѣнное, и прежде всего знаменитые гобелены. Зато фонъ-Клюкъ забралъ себѣ на память рѣдкой красоты шахматы, за которыми любилъ сидѣть Наполеонъ.

Когда нѣмцы съ побѣдными кликами, распѣвая *Wacht am Rhein*, вошли въ Компъень, изъ пяти съ лишнимъ тысячъ жителей его, врядъ ли осталось болѣе тысячи: большинство бѣжало въ сторону Парижа.

Прежде всего нѣмцы бросились въ кафе, въ рестораны, въ магазины и частные дома.

— *Demain Paris! Demain champagne avec petites parisiennes!*—весело говорили они на варварскомъ французскомъ языкѣ.

По увѣренію компъенцевъ, нѣмецкіе солдаты были убѣждены, что Компъень предмѣстье Парижа.

— Сколько по-вашему километровъ до Парижа?—спросила ихъ одна лавочница.

— Восемь!—увѣренно отвѣтили тѣ и для большей вразумительности даже написали эту цифру на бумагѣ.

Лавочница къ 8 приписала ноль.

— Вотъ сколько! Не 8, а 80!

У нѣмцевъ лица витанулись.

Солдаты фонъ-Клюва хозяйничали довольно безцеремонно. Въ первый же день они начисто опустошили погреба, переловили всѣхъ куръ, гу-

сей и прочую живность. „Чтобы дѣлу дать законный видъ и толкъ“, они предлагали обывателямъ въ уплату какіе-то боны на нѣмецкомъ языкѣ, а когда тѣ отказывались брать ихъ, говорили, что за все заплачено будетъ чистымъ французскимъ золотомъ—пусть только они возьмутъ Парижъ.

Нѣмцы привели съ собой около сотни плѣнныхъ французскихъ солдатъ. По прибытіи въ Компьень двоимъ изъ этихъ плѣнныхъ удалось бѣжать. Поднялась суматоха: нѣмецкіе офицера грозили разстрѣлять всѣхъ членовъ муниципалитета, если бѣглецы не будутъ пойманы; завладѣвшій мѣршей генераль Сабатъ рвалъ и металл. Перерыли весь Компьень, обшарили чуть не всѣ дома, искали даже въ погребахъ и конюшняхъ,—бѣглецовъ и слѣдъ простылъ. Уйти изъ Компьеня они не могли, такъ какъ всѣ выходы изъ города были тщательно охраняемы пруссаками; пропускали только тѣхъ, у кого былъ подписанный генер. Сабатомъ пропускъ. Уже въ сумерки въ мѣрью явилось двое штатскихъ и попросили дать имъ пропускъ для закупки провизіи въ сосѣднихъ деревняхъ. Сидѣвшій рядомъ съ генераломъ помощникъ мэра поблѣднѣлъ: онъ узналъ въ этихъ штатскихъ бѣжавшихъ плѣнниковъ. Генераль что-то заподозрилъ и насторожился. Переодѣтые бѣглецы были подвергнуты тщательному допросу, но все сошло благополучно, и они получили просимый пропускъ. Компьенцы ликовали, точно одержали надъ нѣмцами крупную побѣду.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Компьеня мнѣ довелось быть свидѣтелемъ драматическаго поединка въ воздухѣ. Солнце уже склонялось къ закату, когда высоко надъ городомъ, появился нѣ-

мецкій аэропланъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ погоню за нимъ пустились два французскихъ моноплана. Тотъ взметнулся вверхъ, подъ самую облака, забирая въ то же время на сѣверо-востокъ, въ сторону нѣмецкихъ позицій. Населеніе высыпало на улицы, и тысячи глазъ жадно устремились къ покрытому легкими облачками небу. Скоро французскіе авіаторы оказались почти на одной высотѣ съ нѣмцемъ, причѣмъ старались отрѣзать ему отступление. Началась перестрѣлка, которая доносилась внизъ глухими, короткими ударами. Токъ, токъ, токъ... Дымъ отъ выстрѣловъ долго, длинными, тонкими змѣйками держался въ воздухѣ и медленно, словно нехотя, растворялся въ лазури, на которой закаты уже началъ набрасывать розовыя полосы.

Вначалѣ выстрѣлы были безрезультатны,—по крайней мѣрѣ нѣмецкій аэропланъ свободно и быстро улеталъ на сѣверо-востокъ. Но вдругъ, послѣ одного выстрѣла, онъ сталъ дѣлать какія-то страннныя движенія, потомъ на нѣсколько секундъ застылъ въ воздухѣ и быстро сталъ опускаться. Черезъ минуту онъ скрылся за окаймляющимъ горизонтъ лѣсомъ. Что было дальше,—мнѣ узнать не удалось.

Было уже совсѣмъ темно, когда я прѣхалъ въ Сенлисъ, съ которымъ такъ безопасно распростились нѣмцы. Вокзалъ стогрѣлъ, и отъ него только кое-гдѣ остались обуглившіяся стѣны. Вмѣсто него нѣбется на скорую руку сколоченный деревянный баракъ.

Какъ только выходишь изъ вагона, тебя охватываетъ грустное, шемашее чувство: кругомъ печальныя лица, скорбныя взгляды, и, несмотря на

многолюдство, почти гробовое молчаніе,—точно на кладбищѣ или въ домѣ, гдѣ лежитъ покойникъ.

Тихо, почти не обмѣниваясь ни однимъ словомъ, выходимъ мы съ вокзала. Со мной корреспондентъ одной англійской газеты, съ которымъ я познакомился въ дорогѣ. Типичный англичанинъ, холодный и невозмутимый, онъ теперь, по мѣрѣ того, какъ передъ нами разворачивается картина разрушенія, не въ силахъ сдержать свое негодованіе и то, по-англійски, то по-французски, разражается проклятіями.

— It is terrible, is it not? (Это ужасно, не правда ли?),—спрашиваетъ онъ меня на каждомъ шагу.

Я вполне соглашаюсь съ нимъ. Это дѣйствительно ужасно. Я насчиталъ до сотни сожженныхъ и разрушенныхъ домовъ. Разрушены и сожжены они не снарядами, во время бомбардировки,—въ такомъ случаѣ это былъ бы только одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ, неизбежныхъ во всякой войнѣ. Нѣтъ, здѣсь дома поджигались самими нѣмцами уже послѣ того, какъ они овладѣли городомъ. Спокойно, методично. Оболить керосиномъ, даже соломы подложать, гдѣ нужно—и подожгутъ. Если обыватели вздумаютъ тушить, грохать револьверомъ. Одну женщину, которая почти лишилась разсудка отъ горя, когда подожгли ея домъ, и все рвалась тушить пожаръ, нѣмецкіе солдаты чуть не до смерти избили прикладами. И съ чисто тевтонскимъ упорствомъ и методичностью нѣмецкіе караулы стояли у горящихъ домовъ, ожидая чтобы они превратились въ развалины.

Большинство домовъ превращено не только въ развалины, а просто въ груды битого кирпича.

Только кое-гдѣ уцѣлѣли зданія стѣны. Среди обломковъ тамъ и сямъ видны исковерканные и обгорѣлые остатки домашней утвари: изогнутая спинка кровати, кресло съ вылѣзшими пружинами, изуродованная дѣтская коляска. Одна улица сплошь состоитъ изъ развалинъ,—точно попалъ въ разрушенный землетрясеніемъ городъ. При дунномъ свѣтѣ особенно жутко смотрѣть на эти руины. Смотришь на эти освѣщенные луной груды камней и стараешься мысленно восстановить картину мирной, безмятежной жизни, которая была здѣсь до прихода нѣмцевъ. Вотъ тутъ, судя по обломкамъ стѣны и нѣкоторымъ изуродованнымъ мелочамъ обстановки, навѣрное, была дѣтская; если порыться среди камней и пепла, можно, пожалуй найти оловяннаго солдатика или истераанную куклу; рядомъ, по всей вѣроятности, находилась столовая: тамъ и сямъ разбросаны осколки посуды и изогнутый подносъ. На одной уцѣлѣвшей стѣнѣ, вѣрнѣе, простѣнкѣ, повидимому, у входной двери, отъ которой теперь ничего не осталось, красуется чистенькая мраморная дощечка съ надписью: „Cours de piano“. Въ этой детали есть что-то трогательное, волнующее, рѣзко подчеркивающее ужасъ происшедшаго здѣсь.

Одиннадцать дней пробили нѣмцы въ Сенлисѣ. Жители, которые не успѣли убѣжать до ихъ прихода, все время жили въ тяжелой тревогѣ. Городъ долго былъ охваченъ заревомъ пожаровъ; дни и ночи его окутывалъ, точно саваномъ, густой ѣдкій дымъ, отъ котораго спирало дыханіе. Воздухъ былъ пропитанъ гарью, которая и теперь еще чувствуется. Газеты не доходили, и населеніе находилось въ полной неувѣренности о томъ,

что дѣлается за стѣнами города. Нѣмцы умышленно распространяли тревожные слухи. Они говорили, что Парижъ взятъ и изъявилъ полную покорность, что Вердѣнъ палъ и что французы по всей линіи разбиты на-голову. А въ довершеніе ко всѣмъ этимъ ужасамъ, съ сѣвера и востока все время грохотали пушки,—такъ близко, что казалось, вотъ-вотъ снаряды станутъ падать на городъ. „Благодарите Бога, что мы тутъ,—говорили сенлисамъ нѣмцы,—иначе наши пушки давно бы ужъ все сравняли тутъ съ землей!“

И какъ ни круто далось населенію пребываніе нѣмецкихъ войскъ, какъ ни звѣрствовали наводившіе городъ солдаты, оно все же съ тревогой ждало ихъ ухода: тѣ увѣряли, что какъ только они очистятъ Сенлисъ, онъ будетъ подвергнутъ бомбардировкѣ изъ тяжелыхъ орудій. Наличный, уже знакомый ужасъ жители предпочитали ужасамъ грядущимъ, неизвѣстно что съ собой несущимъ. Хорошаго ужъ во всякомъ случаѣ не ждали: если не будетъ бомбардировки, явятся, какъ увѣряли нѣмцы, новые непріятельскіе отряды.

По счастью, тревоги сенлисцевъ оказались напрасными: нѣмцы больше не появлялись; бомбардировки тоже не было. Кошмаръ разсѣялся, и только обгорѣлыя стѣны вопіютъ къ небу.

Альберъ.

Съ каждымъ днемъ передо мной все ярче встаютъ картины разрушенія. Пикардія, милая, наивная Пикардія, по которой я пробирался, сильно

пострадала отъ германскаго вѣшества. Налетѣли, нарушили мирный покой ея безбрежныхъ свежловичныхъ полей, ея тихихъ лѣсовъ и садовъ и сонно журчащихъ рѣчекъ. Населеніе ея спугнуто, какъ стая воробьевъ при набѣгѣ какого-нибудь пернатого хищника. Города и деревни на половину разрушены пожарами и убійственнымъ огнемъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Бѣдная, милая Пикардія. Тихо, безмятежно протекала жизнь въ ея градахъ и весяхъ, въ сторонѣ отъ бурнаго океана страстей и страданій человѣческихъ. Волны его только изрѣдка, да и то ослабѣвшими, докатывались до тихихъ заводей всѣхъ этихъ мѣстныхъ Миргородовъ. Парижъ казался гдѣ-то далеко-далеко чуть не за тридевять земель, и тысячи, сотни тысячъ добрыхъ пикардійцевъ такъ и сходили въ могилу, ни разу не побывавъ въ этомъ пугающемъ ихъ Вавилонѣ. Да и къ чему? У нихъ есть свой Парижъ: это Амьень, столица Пикардіи, призванный ея властелинъ и гегемонъ; Амьень, соборомъ котораго гордятся даже тѣ пикардійцы, кому не вышло на долю счастья видѣть его; Амьень, съ котораго до сихъ поръ еще не сошелъ вѣлеть средневѣковья и въ которомъ вы можете встрѣтить улицы съ такими сочными названіями, какъ „улица Голыхъ тѣлъ безъ головъ“ („Rue des corps nus santêtes“).

Если вѣрно, что счастливы народы, не имѣющія исторіи, то пикардійцы были счастливы. Исторія творилась гдѣ-то въ сторонѣ отъ нихъ. Тамъ кипѣли страсти, разгорались конфликты, рѣшались судьбы народовъ, лихорадочно работали человѣческій геній,—здѣсь, въ мирныхъ пикардійскихъ городахъ и селахъ житейскій укладъ почти не

мѣнялся. Газеты да наѣзжавшіе передъ выборами кандидаты, правда, будоражили время отъ времени эти тихіе затоны, говорили о кипящей гдѣ-то тамъ борьбѣ, но все это казалось очень далекимъ, и люди жили въ полной увѣренности, что ихъ-то бушующія въ отдаленіи грозы и бури не коснутся. Но они ошиблись. Раскаты грозы докатились и до сонныхъ пикардійскихъ Миргородовъ.

Вышло все это до того неожиданно, что добрые пикардійцы застигнуты были врасплохъ, и до сихъ поръ не могутъ придти въ себя. Ураганъ войны пронесся надъ самыми головами ихъ, все смялъ, опрокинулъ, перевернулъ вверхъ дномъ. Ихъ точно подхватило бурнымъ потокомъ и, не давъ имъ времени опомниться, унесло въ тотъ самый бушующій океанъ жизни, о которомъ они имѣли только смутное представленіе.

Я сегодня посѣтилъ одинъ изъ такихъ застигнутыхъ грозой городковъ. Называется онъ Альберъ.

Онъ тоже былъ счастливъ, потому что не имѣлъ исторіи. Желанія семи съ лишнимъ тысячъ его обывателей и обывательницъ не перелетали за частоколь ихъ кокетливыхъ палисадниковъ. Одни работали, другіе торговали, третьи жили на свою небольшую ренту. Часто ѣздили въ Амьенъ, который находится всего въ 30 километрахъ,—побивать въ соборѣ, пройтись по главной его улицѣ,—по „Улицѣ трехъ булыжниковъ“,—заглянуть въ сипематографъ, полюбоваться витринами яѣсколькихъ „универсальныхъ“ магазиновъ. Нѣкоторые альберцы, особенно изъ торговаго люда, наѣзжали даже въ Парижъ, и это значительно подымало ихъ престижъ. Такіе счастливыцы обыкновенно начи-

нають свои рассказы неизмѣнной фразой: „когда я былъ въ Парижѣ“...

У альберцевъ были и свои достопримѣчательности, и первое мѣсто среди нихъ занималъ соборъ, надъ порталомъ котораго красовалась статуя Мадонны, въ неестественно протянутыхъ рукахъ держащая Младенца. Они даже находили, что ихъ соборъ мало чѣмъ уступаетъ не только Амьенскому, но и Реймскому,—развѣ только размѣрами. Во всякомъ случаѣ, свой соборъ они любили, и въ воскресенье и праздничные дни на паперть его поднимались разряженные горожане и горожанки съ молитвенниками въ рукахъ. Вольнодумцы, пре небрегавшіе мессами, были на перечесть и стояли на плохомъ счету. Когда въ ихъ числѣ оказался новоприбывшій учитель коммунальной школы, городокъ былъ сильно взволнованъ, и въ Амьенъ была послана негласная депутація, которая добилась того, что учителя-вольнодумца убрали.

Жили альберцы, даже состоятельные, скромно: при всемъ желаніи, тратить лишнія деньги было невозможно. Женщины съ утра до ночи занимались хозяйствомъ, мужчины—дѣлами. Послѣдніе впрочемъ, по вечерамъ, послѣ ужина, проводили часокъ-другой въ кафе за игрой въ „экартэ“ или въ „желѣзную дорогу“. У всякаго было свое кафе и собственное, освященное традиціей, мѣсто въ немъ. Если потаріусъ въ какой-нибудь вечеръ не приходилъ въ свое кафе, это казалось чуть не варушеніемъ законовъ природы, и на другое утро мужчины встревоженно спрашивали о его здорově.

И вдругъ всему этому безмятежному житію пришелъ конецъ. Призошло это какъ-то неожиданно, не давъ альберцамъ времени очнуться

отъ своей спячки и осмыслить совершающееся. Въ одно печальное утро пришелъ приказъ о мобилизаціи, на стѣнахъ мэрии появились какія-то воззванія и извѣщенія. На площади стали собираться толпы народа, среди которыхъ мелькали пришлые военные.

Дальше все пошло усиленнымъ темпомъ. Событія стали разворачиваться съ такой пугающей быстротой, что завсегдатаи кафе забыли карты, базаръ сталъ мѣстомъ взволнованныхъ политическихъ сборищъ, а лавочки—политическими клубами.

Наступаетъ 1 сентября—день, въ который Альберъ рѣшительно приобщился къ міровой исторіи. Въ этотъ день въ городъ вступили нѣмецкія войска. Военный вихрь подхватилъ и бросилъ въ омутъ тысячи жизней. Часть альберцевъ успѣла бѣжать, другая скрылась въ погребахъ, въ ригахъ, среди свекловичныхъ полей. *Sauve qui peut!* Но нѣмцы вели себя сравнительно мирно—и населеніе понемногу стало возвращаться.

Черезъ 18 дней нѣмцы ушли, а вслѣдъ имъ пришли французскія войска. Городъ совершенно успокоился и принялъ прежнюю фizioномію. Жизнь въ кафе, на базарѣ и въ церкви забила ключомъ. Бесѣды съ прѣязими неизмѣнно начинались теперь словами: „когда тутъ были нѣмцы“...

Но нѣмцы, оказалось, не совсѣмъ еще ушли, и покой Альбера скоро снова былъ нарушенъ,—на этотъ разъ сильной пушечной канонадой. Вокругъ города разгорѣлся жестокой артиллерійскій бой. 29 сентября около 3 часовъ дня надъ Альберомъ показался вражій аэропланъ, а черезъ часъ съ зловѣщимъ шипѣніемъ пронесся надъ самымъ

городомъ первый снарядъ. Онъ попалъ въ одну ферму, которая рухнула, какъ карточный домикъ.

Альберъ получилъ боевое крещеніе.

Къ вечеру бомбардировка ослабѣла, а потомъ и вовсе прекратилась. Пугливо озираясь, жители осторожно стали выползать изъ погребовъ и, пробравшись черезъ груды дымящихся развалинъ, бросились бѣжать по дорогѣ къ Амьену. Бѣжали кто въ чемъ былъ, съ плачущими дѣтьми на рукахъ, со смертью въ душѣ, съ воплями и проклятіями на устахъ. А позади небо было охвачено зловѣщимъ заревомъ пожаровъ.

Прошли дни и недѣли,—дни и недѣли тяжелыхъ скитаній, безъ крова, безъ пріюта, по чужимъ угламъ. Бомбардировка давно прекратилась—и жители Альбера понемногу стали возвращаться на родное пепелище. Жизнь опять вступила въ свои права. Улицы очищались отъ развалинъ, разрушеніе уступило мѣсто созиданію. Опять ожили политическіе клубы, и альберцы уже готовы были погрузиться въ прежнюю спячку. Но старуха исторія, повидимому, рѣшила, что этой встряски имъ еще мало: 22 октября бомбардировка города возобновилась. Опять зловѣшій гулъ разрывающихся снарядовъ, трескъ рушащихся домовъ, вопли, стоны, проклятія; и опять безумный, животный ужасъ погналъ тысячи людей подальше отъ этого проклятаго мѣста смерти и разрушенія.

Такова „исторія одного города“.

Она еще не кончена: Альберъ и по сей день составляетъ мишень для непріятельской артиллеріи. Въ раду другихъ городовъ—мучениковъ онъ по праву займетъ видное мѣсто.

Амьенъ.

Я только что вернулся въ Амьенъ изъ окрестностей Мондиде, куда ѣздилъ съ однимъ изъ сотрудниковъ мѣстной Амьенской газеты. Мы сидѣли въ скромномъ, но уютномъ кабинетѣ редакціи, который въ тоже время служить и корректорской, и репортерской, и конторой. Ответственный редакторъ, — онъ же и фактической — былъ въ формѣ артиллерійскаго солдата; онъ находился во временномъ отпуску и, засучивъ обшлага мундира, просматривалъ корректуру переводницы, время отъ времени вставляя слово въ нашу бесѣду.

Рѣчь шла о грандіозномъ артиллерійскомъ поединкѣ, отголоски котораго явственно, даже черезчуръ явственно доносились къ намъ въ окрестностяхъ Мондиде. Мой чичероне по этимъ мѣстамъ, секретарь редакціи, говорилъ о чудовищномъ впечатлѣніи, которое производятъ эти летающіе по воздуху „котлы“ („marmites“), какъ ихъ называютъ французскіе солдаты.

— И все же это еще не снаряды 42-сантиметроваго орудія! — замѣтилъ редакторъ. — Эта адская машина превосходить все, что когда-либо было изобрѣтено злѣйшими гевіями человѣчества.

Онъ отложилъ въ сторону перо, усѣлся поудобнѣе и прочелъ намъ маленькую лекцію о 42-сантиметровомъ орудіи.

Когда это орудіе употребляется для стрѣльбы по прямой линіи, къ нему приспособляется цѣлая система полыхъ цилиндровъ, которые доводятъ его длину до 21 метра (около 30 аршинъ!). Но оно чаще употребляется для стрѣльбы по кри-

вой траекторіи; подъ угломъ въ 40° снарядъ пролетаетъ 14 километровъ, по прямой линіи — 30 и даже до 40 километровъ. Снарядъ вѣситъ 950 килограммовъ (около 58 пудовъ), причемъ 850 приходится на долю пороха. Длина его составляетъ около 1 метра 20 сантим. (т. е. аршина 1¹/₂!).

Разумѣется, при оперированіи съ такой адской машиной приходится принимать чрезвычайныя предосторожности. Заряжается она съ помощью особой электрической машины, причемъ передъ выстрѣломъ прислуга поспѣшно отдалается, на автомобиляхъ или велосипедахъ. Этимъ отчасти объясняется то обстоятельство, что въ часъ она можетъ выпустить не больше 4—5 снарядовъ. Орудовать ею могутъ только специально командиреваемые заводами Круппа инженеры.

Установка этихъ стальныхъ монстровъ дѣло въ высшей степени сложное. Для этого требуются солидныя цементныя платформы съ металлической настилкой. Разъ такая платформа мѣнется, самый процессъ установки орудія требуетъ работы 250 человѣкъ въ теченіе 24 часовъ. При этой истиннѣй „царь-пушкѣ“ обыкновенно бываетъ, для защиты ея отъ непріятельскаго огня, свита изъ болѣе мелкихъ, большей частью 14-сантиметровыхъ орудій, и не менѣе 1500 человѣкъ отборной пѣхоты.

Стоитъ это крупновское дѣтище около миліона рублей, причемъ каждый выстрѣлъ обходится въ среднемъ рублей приблизительно въ 18.000. Если принять во вниманіе, что каждое такое орудіе въ общей сложности можетъ выпустить 120 снарядовъ (послѣ чего оно приходитъ въ негодность), то окажется, что существованіе его

обходится пѣмцамъ миллиона въ три рубля. Иными словами, для того, чтобы разрушить какой нибудь фортъ (а для этого 120 снарядовъ не всегда достаточно), имъ надо затратить почти столько же, сколько стоила самая постройка форта. Впрочемъ, фирма Круппа похваляется, что она можетъ строить такіе форты, противъ которыхъ даже 42-сантиметровыя орудія будутъ безсильны. Говорятъ же, что она рекламировала какъ-то свои снаряды, противъ которыхъ не можетъ устоять никакая броня, и свою броню, которую не пробьетъ никакой снарядъ.

Всего у пѣмцевъ, по слухамъ, имѣется только 6 такихъ орудій. Одно, впрочемъ, судя по рассказамъ пѣмецкихъ пѣвннхъ, разорвалось, причеиъ это вызвало настоящую катастрофу. Прислуга и находившіеся по близости отъ орудія 250 человекъ пѣхоты были разорваны въ клочья. Окровавленные части тѣлъ ихъ были отброшены на 10 и болѣе километровъ; осколками убило и переранило многихъ солдатъ кавалерійскаго отряда, который находился на разстояніи семи километровъ отъ мѣста взрыва. Нѣсколько окрестныхъ фермъ рухнуло отъ сотрясенія воздуха, а остатки орудія провалились въ огромную вырытую взрывомъ яму. Въ этомъ можно было бы усмотрѣть своего рода символъ: милитаризмъ своими крайностями самъ себѣ роетъ могилу...

Разговоръ въ нашей маленькой компаніи перешелъ на другія темы,—все вокругъ да около войны. Нашъ редакторъ, котораго товарищи въ шутку называли „mon général“, сталъ рассказывать о жизни на самой линіи огня, но въ эту минуту раздался оглушительный трескъ, и всѣ

вскочили. Что бы это могло быть? Во всякомъ случаѣ, не пушечный снарядъ. Къ этой музыкѣ всѣ мы до того уже привыкли, что научились ее узнавать. Можно сказать, всташь и ложишься подъ грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ.

За первымъ ударомъ, съ промежуткомъ въ полминуты, слѣдовалъ другой. Всѣ мы бросились къ окну, потомъ на улицу. Оказалось, что надъ городомъ пролетѣли два пѣмецкихъ аэроплана и бросили съ подвѣщины бомбы. Нѣкоторыя упали въ воду и только двѣ разорвались. Одна разорвалась въ какихъ-нибудь двухъ сотняхъ шагахъ отъ редакціи, гдѣ мы сидѣли, и зазгла отдѣленіе газового завода. По счастью, пожаръ тотчасъ же былъ потушенъ.

Меня удивило, что эти бомбы на Амьенцевъ, какъ будто не произвели никакого впечатлѣнія,—словно, онѣ были въ порядкѣ вещей и входили въ программу повседневной обывательской жизни — Притерпѣлись! — объяснили мнѣ мои новые пріятели.—Не то было въ самомъ началѣ войны. Надо было вамъ видѣть, что тутъ дѣлалось 31 августа, когда 40.000 пѣмцевъ вошло въ Амьенъ! Еще за нѣсколько дней до этого охваченные паникой жители стали разбѣгаться. Бросали на произволъ судьбы дома, магазины, все достояніе—и бѣжали куда глаза глядятъ, главнымъ образомъ, конечно, на Парижъ. Никакія полицейскія силы не въ состояніи были сдерживать толпы народа, бросавшейся на поѣзда. Скоро, впрочемъ, паника прекратилась: оставшееся населеніе увидѣло, что пѣмцы построены сравнительно мирно. Какъ впоследствии выяснилось, они рѣшили пощадить Амьенъ, такъ какъ хотѣли сдѣлать изъ него опорный пунктъ

для дальнѣйшихъ поступательныхъ операцій къ Парижу. Изъ главнаго германскаго штаба былъ отданъ приказъ по возможности не раздражать населенія. Въ первый же день къ городу были предъявлены тяжелыя требованія. Къ вечеру должны были быть доставлены: 40.000 килограммовъ хлѣба, столько же мяса, 5000 кил. кофе, 1000 кил. сахару, 1000 кил. шоколаду, 2000 кил. сухарей, 100.000 сигаръ, 100 осѣдланыхъ лошадей, 500 электрическихъ фонарей, 5000 кил. сѣна и много другихъ припасовъ. Не забыты были и вина. Тутъ же, въ теченіе часа, городъ долженъ былъ представить 12 заложниковъ. Если требованія не будутъ удовлетворены, на Амьень, какъ заявилъ нѣмецкій генералъ, назначенный комендантомъ города, будетъ вложена контрибуція въ 20 милліоновъ франковъ; если же и контрибуція не будетъ внесена,—черезъ 48 часовъ городъ подвергнется бомбардировкѣ, а заложники будутъ расстрѣляны.

— Ну, и что же? Все это было доставлено?

— Нѣтъ, требованія нѣмцевъ въ значительной своей части оказались совершенно неисполнимыми, тѣмъ болѣе, что большинство торговцевъ и рабочихъ разбѣжались. За недоставленные припасы, пришлось внести 160.000 франковъ наличными.

— Долго они у васъ пробыли?

— Недѣли двѣ. Все время они кокетничали необыкновеннымъ джентльменствомъ; платили за все наличными, были почтительны съ женщинами. Это была особая, предписанная свыше тактика: германскій главный штабъ надѣялся этимъ облегчить себѣ влзтіе Парижа. Важно было убѣдить парижанъ, что нѣмцы народъ въ высокой

степени культурный и что населеніе столицы, въ случаѣ ея капитуляціи, можетъ быть совершенно спокойно.

Всю эту игру они, однако, испортили бомбами, которыми въ то же время осыпали Парижъ.

Вокругъ Амьена.

Мнѣ пришлось на нѣсколько дней сдѣлать Амьень своей главной квартирой. Дальше на востокъ, куда ни двинешься, кипитъ бой, разрываются снаряды, съ зловѣщимъ гуднѣемъ носится по воздуху смерть. Железнодорожное сообщеніе въ эти „гиблыя мѣста“ прервано, и приходится прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ способамъ передвиженія: нѣсколько километровъ проѣдешь на повозкѣ мясника, до слѣдующей деревни проѣдешь пѣшкомъ, а тамъ опять, быть можетъ, подвернется какая-либо оказія. Точно находишься не въ культурной Франціи XX вѣка, а гдѣ-нибудь въ центральной Африкѣ. Если прудумительно не запасаешься чѣмъ-нибудь съѣстнымъ, придется голодать; подвоза сюда почти нѣтъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ жизнь совершенно замерла,—и часто даже куска хлѣба не достанешь.

Доберешься до какой-нибудь деревни,—среди бѣды для абсолютное безлюдіе. Идешь въ мѣрѣю—пусто, стучишься въ одинъ домъ, въ другой—нѣтъ отвѣта. Наконецъ, попадается живой человѣкъ.

— Есть у васъ тутъ что-нибудь вродѣ ресторана или харчевни?

— Есть. Вонъ тамъ за угломъ, у тетушки Бюре. Идешь къ тетушкѣ Бюре. На стукъ никто не выходитъ. Отворяешь дверь,ходишь—ни души.

Длинные столы, скамьи вдоль стѣнъ, въ углу стойка, но никакого признака обитаемости.

— Эй, люди добрые! Есть тутъ кто-нибудь?

Кричишь настойчиво, до хрипоты. Черезъ нѣсколько мивуть, точно въ мелодрамѣ „Разбойничій вертепъ“, приподнимается ведущая въ подземелье крышка, и надъ ней показывается испуганная женская голова. Это и есть тегушка Бюре. Изъ разспросовъ выясняется, что она со своей семьей уже цѣлый мѣсяцъ живетъ въ погребѣ: наверху страшно, то и дѣло снаряды по воздуху летаютъ.

— У насъ тутъ нѣсколько человекъ ужъ убило. А домовъ сколько поразворочало!

— Отчего же вы не уйдете куда-нибудь отсюда?

— А куда уйдешь? Всюду этихъ бѣглецовъ, какъ сельдей въ бочку, понабито. Милостыней жить пришлось бы, руку протягивать,—нѣтъ ужъ, другіе какъ хотятъ, а я тутъ останусь. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Да и дѣти у меня малыя,—съ ними въ такой холодъ не очень разойдешься.

Съ разрѣшенія хозяйки я спустился въ погребъ. Неможно сыро, но ничего, недѣлку, другую прожить можно. Днемъ и ночью горитъ лампа, по стѣнамъ кой-гдѣ цыновки развѣшаны, полъ густо устланъ соломой. Огромная, монументальная кровать, которую пришлось разнять на части, чтобы спустить въ погребъ, столъ, нѣсколько стульевъ. На кровати трое дѣтей,—возятся, играютъ съ чѣмъ-то.

— Такъ я ихъ съ кровати и не спускаю,—все же сырость меньше доходить будетъ. Дѣвочка у меня и безъ того простужена, кашляетъ все.

Дѣвочка, лѣтъ семи, какъ бы въ подтвержденіе словъ матери, залилась хриплымъ, овечьимъ кашлемъ.

— Не все же время вы тутъ сидите?

— Мнѣ-то приходится время отъ времени подниматься наверхъ,—не ради посѣтителей,—какіе ужъ теперь посѣтители! Часто и самимъ хлѣба не хватаетъ. Ну, а дѣтей совсѣмъ не выпускаю. Иной разъ просятся, плачутъ,—пусти да пусти наверхъ, а какъ пустить? Вчера, вонъ, снарядъ, какъ ахнетъ,—домъ стараго Тома, что воадѣ церкви, весь разворочало. Крышу словно срѣвало...

Я видѣлъ эти разрушенные снарядами дома: работа чистая! Отъ нихъ остались груды развалинъ. Даже находившіеся во дворахъ земледѣльческія орудія исковерканы до неузнаваемости. Яма, вырытая однимъ изъ такихъ снарядовъ, имѣетъ не меньше трехъ аршинъ глубины и столько же въ діаметрѣ,—нару лошадей спрятать можно. Мнѣ говорили, что это снаряды 21-сантиметровой пушки, вѣсомъ пудовъ въ 20, они летать по почти вертикальной траекторіи со скоростью отъ 300 до 400 метровъ въ секунду. Сначала слышно зловѣщее шипѣніе: жжж..., потомъ сухой и рѣзкій, чудовищной силы, ударъ; сравнить его съ громомъ, даже самымъ сильнымъ, нельзя: никакой громъ не производитъ такого повстинѣ ошеломляющаго впечатлѣнія. Близко отъ меня до сихъ поръ еще ни одинъ снарядъ не разорвался,—ближайшій упалъ приблизительно въ полуверстѣ отъ меня, но ударъ былъ такъ силенъ, точно снарядъ разорвался у самихъ ногъ моихъ.

Мнѣ удалось собрать нѣсколько осколковъ, въ 3-4 лота вѣсомъ каждый. Они чугунные, съ сине-

ватимъ отблескомъ, какой бываетъ у нѣкоторыхъ минераловъ въ необработанномъ видѣ. Нѣсколько дальше я наткнулся на неразорвавшійся снарядъ 77-миллиметроваго орудія; онъ не великъ, не больше обыкновенной бутылки съ отбитымъ горлышкомъ.

По мѣрѣ приближенія къ мѣсту боя населеніе становится все рѣже. Пушки выметаютъ все живое на десятки верстъ передъ собой; здѣсь царство смерти, и горе живымъ, которые попадаютъ сюда. Но многіе все же упорствуютъ и не хотятъ покинуть родной очагъ, не хотятъ оставить на произволъ судьбы свою политую потомъ ниву и съ такимъ трудомъ налаженное хозяйство. Это своего рода „власть земли“. Мнѣ приходилось видѣть такихъ озабоченно-упорныхъ крестьянъ. Большею частью это ужъ старики, съ обвѣтренными лицами, недовѣрчивыми, исподобья, взглядами, съ заскорузлыми, узловатыми, давно потерявшими всякую чувствительность, пальцами. Въ синей захватанной блузѣ, надѣтой поверхъ цѣлаго вороха фуфаяскъ и камзоловъ, въ тяжелыхъ, пудовыхъ сабо, согнувшіеся въ дугу отъ многолѣтней тяжелой работы, идутъ они за плугомъ такъ-же, какъ шли до войны, какъ если бы вокругъ нихъ ничего не измѣнилось. Сосѣди ихъ бѣгутъ, деревня пустѣетъ, кругомъ все охвачено паническимъ страхомъ, въ воздухѣ то и дѣло съ злобѣющимъ шипѣніемъ проносятся снаряды, а они какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ свое дѣло,—развѣ только плывутъ сердито да крѣпко, по-мужицки, выругаются, когда ужъ очень досадятъ нѣмцы. Они проклинаютъ нѣмцевъ, проклинаютъ политику, въ которой не умѣютъ и не

хотятъ разобраться, и желаютъ только одного: чтобъ имъ не мѣшали работать. Но если имъ помѣшаютъ, если снарядами разрушить ихъ домъ, убить скотину, исковеркаетъ плугъ,—они часто въ одиночку, съ дьявольскимъ упорствомъ и злобой, начинаютъ мстить врагамъ: подстерегаютъ отбившихся отъ своихъ частей неприятелей, заманиваютъ ихъ въ западню и безошадно убиваютъ, подобно монасановскому „дѣдушкѣ Милову“. Равнодушіе къ смерти у нихъ поразительное. Это не героизмъ,—если бъ вы назвали ихъ героями, они только дико посмотрѣли бы на васъ своимъ тяжелымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Просто, нѣтъ у нихъ страха—и все тутъ. Чуть не надъ самой головой снаряды проносятся, а они себѣ работаютъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Разумѣется, это типы исключительные. Большинство предпочитаетъ бѣжать за „предѣлы досягаемости“, и чѣмъ ближе къ линіи огня, тѣмъ пустыниѣ становятся деревни. Если и есть гдѣ какіе-либо признаки жизни, то съ сумерекъ, т. е. часовъ съ 4—5, все замираетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запрещено, начиная съ 5 часовъ, выходить изъ домовъ: улицы большей частью не освѣщены, и можно попасть либо въ вырытую снарядомъ яму, либо въ покинутую траншею. Такіе случаи бывали.

Большинство окружающихъ Амьенъ пунктовъ, вообще, лишено свѣта, такъ какъ бомбардировкой повреждены центральныя станции. Въ одномъ занятомъ нѣмцами городкѣ произошелъ такой случай; нѣсколько прусскихъ офицеровъ сидѣли вечеромъ въ кафе. Вотъ погасъ свѣтъ. Офицеры вскакиваютъ и въ тревогѣ выбѣгаютъ на улицу: они убѣждены, что противъ нихъ что-то замышляють

Арестовываютъ мэра и, направивъ на него десятокъ револьверовъ, подвергаютъ допросу. Тщетны его увѣренія, что онъ тутъ не при чемъ. Его ставятъ у стѣны и собираются разстрѣлять, но въ послѣднюю минуту ему дарятъ жизнь на слѣдующихъ условіяхъ: къ утру онъ долженъ доставить 1,000 хлѣбовъ и 500 мѣшковъ овса. Всю ночь не спавъ бѣдный мэръ — и къ утру доставилъ все требуемое. При этомъ его заставили пробовать каждый изъ десяти хлѣбовъ: нѣмцы боялись, что хлѣбъ отравленъ. Горе побѣдителямъ, — особенно если это халифы на часъ.

У передовыхъ позицій.

Въ одной деревушкѣ, въ окрестностяхъ Сень-Поля, я встрѣтился съ англійскимъ солдатомъ, который только что вернулся съ боя на р. Изерѣ. Узнавъ, что я говорю по-англійски, онъ мнѣ очень обрадовался, и мы засидѣлись съ нимъ, въ скверномъ кабачкѣ, за сквернымъ пивомъ, далеко за полночь.

Мой собесѣдникъ оказался интеллигентнымъ человѣкомъ, бывшимъ почтовымъ чиновникомъ въ Лондонѣ. Весь онъ, казалось, былъ еще обвѣянъ пороховымъ дымомъ. Въ глазахъ его было какое-то особенное выраженіе, какое бываетъ только у тѣхъ, кто смотрѣлъ въ лицо смерти. Это всегда оставляетъ ненаглядный слѣдъ, дѣлаетъ взоръ глубже, сосредоточеннѣе, точно онъ видитъ вещи потустороннія, не отъ міра сего. Минутами собесѣдникъ мой останавливался посреди фразы, и, какъ-бы совершенно забывъ о моемъ присутствіи, долго смотрѣлъ въ одну точку, словно раз-

глядывая нѣчто ему одному видное. Быть можетъ, въ эти минуты передъ взоромъ его воскресали кошмарныя картины, которыхъ онъ столько насмотрѣлся.

— Знаете, то, что тамъ происходило, — говорилъ онъ, медленно пуская клубы дыма, — перевернуло всё мои прежнія представленія о войнѣ. Война всегда мнѣ рисовалась обвѣянной дымкой поэзіи. Стройныя колонны сражающихся, развернутыя знамена, подбадривающая музыка, чудеса храбрости, великодушіе побѣдителя. Разумѣется, я не забывалъ, что приходится стрѣлять, колотъ, убивать, но то, что я видѣлъ на Изерѣ...

Онъ остановился на минуту и задумчиво сталъ разглядывать въ углу что-то ему одному видное.

— Кругомъ, куда хватается глазъ, — продолжалъ онъ, — поле усеяно трупами и ранеными, которыхъ давятъ бѣгущіе и несущаяся во весь карьеръ артиллерія. Въ промежутки между пушечными выстрѣлами слышны стоны раздавленныхъ людей. Точно все поле стонетъ, и вопли несутся откуда-то изъ земли. А оттуда, изъ-за Изера, надвигаются все новыя и новыя полчища нѣмцевъ. Изъ главнаго штаба отданъ приказъ во что-бы то ни стало перейти рѣку, какихъ-бы жертвъ это ни стоило. Когда мы передъ вечеромъ отходили къ Остендѣ, по дорогѣ плелись сотни раненыхъ. Многие не шли, а ползали. Проползаетъ нѣсколько шаговъ, — и останавливается. Ранеными были переполнены дома и улицы Остендѣ и окрестныхъ деревень. И самъ видѣлъ, какъ они толпами тѣснились у дверей госпиталей, тщетно умолая впустить ихъ, — нигдѣ не было ни одного свободнаго уголка. Они забирались въ частныя дома, въ кабачки и харчевни,

и тут же, въ облакахъ табачнаго дыма, въ затхлои, душливой атмосферѣ, перевязывали грязнымъ тряпьемъ свои раны.

На слѣдующее утро насъ отправили въ Мидлькеркъ, ближе къ Ньюпору, гдѣ наши засѣли въ прекрасно устроенныхъ траншеяхъ. Здѣсь идутъ по преимуществу штыковые бои, и воюющіе до того близко сходятся, что артиллерія обоихъ лагерей вынуждена бездѣйствовать, чтобъ не убивать своихъ. А нѣмцы все прутъ, и прутъ точно лавина. Наши встрѣчаютъ ихъ убійственнымъ огнемъ, устилаютъ доступъ къ траншеямъ горами непріятельскихъ труповъ, но по трупамъ громоздятся новые отряды, и все выше и выше становится гора мертвыхъ тѣлъ. А изъ нѣмецкаго главнаго штаба идутъ все новые приказанія: надо во что-бы то ни стало пробиться въ Дюнкирхенъ, а отсюда въ Калѣ!.. Въ промежуткѣ между штыковыми боями грохочутъ пушки. Въ воздухѣ стоитъ непрерывный гулъ; земля дрожитъ такъ, какъ будто сотрясаются самыя пѣдра ея. Бумъ-бумъ-бумъ!.. Снаряды поднимаютъ облака пыли и дыма, кромсаютъ и разрываютъ сотни человѣческихъ тѣлъ, вырываютъ изъ рядовъ все новыя жертвы. Порой высоко надъ нашими линиями показывается непріятельскій аэропланъ. Огромной зловѣщей птицей рѣшетъ онъ подъ самыми облаками, точно высматривая добычу. Покружится немного—и летитъ назадъ, къ своимъ, чтобы сообщить о результатахъ своей развѣдки. Эти воздушные набѣги раздражаютъ, нервнируютъ—и наши солдаты, часто совершенно безцѣльно, открываютъ по нимъ ожесточенную стрѣльбу. Иногда удается сбить непріятельскій аэропланъ, но чаще они ускользаютъ,

тѣмъ болѣе, что до нѣмецкаго лагеря очень близко. Если имъ удастся долетѣть къ своимъ черезъ нѣскольکو минутъ обыкновенно начинается жестокой артиллерійскій обстрѣлъ какой-нибудь облюбованной авіаторомъ нашей позиціи.

— Значитъ, эти воздушныя развѣдки достигаютъ цѣли?—спрашиваю я.

— Иногда, но далеко не всегда. Если воздушнаго развѣдчика не удастся сбить, наши обыкновенно принимаютъ предохранительныя мѣры быстро передвигаются пѣхотныя части, кавалерія, иногда, если условія мѣстности позволяютъ, и артиллерія, особенно легкая.

— А скажите, приходилось вамъ видѣть нѣмецкія траншеи?

— Приходилось. Мы не разъ выбивали нѣмецевъ изъ траншей. Надо имъ отдать справедливость, сдѣланы онѣ прекрасно. Только благодаря имъ нѣмцы имѣютъ еще возможность такъ держаться. Чтобы выбить ихъ изъ этихъ человѣческихъ норъ, приходится подойти вплотную, чуть не на самый край траншеи. Поскольку они сидятъ въ землѣ, съ ними нелегко справиться: даже артиллерійскій огонь причиняетъ имъ мало вреда. Настоящая работа начинается только тогда, когда они вытѣзаютъ изъ своихъ окоповъ и бросаются въ атаку. Если намъ удается отбить атаку, мы часто загоняемъ непріятеля за покинутыя имъ траншеи, которыя такимъ образомъ переходятъ въ наши руки. Нерѣдко въ нихъ оказываются тяжело раненые. Подошелъ я какъ-то къ краю траншеи, а оттуда высовивается голова нѣмца. Лицо измученное, страдальческое, на подбородкѣ кровь; глаза умоляющіе, какъ у смертельно раненой лавы.

Много я насмотрѣлся за это время ужасовъ, а этихъ глазъ все забыть не могу. Шведить что-то запекшимся губами, какъ будто воды просить. Всѣ раненыя прежде всего испытываютъ острую, мучительную жажду. Поднесъ я ему фляжку къ губамъ,—насилу потомъ оторвалъ. Выпилъ—и повалился на дно траншеи, какъ будто только этой жаждой и на ногахъ держался.

— А ваши, англійскія, траншеи сильно отличаются отъ нѣмецкихъ?

— Очень мало. Война все нивелировала. Своего рода интернаціональная школа военного искусства. Конечно, есть траншеи и траншеи. Иной разъ придешь на новое, ничѣмъ не защищенное мѣсто, и начинаешь слѣпно окапываться. Тутъ ужъ не до тонкостей... Случается, что вначалѣ копаешь чуть не руками или ложками, особенно когда приходится работать крадучись, чтобъ не услышать находящейся поблизости непріятель. Только-бы ямку вырыть, чтобы хоть голову можно было спрятать. Потомъ ужъ достаемъ, у кого есть, лопатки,—и начинаешь копать по-настоящему. Но есть, конечно, и заранѣе заготовленные траншеи. Такія часто представляютъ собой чуть не подземные салоны съ претензіей на комфортъ. Вотъ, напримѣръ, траншея, въ которой я прожилъ не такъ давно нѣсколько дней. Полъ устланъ соломой и древесными вѣтвями; сверху траншея покрыта стволами деревьевъ, на которыхъ густо наложена солома и дернъ, сравнивающій ее съ окружающей землей и дѣлающій эту искусственную пещеру совершенно незамѣтной на нѣкоторомъ разстояніи. Чтобы придать нашему импровизированному салону нѣкоторый уютъ, мы принесли

изъ ближней деревни, которую покинули жители, нѣсколько стульевъ, небольшой столъ съ причудливой рѣзбой, составлявшій, повидимому, гордость его сбѣжавшаго владѣльца, лампу и нѣкоторыя другія мелочи. Мы достали въ деревушкѣ даже нѣсколько книжекъ и иллюстрированныхъ журналовъ за старыя годы, но такъ какъ все это было на французскомъ языкѣ, котораго мы не знали, то эта литература служила только для украшенія нашего салона.

— А эта траншея была близко отъ нѣмецкихъ?

— Нѣтъ, километрахъ въ двухъ. Но въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ траншеи совсѣмъ близко сходятся,—настолько, что обитатели ихъ, принадлежащіе къ враждебнымъ лагерямъ, имѣютъ даже возможность переговариваться. Въ одномъ мѣстѣ наши траншеи находились въ какихъ-нибудь 60 шагахъ отъ нѣмецкихъ. Миѣ приходилось слышать не лишеныя инкантиности діалоги. По утрамъ, какъ только траншейные обитатели проснутся, начинается обмѣнъ привѣтствій. — Эй вы, квадратныя головы *), кричатъ съ французской траншеи,—вы все еще тамъ?—, А васъ еще не всѣхъ переманили?—отвѣчаетъ какой-нибудь нѣмецъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.—Сколько васъ осталось въ траншеѣ?—, Ровно два корпуса¹⁾!—ау-учить гордый отвѣтъ, покрываемый дружнымъ смѣхомъ. вмѣсто новой реплики, нѣмцы часто пускаютъ наудачу нѣсколько пуль—и завлаиваются перестрѣлка, большей частью безрезультатная. Въ

*) Французы теперь называютъ нѣмцевъ презрительной кличкой «кабачекъ» или «бачекъ», что значитъ квадратными головами.

одной изъ такихъ траншей былъ французъ скульпторъ; онъ все время забавлялся тѣмъ, что вырѣзывалъ изъ свеклы, которая въ изобиліи растетъ въ этихъ мѣстахъ, каррикатурныя фигуры нѣмцевъ и потомъ перебрасывалъ ихъ въ непріятельскія траншеи. Особенно виртуозно вырѣзывалъ онъ голову Вильгельма, и когда такая голова, брошенная мѣткой рукой, попадала къ нѣмцамъ, они въ видѣ гонора ра посылали талантливому скульптору градъ пуль...

**

На утро я простился со своимъ англичаниномъ и продолжалъ путь дальше на югъ. Я сѣлъ въ поѣздъ, идущій на Дуленъ, въ сторону Амьена. Въ концѣ концовъ, не все ли равно, куда ѣхать: вѣдь всѣ эти мѣста, куда забрасывали меня превратности разстроенныхъ желѣзнодорожныхъ всякихъ иныхъ сообщеній, были полны глубокаго драматическаго интереса. Эти сѣренькія деревушки, затеряныя среди необъятныхъ свекловичныхъ полей станціи, эти крестьяне въ широкихъ синихъ блузахъ и тяжелыхъ деревянныхъ сабо, эти хмурые, молчаливые рыбаки, не выпускающіе изъ рта крѣпко пропахшую табаконъ трубку—все это обвѣяно пороховымъ дымомъ. Въ этихъ мѣстахъ проходили свои и непріятельскіе полки, часто тутъ происходили жестокіе бои, и клубы дыма подолгу, иногда по нѣсколько сутокъ, задерживались въ этихъ вотъ кустахъ, надъ этими полями. Сплошь и рядомъ попадаешь на разрушенныя снарядами или сожженныя непріателемъ отдѣльныя фермы и цѣлыя деревни. Сколько за эту войну прибавится во Франціи—да и въ одной ли только Франціи?

историческихъ мѣстъ! Стояла себѣ десятилѣтними, быть можетъ, вѣками, какая-нибудь деревушка, сѣрая, незамѣтная, только на очень ужъ обстоятельныхъ картахъ, отмѣченная, и вдругъ попадаетъ въ круговоротъ кровавыхъ событій, приобретаетъ всемірную важность.

Съ мѣромъ одной такой деревни я встрѣчаюсь въ вагонѣ. Отъ его простого, безхитростнаго разсказа вѣтъ ужасомъ.

Деревня была—потому что теперь ея ужъ нѣтъ—большая, въ нѣсколько тысячъ душъ. Въ одно утро въ нее явилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, командированныхъ главнымъ штабомъ, тщательно осмотрѣли ее, что-то вымѣряли, записывали, наносили на чертежи; поднялись на колокольню мѣстной церкви, побродили по окрестнымъ полямъ, заглянули въ сосѣдній лѣсокъ, а потомъ, уже послѣ полудня, вернулись, потребовали мѣра и заявили ему, что здѣсь не сегодня-завтра произойдетъ бой, а потому необходимо предупредить населеніе, чтобы оно заблаговременно убралось.

Спорить было бесполезно, и черезъ нѣсколько минутъ деревня была охвачена паникой. Женщины причитали, ломали въ отчаяніи руки и слѣпшо собирали всякій скарбъ; плакали ничего не понимающія, но чувствующія, что струсилась какая-то бѣда, дѣти; мужчины, хмуро опустивъ головы, сваржились въ безвѣстный путь; скотина, и та почуяла бѣду, и оглашала воздухъ тревожнымъ ревомъ. Приходилось покидать насиженныя мѣста, все добытое тяжелымъ трудомъ, и искать крова у чужихъ людей. Сюда ужъ врядъ ли доведется вернуться,—развѣ на пепелище...

Поздней ночью деревня двинулась въ путь. Ночь выдалась темная, дождливая. Дороги не видно. А вдали грохочут пушки, словно подгоняя несчастных кочевниковъ и наполняя страхомъ ихъ и безъ того истерзаннаго сердца.

Черезъ два дня деревня стала ареной кровопролитной битвы. Когда мэръ недѣлю спустя навѣстиль ее, отъ нея остались только груды дымящихся развалинъ. Тамъ и сямъ валялись небуранные трупы, осколки снарядовъ, принадлежности солдатской амуниции, а надъ этой картиной разрушенія съ рѣзкимъ крикомъ носилось воронье.

Деревня попала въ исторію.

Лилль подъ германскимъ гнетомъ.

Мнѣ сегодня попался въ руки интересный документъ, представляющій самую подлинную библиографическую рѣдкость. Это номеръ лилльской газеты, издаваемой на французскомъ языкѣ подъ цензурою нинѣшнихъ хозяевъ города, нѣмцевъ.

Владѣлецъ этого документа, бѣженецъ изъ Лилля, хранить его какъ зѣницу ока, и увѣряетъ, что вывезъ его изъ города съ опасностью для жизни, такъ какъ нѣмцы всячески хлопочутъ о томъ, чтобы никто не выносилъ сору изъ занятой ими избы.

„Лилльскій Бюллетень“ является теперь единственнымъ органомъ мѣстной печати, которая насчитывала до войны около десятка газетъ. Лежащій передо мной, сильно измятый, зачитанный до дыръ листокъ помѣченъ 26 ноября. Это уже четвертый по счету номеръ. Подъ заголовкомъ значится, что газета выходитъ два раза въ недѣлю

по четвергамъ и воскресеньямъ „подъ контролемъ германскихъ властей“. Форматъ маленькій, въ четвертушку; номеръ продается по 5 сантимовъ. Въ Парижѣ онъ бы теперь бойко продавался и по 5 франковъ: съ тѣхъ поръ, какъ Лилль попалъ въ руки непріятеля, всякая вѣсточка о немъ подхватывается съ горячимъ интересомъ, какъ о близкомъ человѣкѣ, переносащемъ тяжелую операцію.

Что же заключается въ этомъ жалкомъ на видъ, истрепанномъ листкѣ, занесенномъ сюда изъ отрѣзанной отъ остальной Франціи сѣверной столицы ея?

Въ передовой статьѣ, безусловно единственной въ своемъ родѣ, трактуется вопросъ о контрибуціи которую нѣмцы наложили на городъ. Редакція, понимая, что тутъ комментаріи не только излишни, но и далеко не безопасны, ограничивается почти исключительно документальной стороной дѣла. Приведено письмо мэра, г. Дельсала, къ военному коменданту города, фонъ-Гейдриху, съ просьбой уменьшить наложенную на населеніе контрибуцію съ 7 до 6 милліоновъ франковъ, а также объ отсрочкѣ уплаты ея. Генералъ фонъ-Гейдрихъ, какъ это явствуетъ изъ печатаемаго тутъ же отвѣта, соглашается на недѣльную отсрочку (съ 24 ноября по 1 декабря), но заявляетъ, что объ уменьшеніи размѣра контрибуціи „и рѣчи быть не можетъ“. „Какъ видитъ читатель, — говоритъ уже отъ себя редакція, — нашему мэру, несмотря на всѣ его старанія, не удалось добиться отъ германскихъ властей уменьшенія денежной пени, наложенной на городъ. Шестой милліонъ, который долженъ быть уплаченъ сегодня, собрать еще не удалось. Мэръ

обращается съ горячимъ призывомъ ко всему на селенію: пусть всакій, богатый и бѣдный, несетъ свою посильную жертву, чтобы избавить городъ отъ каръ, которыми ему грозитъ г. комендантъ“.

За передовицей слѣдуетъ перечень административныхъ мѣропріятій новыхъ хозяевъ города. „Строго воспрещается какъ административнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ расклеивать, безъ разрѣшенія установленныхъ германскихъ властей, какія бы то ни было афиши“; „строго воспрещается переносить, безъ специального разрѣшенія, корреспонденцію изъ города въ окружающіе пункты; уличныя въ этомъ будутъ разстрѣливаемы“; „будутъ разстрѣливаемы виновные въ порчѣ электрическихъ проводовъ; въ случаѣ же невозможности обнаружить ихъ, отвѣтственность за порчу проводовъ будетъ возложена на мѣстныя муниципальныя власти“.

Дальше идутъ подписанныя другимъ генераломъ, фонъ-Геверницемъ, запрещенія продавать бельгійскій табакъ, устраивать рундуки среди улицъ и тротуаровъ, а также нищенствовать: люди, лишенные средствъ существованія, должны быть устроены въ специальномъ пріютѣ или получать правильную помощь отъ муниципальныхъ властей“.

Тотъ же генераль фонъ-Геверницъ „съ скорбіемъ“ констатируетъ въ слѣдующемъ своемъ „приказѣ по городу“, что чины городской полиціи не отдають чести нѣмецкимъ офицерамъ. „Во Франціи,—говорится въ приказѣ,—это, быть можетъ, и не принято, но въ Германіи офицеры привыкли къ знакамъ уваженія со стороны полиціи“, а потому пусть мэръ ввухитъ лилльскимъ полицейскимъ „эти элементарныя правила вѣжливости“.

Какъ видите, прусскіе офицеры великодушно берутъ на себя и цивилизаторскую миссію во Франціи: они учатъ французовъ бontonу. Жаль только, что уроки ихъ обходятся слишкомъ дорого,—особенно несчастному, ограбленному и разоренному лилльскому населенію. Насколько оно обнищало съ приходомъ этихъ „культуртрегеровъ“, видно изъ того, что половина газеты занята сообщеніями муниципалитета и всякихъ благотворительныхъ обществъ о прокормленіи голодныхъ, о томъ, гдѣ и на какихъ условіяхъ можно доставать дешовое топливо, о сиротскихъ пріютахъ, бесплатныхъ ночлежкахъ и т. п.

Мѣстная хроника, помимо этихъ свѣдѣтельствъ обнищанія богатаго города, вообще очень краснорѣчива. Значительно участились мелкія кражи: двѣ дѣвушки осуждены на 1½ года тюрьмы каждая, за кражу бѣлья; какой-то старикъ судился за кражу изъ магазина двухъ коробокъ сардинокъ, причемъ судъ отвесилъ ему сравнительно мягко (мѣсяць тюрьмы), такъ какъ свѣдѣтельскими показаніями было установлено, что съ тѣхъ поръ, какъ домъ его разрушенъ снарядами, онъ ведетъ полуголодное существованіе. Нѣкій Дестію, художникъ, 56 лѣтъ, найденъ повѣсившимся въ своей комнатѣ: съ самаго начала военныхъ дѣяній,—прибавляетъ газета, онъ провалялъ призывки психическаго разстройства, которое особенно усилилось послѣ первой бомбардировки города.

— Вообще, случаи самоубійствъ и сумасшествія страшно участились теперь среди лилльскаго населенія!—сказалъ владѣлецъ „Лилльскаго Вѣдателя“, бережно складывая и пряча въ карманъ это печатное свѣдѣтельство ужасовъ современной

войны.—Только нѣмцы не все печатать позволяютъ. Три четверти выбрасываютъ,—все надѣются, что имъ удастся скрыть отъ людей, что они сдѣлали съ нашимъ несчастнымъ городомъ. И за стѣнами его, дѣйствительно, понятія не имѣютъ обо всемъ пережитомъ лильскимъ населеніемъ. Кое-что еще знаютъ о первомъ нашествіи нѣмцевъ на городъ, въ началѣ сентября,—послѣдующія событія въ печати извращены до неузнаваемости.

— А какъ же въ дѣйствительности все это происходило?

Крестьянинъ, у котораго мы нашли пріютъ на почтѣ, поставилъ на столъ еще одну бутылку „vin du pays“, которое, по его увѣреніямъ, пилъ самъ президентъ республики, и лильскій бѣженецъ сталъ рассказывать:

— Во второй разъ нѣмцы явились 4-го октября. Утромъ городъ былъ занятъ ихъ пѣхотой, конницей и артиллеріей,—всего 8,000 человекъ. Около одиннадцати часовъ изъ противоположныхъ воротъ въ городъ вошло тысячи двѣ французскихъ солдатъ. У вокзала разыгрался жестокой бой, окончившійся полной побѣдой нашихъ. Нѣмцы бѣжали въ сторону Рубэ; но 9-го октября 60,000 ихъ снова окружило городъ. Сопrotивленіе было бесполезно. Власть отдала приказъ, чтобы всѣ мужчины, отъ 18 до 48 лѣтъ, немедленно покинули городъ черезъ Бетюнскія ворота, еще не занятія непріателемъ. Для большей безопасности имъ дали большой военный конвой, но это имъ мало помогло: значительная часть ихъ все же попала въ руки нѣмцевъ и были объявлены плѣнными. 10-го декабря, въ 9 часовъ утра, въ городъ явился, въ сопровожденіи 25 всадниковъ, нѣмецкій парла-

ментаръ; онъ былъ принятъ въ мѣрин мѣромъ, г. Дельсалема. На требованіе сдачи города, мэръ отвѣтилъ, что Лилль находится въ вѣдѣніи французскихъ военныхъ властей, такъ что онъ лично распоряжаться не вправѣ. Тогда нѣмцы взяли мѣра и одного муниципального совѣтника въ качествѣ заложниковъ и увели ихъ съ собой; но на бульварѣ Свободы на нихъ напалъ отрядъ французскихъ конныхъ стрѣлковъ; нѣмцы были перебиты, а заложники освобождены. Около 5 часовъ вечера вошелъ въ городъ эскадронъ уланъ, который тоже былъ уничтоженъ французскими стрѣлками. Въ 9 часовъ на городъ упало нѣсколько снарядовъ. Это было первое предостереженіе. Пошла паника. Всю ночь Лилль не спалъ. На утро началась форменная бомбардировка, которая безъ перерыва продолжалась до 4 часовъ пополудни. Послѣ шестичасовой передышки бомбардировка возобновилась—и продолжалась до слѣдующаго утра; потомъ опять наступилъ перерывъ на нѣсколько часовъ, а затѣмъ, отъ 9 утра до 7 часовъ вечера, на городъ снова посыпались снаряды. Въ 7 часовъ на ратушѣ былъ вывѣшенъ бѣлый флагъ: Лилль сообщалъ непріятелю, что онъ сдается. Нѣмецкія войска тотчасъ же вошли въ городъ.

— Много вреда причинила бомбардировка?

— Тысяча двѣсти домовъ было совершенно разрушено и сгорѣло, сотни другихъ были сильно повреждены. На городъ пущено было 5,200 снарядовъ 77-миллиметровыхъ орудій и около 500 снарядовъ 150 миллим.

— Лилль, значитъ, совсѣмъ не защищался?

— Да какъ могъ онъ защищаться? У насъ было только 2.000 солдатъ противъ 60,000 нѣм-

девѣ. Единственная батарея изъ 75-мил. орудій, которой мы располагали, все время носилась изъ одного конца города въ другой, чтобы нѣмцы думали, что у насъ много пушекъ; пострѣляетъ въ одномъ мѣстѣ, потомъ вскачь несетъ по улицамъ въ другое. Толку отъ этого, конечно, мало вышло и только еще усиливало панику. Многія женщины плакали, умолая нашихъ солдатъ прекратить стрѣльбу. Когда нѣмцы входили въ городъ, населеніе пыталось бѣжать въ противоположныя ворота, но и тѣ оказались уже во власти непріятеля.

— Много народу перебито было за это время?

— Много, но точнаго подсчета до сихъ поръ нельзя было сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, погибшіе насчитываются сотнями. И погребовъ не спасли. Впрочемъ, многіе оставшіеся въ живыхъ завидуютъ покойникамъ. Нѣмцы заняли все лучшіе дома, реквизируя всѣ продовольственные склады, булочницъ, молочныя фермы. Дороговизна на все страшная: полтора рубля (я перевожу на русскія деньги) фунтъ масла, 10 коп. фунтъ картофеля, 20 коп. фунтъ соли. Керосина совсѣмъ нѣтъ; впрочемъ, въ немъ и надобности большой нѣтъ: чуть свечерѣетъ, жизнь совсѣмъ замираетъ. Нигдѣ почти огонька не видно. Съ 8 часовъ вечера до 6 часовъ утра жителямъ запрещено показываться на улицѣ; въ эти часы нѣмцы устраиваютъ какія-то свои дѣла: передвигаютъ войска, вывозятъ изъ складовъ провіантъ. Вообще, они проявляютъ большія хозяйственныя наклонности. Они, напримеръ, реквизировали все полотно, которое нашлось въ городѣ, а также шерсть и сукна, и заставляютъ мѣстное населеніе шить одежду и бѣлье

для нихъ солдатъ. Даже въ сосѣдній Туркуанъ они отдаютъ часть работъ. Немало всякаго добра отправлено ими въ товарныхъ поѣздахъ и въ Германію. Вообще, городъ ограбленъ до нитки. Дошло до того, что когда нѣмцы предложили за 2 франка 25 сантимовъ работать у нихъ въ траншеяхъ, нашлось все-таки нѣсколько охотниковъ: голодъ плохой совѣтникъ. Одинъ изъ такихъ потомъ повѣсился; совѣсть замучила, да и отъ своихъ проходу не было, — измѣнникомъ клеймили. Жена его потомъ совсѣмъ съ ума сошла отъ горя: все на нѣмцевъ бросается, проклинаетъ ихъ, ругаетъ послѣдними словами: „Погубили вы его, проклятые!“ — кричить. Разъ на улицѣ на какого-то важнаго офицера бросилась, — насилие оторвали. Чуть не разстрѣляли ее тогда...

Печальная повѣсть.

Мы сидѣли въ скверномъ, скудно освѣщенномъ кабачкѣ. Гдѣ-то вдали бухали пушки, — по увѣренію кабачника снаряды падали не ближе, чѣмъ за 10 километровъ отъ деревушки.

Мои собесѣдники, два бѣглеца изъ Рубо, совершенно не обращали вниманія на канонаду.

— Привыкли, слава Богу! Уже больше мѣсяца, какъ насъ всюду сопровождаетъ эта музика.

Почти все время говорили старикъ лѣтъ 60, владѣлецъ мануфактурнаго магазинна въ Рубо, нервный, съ молодыми, горячими глазами, непосѣдливый и очень словоохотливый. Другой, лѣтъ на 10 моложе, бѣдно одѣтый, по всему видно рабочій, почти все время молчалъ.

— Въ вашей группѣ было 72 человѣка, — го-

ворилъ старикъ.—Когда мы выходили изъ города, съ другой стороны уже входили нѣмцы, которые еще за нѣсколько часовъ до этого дали знать о своемъ приближеніи все усиливавшейся бомбардировкой. Поводи насъ нѣкоторые дома были охвачены пламенемъ. Одинъ снарядъ попалъ въ мой магазинъ, который я, впрочемъ, заблаговременно очистилъ, поскольку это было возможно. Въ промежуткахъ между пушечными выстрѣлами время отъ времени доносились ружейные: нѣмцы чтобъ нагнать страху, стрѣляли въ окна домовъ. Къ тому-же, они не были увѣрены, что адѣе уже нѣтъ французскихъ войскъ, и въ каждомъ домѣ подovarъвали засаду. Подвигались они, поэтому, медленно, ощущуя: пройти десятка два шаговъ, остановятся, расставятъ усиленные патрули и, стрѣляя въ окна или въ воздухъ, начнутъ обшаривать дома.

— Не грабили?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, въ первое время имъ было не до того. Потомъ ужъ, на другой, на третій день, когда они стали полными ховяевами города, начались грабежи. Намъ потомъ вторая группа бѣглецовъ рассказывала. Пришли къ одному ювелиру: „гдѣ ваши драгоценности?“—„Ничего не осталось, да у меня ихъ почти и не было“. Не повѣрили. Спустились въ погребъ, загляли огонь—и давай осматривать каждый уголокъ. „Это что?“ Окавывается, одна изъ стѣвъ какъ будто на-ново зацементирована. Стали искать—и нашли тайникъ, а въ тайникѣ тысяча на 20 всякихъ драгоценныхъ вещей. Такъ нѣмцамъ все и досталось. Ювелиръ плакалъ, въ ногахъ у нихъ ялялся—не помогло. „Скоро, говорятъ ему, мы подишемъ

въ Парижѣ миръ, тогда за все французскимъ золотомъ заплатимъ“. Даже росписку ему выдали,—словно въ насмѣшку.

— Съ вами и женщины были?

— Какъ-же! Чуть не на половину. Больше все молодья, нѣкоторыя съ грудными ребятами. Сколько ихъ не убѣждали, чтобы оставались, онѣ стояли на своемъ: не хотѣли съ мужьями расставаться, да и нѣмцевъ боялись. Одна беременная была, на сносяхъ. По дорогѣ-же и родила, въ ригѣ, на грязной соломѣ. Тамъ-же ее съ мужемъ и оставили: были свѣдѣнія, что нѣмцы по пятамъ идутъ. Ну и набрались-же мы горя! Думали было въ первой-же деревушкѣ, въ километрахъ 12, заночевать, да куда тамъ! Отсюда жители еще накануне бѣжали. Осталось нѣсколько стариковъ, да и тѣ въ погребъ попрятались. „Только-бы, думаемъ, до Лилля добраться!“ Были увѣрены, что въ Лиллѣ мы будемъ въ полной безопасности, но чѣмъ дальше шли, тѣмъ все сильнѣе брало сомнѣніе: по дорогѣ все чаще стали говорить, что кругомъ, километровъ на 100, вездѣ нѣмцы, а уже о Лиллѣ и думать нечего. Мы и рѣшили его обойти. Намѣтили себѣ маршрутъ на Бетюнъ, черезъ Туркуанъ и Армантьеръ. За Туркуаномъ пришлось расположиться на ночлегъ: очень ужъ все мы были измучены, особенно женщины и дѣти. Дѣтей мужнины по очереди весли на рукахъ, большей частью сонныхъ. Были съ нами, правда, двѣ телѣги, да на нихъ ни скорбь своей навалили,—для людей-то мѣста почти и не оставалось; только ужъ очень старить да немощить подсаживали.

— Гдѣ-же вы ночевали?

— Да въ чистомъ полѣ. Хотѣли было до слѣдующей деревни дотащиться, но изъ силъ совсѣмъ выбились. Женщины плачутъ, дѣти кричать—бѣда да и только. Поблизости лѣсокъ небольшой былъ, но жутко среди деревьевъ. Къ тому-же намъ говорили, что въ лѣсахъ нѣмецкіе патрули часто скрываются. Ночь темная, не разглядишь. Ну, мы тутъ-же, на неубранномъ свекловичномъ полѣ, и расположились. Кто какъ могъ. Были съ нами одѣяла, кой у кого подушки, теплыя вещи. Молодежь хотѣла было огонь развести, да на нихъ только зашикали: боялись вниманіе привлечь. Всю ночь насъ вѣтромъ трепало, а подлѣ утра дождикъ пошелъ. Часовъ въ шесть насъ орудійная пальба подняла. Казалось, совсѣмъ близко, тутъ-же за лѣсомъ. Женщины и дѣти опять крикъ подняли,—испугались. Собрались мы наскоро—и дальше двинулись.

— А чѣмъ-же вы питались?

— Чѣмъ придется. Кой-что съ собой захватили, а потомъ промышлять стали. Правду сказать, не безъ грѣха тутъ дѣло было: своего отъ чужого не отличали. Приходимъ какъ-то въ одну деревню,—пусто, ни души. Ни за какія деньги ничего не достанешь, а тутъ видимъ за околицей баранъ бродить. Видно, и отъ стада и отъ хозяевъ, несчастный, отбился. Ну, мы и пожалѣли его: тутъ-же зарѣзали, освѣживали—мясникъ одивъ съ нами былъ—и свѣжей баранинкой полакомились. Бывало и такъ, что мѣстные жители забираются отъ насъ, точно отъ разбойниковъ съ большой дороги. Просишь-молишь, дайте немного картофеля, все равно вѣмцамъ достанется. Куда тамъ! Среди крестьянъ такіе жадные попадаются,

бѣда! Тутъ напасть великая идетъ, загора отъ всей-то деревни ничего, быть можетъ, не останется, а онъ картошку жалѣетъ. Мы съ такими и не церемонились.

— Самы брали?

— А то что-же? Въ одной такой деревнѣ пошли мы среди бѣла-дня на картофельное поле, да и набрали полные мѣшки. Крестьяне охаютъ, причитаютъ, за руки насъ хватаютъ, жандармами грозятъ, а мы и вниманія не обращаемъ. Ужъ какъ несли мы назадъ полные мѣшки, два жандарма встрѣтились: ни слова не сказали. Отвернулись и пошли себѣ своей дорогой, словно ничего и не видали. Нѣтъ, насчетъ припасовъ—ничего, доставали. Голодать не доводилось, только вотъ съ молокомъ плохо было: нигдѣ ни капельки. Коровъ всѣхъ войска угнали, откуда-жъ молоку быть? А съ нами дѣти малыя были. Размоченнымъ въ водѣ хлѣбомъ кормить приходилось. Немало ихъ переболѣло, а одинъ младенчикъ померъ. Тутъ-же, по дорогѣ, и закопали. Безъ кира, безъ гробика. Только крестъ деревянный на могилку поставили. Мать чуть разсудка не лишилась: припала къ могилкѣ, плачетъ, бьется въ истерикѣ. Пришлось силой оторвать и на телѣгу посадить. Только мы отошли немного, а она соскочила, да какъ безумная, назадъ къ могилкѣ. Были такіе, что хотѣли бросить ее: свою, дескать, шкуру спасать надо. Ну, да мы не допустили, жалко, вѣдь...

— И долго вы такъ бродили?

— Мы возъ съ нимъ—старикъ указать на своего спутника—цѣлый почти мѣсяцъ въ бѣгѣтъ были, а другіе какъ, не знаю. Мы двое такъ

через ведёлю отбились от компаніи и подались въ сторону: тамъ у насъ, въ деревнѣ одной родичи были. Но только потомъ жалѣть пришлось: приходимъ мы въ эту деревню, а она уже въ рукахъ нѣмцевъ. И подлые такіе нѣмцы попались! Видумали, будто въ нихъ изъ оконъ стрѣляли— и давай разбойничать! Мера убили, разстрѣляли съ десятокъ крестьянъ, сожгли полъ-деревни. Ну, кой-какъ переночевали, на утро хотѣли дальше двинуться, а тутъ новая тревога: сочинили нѣмцы, что въ деревнѣ два переодѣтыхъ въ штатское офицера прячутся, да и давай шарить по домамъ, погребамъ, коюшнямъ. Насъ задами проводили. „Уходите, говорятъ, а то всёмъ намъ плохо будетъ“. Указали намъ какую-то разрушенную снарядами ферму, километрахъ въ двухъ отъ деревни. „Пока что тамъ спрячьтесь“. Мы такъ и сдѣлали. Отъ фермы-то ничего ужъ не осталось,—только сарайчикъ и уцѣлѣлъ. Мы туда. Насилу добъжались. Зарылись въ грязную солому—и лежимъ ни живы, ни мертвы. Мимо все ходятъ, ѣздятъ,—наверное, думаемъ, нѣмцы. Такъ мы до самыхъ сумерекъ пошевеливаться не смѣли. Только ужъ какъ свечерѣло, слышимъ, скрипятъ ворота. Кто-то осторожно входитъ, окликаетъ насъ. „Живы?“— „Слава Богу, живы!“ Оказалось, свои. Принесли хлѣба, сала, бутылку сидра.— „Что нѣмцы все ищутъ?“— „Все ищутъ. Взяли еще шесть заложниковъ. Совсѣмъ разсвирѣпѣли“. Стали совѣтоваться, не идти-ли теперь дальше, благо ночь темная. „Нѣтъ, говорятъ, вы ужъ лучше тутъ переждите, а то куда вы пойдете—кругомъ теперь нѣмцы. Тѣмъ тоже, вѣрно, уже успѣли передать, что тутъ будто-бы два переодѣтыхъ офицера,

прячутся,—еще подѣ разстрѣль попадете“. Такъ мы тутъ въ сарайчикѣ и остались. Цѣлыхъ двѣнадцать дней просидѣли. Днемъ какъ загнанные звѣри въ логовѣ прячемся,—только ночью и отойдемъ немного, какъ свои придуть. На двѣнадцатый день наши пришли равьше урочнаго часа.—веселые такіе, довольные. „Вы свободны!“—говорять. Оказывается, нѣмцы снялись и поспѣшно ушли. Ни одного кругомъ не осталось. По слухамъ, они километрахъ въ 30 отсюда потерпѣли поражение и теперь отступали по всей линіи. Даже раненыхъ своихъ кое-гдѣ оставили. Ну, мы на радостяхъ роспили лишнюю бутылку сидра, переночевали у своихъ въ деревнѣ, а на утро намъ достали лошадей, и мы поѣхали въ Бетюнь. Тутъ уже наши мытарства кончились. Думали въ Бетюнѣ застать прежнихъ нашихъ спутниковъ, да никого не видѣли. Были тутъ бѣглецы изъ Лилля, Туркуана, Армантьера, а нашихъ что-то не видать было. Такъ мы и до сихъ поръ не знаемъ, что съ ними стало. Можетъ, и по сей день еще гдѣ-нибудь въ ригахъ или сараахъ прячутся...

Огнемъ и водой.

Дѣло происходило по близости отъ Ньвера, въ концѣ ноября.

Крайнее правое крыло германской арміи и лѣвое крыло французо-бельгійской готовились къ рѣшительной битвѣ. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Положеніе было опасное.

Въ этотъ критическій моментъ рѣшено было

прибѣгнуть для борьбы съ врагомъ къ водной стихіи.

Планъ былъ чрезвычайно простъ. Онъ заключался въ томъ, чтобы взорвать въ нѣкоторыхъ пунктахъ набережную обращенной къ нѣмцамъ стороны канала, предоставивъ, такимъ образомъ, хлынувшей въ эти пробойны водѣ затопить низменность, которую непріатель уже успѣлъ изрыть своими траншеями. Въ тотъ же день бельгійскія пушки стали громить набережную канала, чтобы пробить въ ней выходы для воды. Ничего не подозревавшіе нѣмцы только плечами пожали. Въ дневникѣ, найденномъ впоследствии при одномъ убитомъ нѣмецкомъ офицерѣ, была сдѣлана слѣдующая, относящаяся къ этому дню, запись: „Можно было бы подумать, что наводчиками при бельгійскихъ пушкахъ состоятъ школьники: они сегодня выпустили сотни снарядовъ, которыми ничего не достигли, кромѣ разрушенія набережной канала“.

Авторъ этой записи и не подозревалъ, какую грозную опасность представляетъ для нѣмцевъ работа этихъ школьниковъ: скоро на занятія ими позиціи хлынули потоки воды. Въ непріательскомъ лагерѣ поднялась тревога. Отданъ былъ спѣшный приказъ спасти угрожаемая водой тяжелыя орудія, но было уже поздно: массивныя колеса наполовину были затоплены. Тщетно бились вокругъ цушекъ люди и лошади,—ихъ пришлось бросить.

А вода все прибывала, заливая все повныя площади и скоро стала наполнять траншеи. Охваченные паникой солдаты давили другъ друга и въ страхѣ бѣжали передъ надвигающимся грознымъ врагомъ. Многие изъ нихъ погибли въ

давкъ, на днѣ наводненныхъ траншей. Въ началѣ офицеры пытались остановить бѣгство солдатъ, но скоро начальство махнуло рукой и даже само скомандовало отступление. Этого момента только и ждали бельгійцы: установивъ свои скорострѣльныя пушки на набережной канала, они стали осипать бѣгущихъ огненнымъ дождемъ; поставленные на лодкахъ и плоткахъ пулеметы косили нѣмецкіе ряды съ боковъ. Нѣмецкіе трупы густыми рядами устилали равнину. Въ одинъ этотъ день, въ треугольникѣ, образуемомъ Первизомъ, Рамскапелемъ и Шооромъ, пало больше 12.000 человекъ.

Это было только начало. Наводненная площадь простиралась между Ньюпоромъ и Диксмюдомъ; дальше Диксмюда нѣмцы были въ безопасности, и они скоро заняли ближнія къ городу позиціи. Надо было выгнать ихъ и отсюда, и для этого снова прибѣгли къ помощи водной стихіи. Вспомнили кстати, что именно эти мѣста затопили въ 1693—1694 г. голландцы, воевавшіе съ полками Людовика XIV. Король-Солнце вынужденъ былъ отступить, и Голландія была спасена.

Двѣсти съ лишнимъ лѣтъ спустя исторія въ этихъ мѣстахъ повторилась. У полуразрушеннаго непріательскими снарядами Диксмюда закипѣла работа инженеровъ и саперовъ. Результаты не заставили себя долго ждать: вода, точно вырвавшаяся на свободу звѣрь, бросилась на занимаемую нѣмцами долину. Черезъ четверть часа она достигла моста, занятіе котораго стоило непріателю огромныхъ жертвъ. Мостъ этотъ былъ для него крайне важенъ, такъ какъ обеспечивалъ ему, въ случаѣ неудачи, отступление; теперь его заливало водой. А съади, съ набережной, работала фран-

дуэско-бельгійская артиллерія. Снаряды вырывали сотни жертвъ изъ густой массы безпорядочно бѣгущихъ. Тѣхъ, кого шадилъ огонь, не всегда шадилъ вода, и многіе утонули. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ пришелъ на помощь разбушавшейся водѣ, которая стремительными волнами бросилась въ нѣмецкія траншеи. Засѣвшіе въ нихъ солдаты успѣли заблаговременно выбраться, но значительная часть ихъ погибла наверху; подъ сравнительно гладкой водной поверхностью, покрывавшей землю на 6—7 вершковъ, часто попадались глубокіе рвы, а то и ряды вырытыхъ нѣмцами же траншей. Отсюда уже спасенія не было. А надъ этой картиной гибели и смятенія безпрерывно звучалъ requiem десятковъ артиллерійскихъ орудій.

На другой день уровень воды значительно понизился. Нѣмецкій генеральный штабъ репрессіями и угрозами остановилъ бѣгство солдатъ. Саперныя части энергично работали надъ локализацией наводненія. Тамъ и сямъ были наведены понтоны, проложены широкіе, надежные деревянные настилы. Массы людей, пощаженные накануне огнемъ и водой, промокшіе и продрогшіе, были двинуты противъ союзныхъ силъ. Ихъ вездѣ встрѣчаютъ убійственнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Передніе ряды надаютъ, остальные по трупамъ идутъ впередъ. Въ концѣ концовъ инстинктъ самосохраненія беретъ верхъ надъ желѣзной нѣмецкой дисциплиной—и начинается повальное отступленіе, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ долина изрыта широкими, непроходимыми рвами и каналами.

Ночь приноситъ краткую передышку.

На утро изъ нѣмецкаго штаба приходитъ новый приказъ: во что бы то ни стало идти впередъ. Компактныя колонны опять идутъ впередъ, къ Диксмюду. Солдаты переднихъ рядовъ несутъ передъ собой длинныя, толстыя доски, которыя отчасти замѣняютъ имъ щиты; если по пути падается ровъ или каналъ, они переходятъ черезъ нихъ по этимъ доскамъ. Но по ту сторону ихъ ждутъ уже пушки и пулеметы, многіе изъ которыхъ установлены на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ на плоткахъ. Въ окутывающемъ долину туманѣ ихъ не видно, и огонь ихъ пронзодить еще болѣе ужасное впечатлѣніе.

Вотъ какъ описываетъ въ своемъ дневникѣ одинъ, убитый впоследствии, нѣмецкій офицеръ эти трагическіе часы:

„Огонь плавучихъ бельгійскихъ минометовъ въ какихъ-нибудь четверть часа убилъ у меня больше 200 человекъ. На подмогу намъ бросилась конница. Галопомъ перескочивъ черезъ отдѣляющія насъ траншеи, она пошла въ атаку на невидимаго непріятели. Но лошади вязли въ тонкой грязи и часто падали. Непритель воспользовался этимъ и началъ косить своими пулеметами нашу кавалерію. Изъ рядовъ ея доносились душераздиравшіе крики. Падавшіе люди и лошади давали другъ друга, барахтались въ образовавшейся кровавой кашѣ. Пока подошла помощь, отъ двухтысячнаго отряда нашей конницы ни одного человека не осталось въ живыхъ“.

Германскій генералитетъ все же не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ. Изъ прирейнскихъ областей черезъ нѣсколько дней привозятъ 7.000 саперовъ, которые приступаютъ къ наведе-

нію мостовъ черезъ каналы и залитые водой рвы; но работа ихъ туго подвигается впередъ: пулеметы, установленные на выписанныхъ изъ Франціи моторныхъ лодкахъ, безпощадно косятъ саперовъ и уничтожаютъ плоды ихъ трудовъ. Они вынуждены отступить.

Такъ дѣло идетъ до 10 декабря. Въ этотъ день германскій генеральный штабъ пустилъ въ ходъ новую выдумку: чтобы обезопасить своихъ саперовъ, онъ поставилъ—тамъ, гдѣ это позволилъ уровень воды—гигантскіе паромы съ 77-миллим. пушками, которыя должны были привести къ молчанію бельгійскіе и французскіе пулеметы. Это были настоящія плавучія крѣпости, на которыя нѣмцы возлагали большія надежды. Но надежды обманули ихъ: союзная артиллерія разрушила десять изъ двѣнадцати этихъ паромовъ.

Съ тѣхъ поръ дѣла нѣмцевъ подъ Диксмендомъ далеко не подвинулись впередъ—наоборотъ. Маленькій клочекъ бельгійской территоріи,—единственный, на который не наложили еще своей тяжелой руки нѣмцы,—мужественно борется съ нашествіемъ германскихъ полчищъ. Въ этой борьбѣ огромную услугу оказала бельгійцамъ водная стихія. Вода оказалась дѣйствительнѣе огня и желѣза.

Французы знали объ этомъ средствѣ еще раньше: въ 1660 г. Вобанъ съ помощью наводненія спасъ отъ непріятельскаго нашествия Дюнкирхень. Прошлое Европы представляетъ, оказывается, богатый арсеналъ боевыхъ средствъ. Поистинѣ ничто не ново подъ луной!

НА МАРНѢ.

... Тяжело громяхая колесами, по стариковски кряхтя и вздыхая, медленно тащится поѣздъ. Мѣстами его пѣшкомъ обогнать можно: здѣсь мость поврежденъ, тамъ линія попорчена. По обѣ стороны полотна груды строительнаго матеріала, вывороченныя шпалы, битый кирпичъ. Точно на всемъ протяженіи произошелъ рядъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ. А вдоль линіи капризными зигзагами, то подходя вплотную къ самымъ рельсамъ, то отступая, вѣтся красавица Марна.

Вѣдная, милая Марна! Еще такъ недавно берега ея были сплошнымъ цвѣтущимъ садомъ, все вокругъ нея смѣялось, полно было жизни и радости. Не зная бурь и тревогъ, тихо катилась она свои синія-синія воды, и такъ же тихо катилась жизнь мирныхъ обитателей мирныхъ городковъ и деревень, разбросанныхъ по берегамъ ея. Утомленные житейскими бурями, измученные столетней сутолокой парижане бѣжали сюда какъ къ тихой пристани, и красавица Марна успокаивала ихъ, разглаживала морщины на ихъ лицахъ, баюкала нѣжной лаской.

Все это было, а теперь... Теперь Марна, на свое несчастье, на несчастье всего прибрежнаго

населенія, волей рока стала исторической рѣчкой. Все уничтожая и сокрушая на своемъ пути, надъ ней пронесся ураганъ войны, замутилъ ея воду, смѣшалъ ее съ кровью человѣческой, разрушилъ десятки прибрежныхъ деревьевъ и мостовъ. Не узнать теперь Марны. Замерла вокругъ нея жизнь, кругомъ развалины, обломки, мерзость запустѣнія. Лѣса и сады вырублены, поля и виноградники истоптаны. Не слышно дѣтскаго смѣха, молчатъ колокола на разрушенныхъ церквяхъ, не мычатъ коровы, не блеютъ овцы. Точно сама смерть прошла своей косою по этимъ мѣстамъ и дохнула на все живое своимъ ледянымъ дыханіемъ.

Не узнать теперь Марны. Въ августѣ по ней прошли полчища нѣмцевъ, въ началѣ сентября ихъ стали оттѣснять англичане и французы. Дни и ночи тутъ происходили бои,—жестокіе, кровопролитные бои, послѣ которыхъ поля и дороги устилались тысячами труповъ, оглашались стонами раненныхъ и зловѣщимъ крикомъ хищнаго воронья. Дни и ночи снаряды бороздили небо, со свистомъ и шипѣніемъ прорывали воздухъ, губили людей, дома, деревья. Горе деревнѣ, которая попадала въ это кольцо огня и смерти: отъ домовъ ея, изъ которыхъ населеніе въ паническомъ страхѣ бѣжало, куда глаза глядятъ, оставались только груды безформенныхъ развалинъ или жалкіе скелеты, вопіющіе своими полуразрушенными стѣнами къ небу.

Происходившіе здѣсь ужасы перейдутъ—да и перешли уже—въ исторію подъ именемъ битвы на Марнѣ.

Вотъ они, эти историческія отнынѣ мѣста.

Медленно тащится поѣздъ, точно и онъ подав-

лень зрѣлищемъ окружающаго разрушенія. Пассажиры возбужденно перебѣгаютъ отъ одного окна къ другому, вдыхаютъ, качаютъ головами. Нѣкоторые хорошо знали эти мѣста, но теперь съ трудомъ узнаютъ ихъ.

— Ну да, такъ и есть! Это Ревиньи... Господи, и подумать только! Такая веселая, оживленная деревня была! Смотрите, смотрите! Ни одного цѣлаго дома не осталось... Тутъ вотъ мѣрія была, тутъ школа... А съ церковью что сдѣлали!

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ проходитъ мимо новыхъ развалинъ. Въ прежнее время онъ здѣсь останавливался: одни пассажиры сходили, другіе входили; теперь здѣсь не для чего останавливаться; никто въ этомъ бышемъ поселкѣ не живетъ, и никому онъ не нуженъ. Война вычеркнула его изъ списка живыхъ.

Осторожно, черепашимъ шагомъ, мы проѣжаемъ по мосту. Съ обѣихъ сторонъ полотна капошатся рабочіе. Мостъ взорванъ былъ англичанами для того, чтобъ отрывать отступленіе нѣмцамъ. Два массивныхъ каменныхъ быка его были разрушены, и цѣлныхъ два мѣсяца желѣзнодорожное сообщеніе было здѣсь прервано.

Одинъ изъ пассажировъ, жившій въ этихъ мѣстахъ до самой катастрофы, рассказываетъ отдѣльные эпизоды разыгравшейся здѣсь драмы...

— 9-10 сентября нѣмцы здѣсь безъ оглядки бѣжали. Подъ огнемъ нашей и англійской артиллеріи мосты наводили. Въ одномъ мѣстѣ берегъ рѣчки такъ весь трупами и усѣяли.

— А мосты все же навели?

— Да, въ двухъ мѣстахъ.

Чѣмъ дальше мы на востокъ, тѣмъ все осязательнѣе чувствуется война. Не бывшая, а настоящая. Спереди и слѣва доносятся—правда, глухо—пушечные выстрѣлы. Мой сосѣдь по вагону, ѣдущій домой послѣ лазарета солдатикъ съ перевязанной рукой, объясняетъ мнѣ, что стрѣляють со стороны Реймса.

— А, можетъ быть, и изъ Понть-а-Мусона!—не совсѣмъ, повидимому, твердый въ географіи родной страны, допускаетъ онъ предположеніе.— Тамъ тоже нѣмцы засѣли. Накакъ ихъ не выживешь, этихъ валса boches! *).

— Ну, изъ Понть-а-Мусона гдѣ ужъ услышать!—нѣмшивается какой-то благообразный старичокъ.

Солдатикъ обижается. Ему-то ужъ, кажется, лучше знать: цѣлыхъ три мѣсяца эту музыку слушалъ! Нѣмецкія тяжелыя орудія не то, что наши: такъ ревуть, что оглохнуть можно.

— Возьмите вы ихъ 420-миллиметровыя пушки: вѣдь каждый снарядъ съ человѣка величиной! Какъ ахнеть—кажется, что земля пополамъ треснула. Неподалеку отъ нашихъ позицій, въ деревню сосѣдную, одна такая штучка попала, такъ она, знаете, какую яму вырыла? Домъ, что рядомъ стоялъ, цѣлкомъ въ нее провалился! Съ крышею, съ трубами—весь какъ есть! Точно въ могилу. Вотъ оно что, а вы говорите, изъ Понть-а-Мусона не услышите!

Старичекъ, конечно, могъ бы еще поспорить, но онъ дипломатически уступаетъ, тѣмъ болѣе,

*) Boches—очень ходкая теперь проклятая кличка для нѣмцевъ.

что сочувствіе публики явно на сторонѣ солдата. Вообще, штатскіе теперь вездѣ и всюду скромно ступеньваются передъ военными. Не въ однихъ лишь вопросахъ тактики и стратегіи, а и въ областяхъ, ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣющихъ. На дняхъ зашелъ какъ-то въ вагогѣ разговоръ о скорости, какую могутъ развить автомобили. Какой-то бравый сержантъ съ двумя орденами на груди и совсѣмъ по нѣмецки торчащими вверхъ усами съ очень авторитетнымъ видомъ несъ явную чепуху. Сосѣдь его, штатскій, сначала сдѣлалъ было нѣсколько слабыхъ возраженій, но очень скоро уступилъ; а потомъ оказалось, что онъ уже больше десяти лѣтъ состоитъ механикомъ на одномъ изъ крупнѣйшихъ французскихъ автомобильныхъ заводовъ.

— Зачѣмъ его огорчать?—объяснялъ онъ намъ свое поведеніе.—Ему, бѣдному, столько еще вѣрно пережить придется! Можетъ быть, гдѣ-нибудь тамъ въ траншеѣ и кости сложить...

Удивительно тутъ теперь любовное отношеніе къ солдатамъ.

— Бѣдненькіе!—жалостливо вадихаетъ какая-то женщина, по вѣншему виду лавочница или жена мастерового, глядя въ окно вагона на солдатъ, несущихъ на линіи караульную службу.— Имъ и погрѣться то толкомъ негдѣ!

Дѣйствительно, кругомъ, на далекое разстояніе, ни одного цѣлаго дома не осталось, и солдатамъ приходится вѣтаться въ соломенныя шалашики или наскоро сколоченныхъ деревянныхъ баракахъ. Въ открытомъ полѣ, когда со всѣхъ сторонъ вѣтры обдувають, защита плохая.

А погода, как на зло, стоит холодная. Дожди, слякоть, туманы. По обѣ стороны полотно сплошныя болота. Ни пѣшему не пройти, ни конному не пробѣхать. Караульнымъ солдатамъ все время на желѣзнодорожной насыпи держаться приходится,—все же суше. Вонъ пробирается откуда-то эскадронъ кирасирь. Лошади ногами хлюпаютъ по болоту и поднимаютъ каскады жидкой грязи, которой немилосердно обдаютъ себя и всадниковъ. Люди и животныя слились въ какую-то однородную темнубурюю массу. Грязь плотнымъ слоемъ, точно корой, облѣпила и крупы лошадей, и всадниковъ—вилоть до ихъ мѣдныхъ, закрытыхъ теперь сукномъ касокъ. Вслѣдъ за ними плетется военный обозъ; длинный рядъ накрытыхъ брезентомъ огромныхъ возовъ то и дѣло вязнетъ въ липкой грязи. Лошади и люди выбиваются изъ силъ, въ открытое окно вагона доносятся крики, проклятья.

Повѣдь, какъ бы заинтересованный этимъ зрѣлищемъ, останавливается чуть не среди поля. Съ паровоза, не слѣша, сходятъ машинистъ и его помощникъ. Скоро къ нимъ присоединяются и два кондуктора. Всѣ спокойно направляются къ единственному, находящемуся по близости дому, надъ фасадомъ котораго красуется самодѣльная вывѣска: „Vins et liqueurs“—по нашему кабакъ. Пассажиры тоже поемному вытѣаютъ изъ вагоновъ. Оказывается, часа два тому назадъ шальнымъ снарядомъ, который прилетѣлъ откуда-то верстъ за пятнадцать, разворотило впереди рельсы.

— Долго стоять будемъ?

— А какъ путь исправятъ, поѣдемъ.

Въ кабакъ и вокругъ него густая толпа: пас-

сажиры, поѣздная прислуга, солдаты. Мѣсть не хватаетъ.

Рядомъ со мной за столомъ сидятъ нѣсколько кирасирь и обозныхъ солдатъ. Хмурые, злые.

— Съ позицій?

— Да.

— Ну, какъ тамъ?

Одинъ изъ обозныхъ рукой махнулъ.

— Сегодня на зарѣ на нѣмецкія траншеи напоролись. Кругомъ болото, хотѣли наперерѣвъ взять, а нѣмцы какъ начали палить! Пять челоуѣкъ у насъ убило, троихъ ранило. Мы вотъ съ товарищемъ за пригоркомъ съ двумя телѣгами стояли, нѣмцы-то насъ и не видѣли. Намъ бы уйти, да телѣги въ грязи завязали. Уже мы и такъ, и этакъ—ничего не выходитъ. На лошадей бы какъ слѣдуетъ прикрикнуть, онѣ бы, можетъ, и вывели, да кричать нельзя—услышать. А изъ нашихъ траншей намъ все знаки какіе-то дѣлають, въ сторону показываютъ...

Совсѣмъ близко раздался характерный свистъ, а потомъ что-то тяжело ухнуло. На столѣ задребезжали стаканы. Всѣ подняли головы и съ минуту прислушивались. Въ дверяхъ, ведущихъ изъ сосѣдней комнаты, показалась хозяйка съ трелѣтней дѣвочкой на рукахъ. Ребенокъ плакалъ, и никакъ его не удавалось успокоить.

— Испугалася!—съ блѣдной улыбкой, сама чуть не плача, объяснила женщина.—Никакъ привыкнуть не можетъ. Всю ночь сегодня спать не давала: какъ выстрѣлъ—плачетъ, бьется, „Мама, боюсь!“—кричитъ. Глухая дѣвченка!

Она присѣла на кончикъ лавки, рядомъ съ

какимъ-то солдатомъ, спустила дѣвочку на полъ и вѣжно стала гладить ее по головкѣ.

— Правду говорятъ, что нѣмцы скоро сюда доберутся?—съ тревожнымъ любопытствомъ спросила она, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь.

— Пустяки! Никогда ихъ сюда не пропустятъ!—увѣренно отвѣтилъ одинъ изъ кирасиръ.

Онъ воинственно загремѣлъ саблей, какъ еслибъ нѣмцы были уже у самыхъ дверей, и съ вызовомъ оглядѣлъ публику: пусть, дескать, кто-нибудь посмѣетъ усомниться!

Всѣ молчали. Женщина робко подняла на кирасира глаза, посмотрѣла на окружающихъ и вдругъ громко заплакала.

— Такъ же вотъ и въ августѣ намъ говорили: чтобъ нѣмцы сюда пришли! Да какъ это возможно! Никогда! А они взяли да сюда и пришли... Скотину свели, хлѣбъ забрали, все разгромили... Хорошо еще, что не сожгли...

Вдали опять глухо и тяжело загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Дѣвочка вздрогнула, вскрикнула и спрятала лицо въ колъняхъ матери.

Все чаще стали попадаться по сторонамъ дороги траншеи. На остановкахъ публика выходитъ, смотреть, чуть не щупаетъ ихъ. Длинные, узкіе рвы, сверху прикрытые досками, бревнами или шпалами, на которые насыпанъ толстый слой земли. Мѣстами ступеньки для спуска устроены. Края траншей размыло водой, которая на нѣсколько верхковъ покрываетъ и дно ихъ.

— Неужели и тамъ, на линіи боя, онѣ въ такомъ же состояніи?—спрашиваю я одного изъ солдатъ.

— А вы какъ думали?—сердито отвѣчаетъ онъ.—Это только въ газетахъ описываютъ, что въ траншеяхъ рай земной: смѣхъ, веселье, чуть не балы съ утра до ночи устраиваютъ...

Онъ злобно сплюнулъ и тяжело закашлялся.

— Посадили бы я господъ газетчиковъ въ одну изъ нашихъ траншей первой линіи, да придержалъ бы ихъ тамъ съ недѣлку, они бы не то запѣли! Можетъ, и есть гдѣ такія траншеи... нарочно для газетчиковъ устроены: и сухо, и чисто, и полы хорошіе настланы, и водостоки разные...

— А вы долго въ траншеяхъ прожили?—спросилъ я, когда мы снова усѣлись на своихъ мѣстахъ въ вагонѣ.

— Мѣсяца три съ половиной.

— Неужели все время на первой линіи?

— Почти. У насъ рѣдко смѣняли: опасно было. Нѣмцы тутъ же, черезъ дорогу, засѣли. Чуть замѣять что или шумъ какой услышать, сейчасъ стрѣльбу открываютъ. Тутъ не до веселья было. Почти даже не разговаривали другъ съ другомъ.

По ночамъ спишь урывками: все мерещится, что нѣмцы подкрадываются. Они не разъ ночью намъ всякія пакости устраивали. Былъ съ нами солдатикъ одинъ... въ балайномъ магазинѣ до войны служилъ... такъ онъ намъ по ночамъ такіе концерты задавалъ! Все его кошмары душили,—до самой зари съ нѣмцами воевалъ. Кричить во все горло, руками передъ собой ты-

четь, а то прямо головой как хватить въ стѣну траншеи! Растолкаем мы его, въ чувство приведемъ. „Что съ тобой?“—„Нѣмцы проклятые убили!“—отвѣчаетъ.

— Его потомъ, дѣйствительно, нѣмцы убили,— задумчиво продолжалъ черезъ минуту рассказчикъ.—Во время ночной атаки. Ночь была черная, хоть глазъ выколи. Я на часахъ стоялъ. Кругомъ тихо, только спящіе товарищи храпятъ. Стоять приходится на одномъ мѣстѣ: въ траншеѣ тѣсно—вернуться негдѣ. Стоишь и ногами топашешь чтобъ согрѣться немного. Шагахъ въ двадцати отъ меня другой часовой стоялъ, у бойницы съ пулеметомъ. Шопотомъ иногда переговариваемся съ нимъ да покуриваемъ въ рукавъ, чтобъ нѣмцы огонекъ не увидали. Посмотрѣлъ на часы—половина третьяго, а мнѣ смѣна въ половинѣ четвертаго. Долго такъ время тянется! Сталь о домѣ думать, о женѣ. Наканунѣ какъ разъ письмо отъ нея получилъ: спрашиваетъ, велья-ли ей прѣхать повидаться. Гдѣ тамъ! Еслибъ хоть на заднихъ позиціяхъ я былъ, а здѣсь какія ужъ свиданья! Думаю это я такъ,—вдругъ шорохъ какой-то послышался. Сталь вслушиваться—тихо, а черезъ минуту опять. Показалось даже, что ружьебрякнуло—снаружи, со стороны нѣмцевъ. „Слышишь?“—спрашиваю шопотомъ пулеметчика.—„Слышу!“—отвѣчаетъ.—„Тревогу поднять надо!“—говорю. Только я это сказалъ—бацъ, бацъ, бацъ! Пули свистать начали. Въ крышу что-то тяжело ударило, и меня обдало комьями грязи. Въ ту-же минуту нѣмцы крикъ подняли и, слышно, прямо къ намъ бѣгутъ. Выстрѣлы, крики, топотъ ногъ. У насъ въ траншеѣ всѣ вскочили да за ружья.

Толпятся у бойницъ, стрѣляютъ на угадъ. И пулеметъ нашъ заработалъ—trrrr! trrrr! Та-та-та-та!.. Вдругъ—трахъ! Граната въ крышу попала—и въ траншею. Стоны, проклятья. Темно, ничего не видно,—слышно только, что кругомъ люди падаютъ. Убитые, раненые. Нѣкоторыхъ обвалившейся крышей придавило. На меня чьей-то кровью брызнуло: подумалъ даже, что самъ раненъ. Кто-то меня снизу за ногу хватаетъ, стонетъ, хрипитъ. Команды никакой нѣтъ, да и какая тамъ команда въ этомъ аду! А нѣмцы все ближе. Стрѣляютъ, кричатъ что-то. Мнѣ показалось даже, поютъ,—это, чтобъ подбодрить себя. Совсѣмъ ужъ блико были, да до самыхъ траншей нашихъ не дошли: на проволочныя загражденія наткнулись—и стопъ! Дальше не пошли. Отбили мы атаку. Двѣнадцать человѣкъ убитыми потеряли, а раненыхъ и не перечестъ. И приказчика нашего убило: осколкомъ прямо въ лобъ угодило. Какъ свѣтать стало, да какъ посмотрѣлъ я, что вокругъ дѣлается.

Онъ махнулъ рукой и крѣпко выругался.

— Nom de Dieu! Развѣ такія вещи рассказнешь? Это собственными глазами видѣть надо. Пришелъ потомъ капитанъ,—молоденькій еще, изъ лейтенантовъ произведенъ,—выглянулъ на эту кровавую кашу, сказать что-то хотѣлъ, да не могъ: слезы душили. Только глаза рукой закрылъ и отвернулся.

— А нѣмцы вѣрно гораздо больше потеряли? Рассказчикъ опять рукой махнулъ.

— И не спрашивайте. Передъ траншеей цѣлую гору труповъ назавали. Нѣкоторые на проволокъ повисли. Такъ кровавые клочья и висятъ.

Цѣлыхъ три дня они такъ передъ нами висѣли, выглянуть страшно было. Убрать нельзя—еще нѣмцы пристрѣляютъ.

Наступило тяжелое молчаніе. Молодая женщина, ѣхавшая искать своего безъ вѣсти пропавшаго мужа, тихо плакала. Сидѣвшая рядомъ съ ней старушка, у которой два сына были на войнѣ, тоже вытирала платкомъ холодныя, старческія слезы.

Молчаніе прервалъ сосѣдъ мой, бѣжавшій изъ Реймса мануфактурный торговецъ. Ему было лѣтъ тридцать, но на войну онъ не пошелъ, такъ какъ у него оказалось слабое сердце, о чемъ онъ тутъ же сообщалъ всякому новому пассажиру, показывая при этомъ соответствующее свидѣтельство: здѣсь теперь очень косо смотреть на мужчинъ, способныхъ носить оружіе, если только они не въ военной формѣ.

— А самимъ въ атаку приходилось ходить?— спросилъ онъ.

— Какъ же! Не все же къ себѣ гостей ждать— надо когда нибудь и самимъ въ гости идти.

— Страшно?

Солдатъ не сразу отвѣтилъ, какъ бы самъ разбираясь въ былыхъ переживаніяхъ.

— Какъ вамъ сказать? Если привыкнешь, ничего; въ первое время дѣйствительно жутковато. Внутри кака-то пустота вдругъ образуется, точно сердце куда-то провалилось, и колѣни немного слабѣютъ. Я думаю, это у всѣхъ такъ. Конечно

подбадриваешься. Много помогаетъ, что и спереди, и сзади, и съ боковъ—всюду люди, которые идутъ туда-же, куда и ты. У всѣхъ, навѣрное, тоже сердце куда-то проваливается и колѣни подкашиваются, но всё что-то кричать, подбадривать себя и другихъ—и бѣгутъ впередъ, прямо подъ пули. Бываютъ минуты, когда нельзя не бѣжать, точно сила какая-то гонитъ. Я думаю, это страхъ гонитъ и со страха бѣжишь; только не назадъ, а впередъ. Ничего почти не соображаешь, ничего не видишь, а несешься впередъ и стрѣляешь или колешь штыкомъ...

Онъ опять задумался, воскрешая въ памяти прошлое.

— Подъ Краономъ разъ дѣло было... Еще съ утра намъ сказали, что въ атаку ночью пойдемъ. Выбрались изъ траншей, полземъ. Темно, товарищей не видишь—только чувствуешь ихъ воезѣ себя. Крадемся, какъ звѣри лѣсные, дышанье сдерживаемъ. Чуть брякнетъ кто по неосторожности ружьемъ—такъ и замираешь отъ страха. Съ добрый часъ мы такъ ползали. Наконецъ, команда—шепотомъ: „Стоя!“ Легли мы тутъ-же, среди поля, на мокрую траву. Крѣпко прижимаю къ себѣ ружье, яду. Намъ предупреждали, что изъ другихъ траншей съ нами въ атаку пойдутъ. Ничего не вижу, но чувствую, что поле кругомъ живетъ. „Много насъ тутъ?“—шепотомъ спрашиваю товарищей справа и слева.—„Много. Сержантъ, что рядомъ лежитъ, говоритъ, что цѣлый батальонъ“.—„А нѣмцы близко?“

— „Метровъ двѣсти отсюда“.—„Въ траншеяхъ?“—„Въ траншеяхъ“.

— „Вышибать, значитъ, будемъ?“—„Да. Только

они сами вѣрно къ намъ навстрѣчу пойдутъ...“ —
 Стало еще холоднѣе. Сколько времени мы такъ
 пролежали, не знаю. Минутъ десять, должно быть,
 не больше. Вдругъ надъ головой пуля просви-
 стѣла. Звѣ. Другая, третья, четвертая. Точно шмели
 закружились. Въ ту же минуту широкой столбъ
 свѣта сталъ передвигаться надъ нашими рядами.
 Это нѣмцы прожекторъ на насъ направили, — от-
 крыли насъ, стало быть. Страшно стало. Какъ на-
 чнетъ щупать тебя этотъ свѣтовой столбъ, —
 ежишься, сжимаешься. Хоть въ землю прова-
 литься. Совсѣмъ какъ живой врагъ, только его
 штыкомъ не проколешь. Постоялъ онъ съ минуту
 надо мной, освѣтилъ рядомъ лежащихъ товари-
 щей, какъ бы подумалъ немного, потомъ — скокъ!
 И дальше поползъ. Ну, думаю, сейчасъ въ атаку
 идти придется. Лежишь и ждешь. Вотъ-вотъ раз-
 дастся команда, надо будетъ вскочить и побѣжать
 впередъ. Вы понимаете? Вскочить! Пока лежишь,
 еще ничего, пули не такъ страшны. Но встать,
 выправиться во весь ростъ, когда тебя осыпаютъ
 огненнымъ дождемъ, самому бѣжать навстрѣчу
 пулямъ — *nom de Dieu!* Слава Богу, недолго
 ждать пришлось, — отъ одного ожиданія съ ума
 сойти можно. Какъ только раздалась команда,
 поле ожгло, огласилось криками, лягомъ желѣза.
 Черезъ минуту мы уже неслись впередъ разсып-
 ной цѣпью. Бѣжимъ, стрѣляемъ въ невидимую
 цѣль и что-то кричимъ. Вой кругомъ стоитъ.

— Что же вы кричали?

— Трудно сказать. Что придется. Когда кри-
 чишь, какъ будто легче: страхъ заглушаешь. Я
 и самъ не знаю, что кричалъ. Что-то въ родѣ
 „а-а-а!“ „Бей ихъ, проклятыхъ!“ „Sales boches“!..

— И нѣмцы кричать?

— Какъ-же! Мы по своему, они по своему. Кри-
 чать, бѣгутъ впередъ и на бѣгу стрѣляютъ. Ско-
 ро мы вплотную сошлись.

— Въ штыки?

— Да. Что дальше было, не знаю. Помню толь-
 ко, что сцѣпился я съ какимъ то нѣмцемъ, — ко-
 лю его, а онъ мнѣ губами какъ вопыется въ ру-
 ку пониже локтя! Шинель, двѣ фуфайки, что на
 мнѣ были, рубаху — все прокусилъ. У меня еще и
 теперь слѣды отъ его зубовъ остались.

Онъ отвернул рукавъ и всѣ съ интересомъ
 стали разсматривать слѣды нѣмецкихъ зубовъ на
 его рукѣ.

— Потомъ что-то ударило меня въ плечо, и
 жарко стало. Понялъ, что раненъ, хотѣлъ крик-
 нуть, да голоса не хватило. Тутъ-же и свалился.
 Туманъ передъ глазами, круги красные пошли —
 сознание потерялъ. Очнулся — свѣтло уже. Въ плечѣ
 тупая боль. Приподнимаюсь, осматриваюсь —
 кругомъ тѣла лежатъ. Наши, нѣмцы. Нѣкоторые
 еще живы — стонутъ, ворочаются. Утро холодное,
 до костей пробираетъ. Достать я манерку — разба-
 ленное вино у меня съ собой было, — выпилъ глот-
 ка два, легче стало. Завялся было раной своей,
 смотрю — сосѣдь ко мнѣ тянется. Страшный такой,
 лицо безъ кровинки, глаза какъ стеклянные. Лу-
 жа черной застывшей крови подъ нимъ. Въ
 грудь раненъ, бѣдняга. Думать я, онъ за манер-
 кой моей тянется; подаю ему, а онъ не шьетъ, го-
 ловой мотаетъ. Нагнулся я надъ нимъ, а онъ на
 боковой карманъ показывается. Ну, ползѣю я къ
 нему въ карманъ, нисѣмъ досталъ. Обрадовался
 онъ, глазами показывается, что утащилъ я. Нисѣмъ

грязное, измятое. „Въ случаѣ моей смерти прошу доставить женѣ моей“. Подробный адресъ указать: гдѣ-то около Лилля. Я потомъ спрашивалъ— не идутъ туда письма: вся мѣстность въ рукахъ нѣмцевъ. Такъ и не удалось письмо переслать...

— А онъ умеръ?

— Тутъ-же, у меня на глазахъ. Какъ будто только и ждалъ, чтобъ письмо передать...

...Чаще стали попадаться плѣнные нѣмцы.

На одной глухой станціи мнѣ пришлось наблюдать любопытную сценку:

Медленно подходит длинный, товаро-пассажирскій поѣздъ.

— Prisonniers boches! (плѣнные нѣмцы),—проносится среди находящейся на перронѣ публики.

Всѣ устремляются къ вагонамъ. Изъ нихъ, дѣйствительно, выглядываютъ нѣмецкіе офицеры и солдаты. Смотрятъ они робко и, повидимому, боятся близко подходить. И не совсѣмъ безъ основанія: нѣсколько женщинъ и подростковъ оглашаютъ перронъ криками:

— Sales boches! Mort aux boches! (проклятые нѣмцы! Смерть нѣмцамъ!)

Дежурный по станціи офицеръ отгоняетъ крикуновъ.

Изъ вагоновъ выходятъ французскіе солдаты. Одни выстраиваются вдоль поѣзда для охраны плѣнныхъ, другіе направляются въ буфетъ. Буфетный лакей выкатываетъ ручную тѣлѣжку съ напитками и закусками и бойко торгуетъ.

— Эй, рюмку бенедиктину!— на недурномъ французскомъ языкѣ кричитъ изъ окна пассажир-

скаго вагона какой-то нѣмецъ въ формѣ унтеръ-офицера.

Лакей собирается уже налить, но тутъ вмѣшивается дежурный по станціи офицеръ.

— Non, pas de douceurs! Ничего сверхъ необходимого!

И онъ объясняетъ окружающимъ, что вышелъ циркуляръ, запрещающій давать плѣннымъ сладости, ликеры—вообще, все то, безъ чего можно обойтись.

— Pas de douceurs!—строго повторяетъ онъ.

Нѣмецъ печально садится на свое мѣсто.

— Гарсонъ, рюмку бенедиктину!—громко кричитъ стоящій около вагона французскій солдатъ вольноопредѣляющійся.

Публика чувствуетъ въ этомъ что-то демонстративное и съ любопытствомъ ждетъ, что будетъ: навѣрное, въ пику плѣнному.

Когда гарсонъ налилъ рюмку бенедиктину, солдатъ вялѣе ее и тутъ-же поднесъ въ спущенное окно нѣмцу.

— Пейте!

Офицеръ дѣлаетъ сердитый, недоумѣвающій жестъ. Среди публики проносится ропотъ.

— Это въ награду за то, что они Реймсъ сожгли!

— Нашихъ плѣнныхъ они убиваютъ, а тутъ чуть не пѣлуются съ ними!

Виновникъ этого ропота чувствуетъ, что ему надо успокоить взволнованное общественное мнѣніе.

— Господа!—съ аллюрами парламентскаго оратора обращается онъ къ публикѣ.—Есть нѣмцы и

нѣмцы. Этотъ вотъ нѣмецъ мнѣ, можно сказать, жизнь спасъ...

Настроене слушателей мѣняется.

— Ah! Ça... ça... c'est autre chose... (А, это другое дѣло!).

Но ораторъ еще не кончилъ и красивымъ жестомъ подвораеъ молчаніе.

— Да, господа, онъ спасъ мнѣ жизнь!—уже болѣе рѣшительно продолжаетъ онъ:—когда я, раненный въ плечо, безъ сознанія лежалъ въ полѣ, онъ, самъ раненный, поднесъ мнѣ къ губамъ свою фляжку и привелъ меня въ чувство. Этого, господа, я никогда не забуду! Онъ для меня не плѣнный, а другъ...

Настроене публики окончательно перемѣнилось. Теперь она чуть не дѣлала цѣловаться съ плѣннымъ. Офицеръ понималъ, что и онъ въ свою очередь долженъ сдѣлать un beau geste; взявъ съ буфетной тѣлѣжки пирожное, онъ галантно поднесъ его нѣмцу.

— Je vous en prie! Закусить послѣ бенедиктина...

Раздались аплодисменты.

— Ça, c'est bien fait!

Вѣ были очень довольны: все сошло удивительно мило.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ катилъ дальше, увозя съ собой и плѣннаго нѣмца и его защитника, но на станціи публика еще долго не расходилась и на всѣ ляди комментировала только что разыгравшіеся здѣсь инциденты.

Къ чести французовъ долженъ сказать, что вараду съ проявленіями злобы къ плѣннымъ нѣмцамъ, мнѣ, во время моихъ странствій вдоль

фронта, приходилось не разъ наблюдать и довольно миролюбивое къ нимъ отношеніе.

— Тоже вѣдь и они не по своей волѣ пошли!

— Дома, можетъ быть, жена, дѣти остались. Не сладко на чужой сторонѣ.

— Не мало, конечно, среди нихъ звѣрей, но есть и такіе, что напрасно страдаютъ...

Такіе и тому подобные разговоры часто слышишь въ толпѣ, глабѣющей на плѣнныхъ нѣмцевъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что больно ужъ они жалкіе на видъ. Общипанные, обносившіеся, забитые. Какіе это воины. Даже на солдатъ не похожи. Всматриваешься въ эти сутуловатые, лишенные всякой военной выправки фигуры, въ простоватые, добродушные физиономіи, и какъ то не вѣришь, чтобы эти люди способны были убивать безоружныхъ, грабить, насиловать. Все больше рабочіе, мелкіе ремесленники, крестьяне; послѣднихъ узнаешь по неуклюжей, тяжелой походкѣ,—точно они за плугомъ идутъ, точно ихъ придавила „власть земли“, отъ которой ихъ насильно оторвали. Иарѣдка попадаются типичные интеллигенты: очки, блѣдныя лица, сутулыя, отъ привычки корнѣть надъ книгами, спины. Господи, неужели и они принимали участіе во всѣхъ этихъ ужасахъ? Неужели и они убивали, грабили, жгли, насилывали? И они, и этотъ, вотъ, почтенный бюргеръ, котораго навѣрное съ дѣтства пичкали всякими моральными сентенціями, который у себя дома умиляется до слезъ проповѣдями своего пастора и готовъ плакать надъ глупой мелодрамой...

Приставленные къ нимъ французскіе рабочіе, крестьяне и интеллигенты въ мундирахъ, пови-

димому, задаются такими же вопросами. По крайней мѣрѣ, злости въ отношеніяхъ не чувствуется.

— Kamarade, cigarette!—просить у караулящаго его солдата какой-нибудь пльннй.

— Соскучился, небось, безъ табачку-то, sacre boche!—добродушно говорить французъ и протягиваетъ пльнному врагу кisetъ съ табакомъ...

...Дальше повязь не идетъ: линія на цѣлые километры снарядами разрушена.

Точно въ центральную Африку попалъ: желѣзнодорожнаго сообщенія нѣтъ, дороги непроѣзжны, о какомъ бы то ни было комфортаѣ и думать нечего. Чуть свечерѣетъ—темно, нигдѣ ни одного огонька. Ночи сплошь и рядомъ приходится проводить на полуразрушенныхъ вокзалахъ или въ на скорую руку сколоченныхъ баракахъ. Вчера даже въ погребѣ пришлось заночевать: это было единственное безопасное мѣсто въ деревнѣ; къ тому-же наверху все разворочено снарядами. Все наличное населеніе деревни въ погреба перешло; мебель кой-какую туда перетасчили, печи приспособили. Пещерные люди...

Сегодня мѣг повело: въ С., у самой линіи боя набрелъ на гостиницу. Не только комната свободная оказалась, но даже пообѣдать предложили—„за табльдотомъ“.

Табльдотъ оказался холодной сараеобразной комнатой съ кабацкимъ прилавкомъ въ углу. A la guerre, comme á la guerre.

За столомъ сидѣло около десятка англичанъ. Офицеры и солдаты. Удивительно простые, дружескія отношенія. Французскіе офицеры—особенно теперь, во время войны—тоже часто сидятъ за однимъ столомъ съ солдатами, но въ этомъ есть

что-то подчеркнутое, есть умыселъ, пова: смотрите, дескать, какъ мы хорошо къ солдату относимся!

Ничего этого нѣтъ у англичанъ: офицеръ ничего не подчеркиваетъ, солдатъ не чувствуетъ себя польщеннымъ оказанной ему честью. Случилось такъ, что сѣли рядомъ и ѣдятъ чуть не изъ одной тарелки—ну, и прекрасно. Стоитъ обращать вниманіе на пустяки.

Удивительно, какіе они всѣ спокойные, выдержанные, воспитанные. Отъ офицера, носителя какого-нибудь родовитаго имени, до простого солдата—всѣ джентльмены. Или, дѣйствительно, Англія послала сюда цвѣтъ націи, лучшую свою кровь?

Я много слышалъ объ ихъ удивительномъ хладнокровіи въ бою. Сколько я ихъ ни встрѣчалъ, всѣ они производятъ впечатлѣніе людей, не знающихъ, что такое страхъ. Гдѣ-нибудь въ траншеяхъ первой линіи, подъ непріятельскимъ огнемъ, они, вѣрно, такъ же спокойно курятъ трубку, такъ же съ виду флегматичны, такъ же неторопливо цѣдятъ слова, какъ и здѣсь, въ сравнительной безопасности. Это не солдаты, а спортсмены. Для нихъ битва—тотъ же футболъ, скачки или лодочныя гонки. Сидящій противъ меня высокій, стройный офицеръ съ лицомъ породистаго аристократа и моноклемъ въ глазу, навѣрное не разъ получалъ призы на лодочныхъ гонкахъ гдѣ-нибудь въ Оксфордѣ или Кембриджѣ. Онъ и теперь за столомъ время отъ времени дѣлаетъ сильныя, красивыя движенія руками,—какъ будто веслами по водѣ ударяетъ. Такіе, какъ онъ, на войну смотреть, какъ на особый видъ спорта:

кто первый займет ту или иную позицию, какая сторона победит в артиллерийском поединке или окажется сильнее в штыковом бою. Недаром у них на фронте сплошь и рядом пари устраиваются.

— Это ваш капитан?—спросил я сидѣвшаго рядом со мной англійскаго солдата, когда высокій офицеръ съ моноклемъ въ глазу, покончивъ съ обѣдомъ, вышелъ изъ-за стола.

— Нѣтъ, онъ командуетъ ротой ирландскихъ стрѣлковъ... Вчера они въ одномъ дѣлѣ потеряли чуть не половину состава...

Англійчанинъ попался разговорчивый.

— Мы съ ирландскими стрѣлками не разъ вмѣстѣ въ дѣлѣ бывали,—разсказывалъ онъ.— Хорошіе ребята! Ихъ у насъ Дублинскими дьяволами прозвали. Такъ въ огонь и лѣзутъ. Много ихъ полегло, особенно подъ Рождество, какъ пуддингъ у нѣмцевъ отбивали.

— Какой такой пуддингъ?

Онъ флегматично пососалъ свою трубку и разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію:

22 декабря батальонъ ирландскихъ стрѣлковъ получилъ изъ Англій въ подарокъ четыре ящика съ огромными пльомъ-пуддинггами, по одному на роту. Они торжественно были водворены къ одну изъ траншей и въ ожиданіи праздника спрятаны въ надежномъ мѣстѣ. Но на другое утро нѣмцы съ превосходными силами пошли на стрѣлковъ въ атаку и послѣ кровопролитнаго боя заняли какъ разъ ту траншею, въ которой хранились пуддингги. Ирландцы отступили метровъ на 200 назадъ. Весь день они страшно волновались—не столько изъ-за потерянныхъ траншей, сколько

изъ-за пропавшихъ пуддингговъ. Больше всѣхъ волновался ротный командиръ, знакомый уже читателю офицеръ съ моноклемъ въ глазу.

Около полудня онъ пробрался въ сосѣдную траншею, къ командиру другой роты.

— What about those cakes? (Какъ быть съ пуддинггами?)—спросилъ онъ.

Оба въ теченіе нѣсколькихъ минутъ держали военный совѣтъ.

— Well. I'll go with you! (Хорошо, я пойду съ вами)—сказалъ наконецъ хозяинъ траншей.

Черезъ часъ обѣ роты со своими офицерами во главѣ бросились въ бѣшенную атаку на нѣмцевъ. Произошла кровавая борьба, призомъ въ которой были пуддингги. Этотъ призъ такъ воодушевилъ ирландцевъ, что они не только выгнали нѣмцевъ изъ траншей, но и отбросили ихъ далеко назадъ. Едва очутившись снова въ потерянныхъ было траншеяхъ, побѣдители бросились къ тому мѣсту, гдѣ были спрятаны пуддингги. Они оказались на мѣстѣ: нѣмцы не замѣтили ихъ.

— Here they are, boys! (Они здѣсь, ребята)—раздался восторженный крикъ.

Въ отвѣтъ прозвучало громовое ура.

— Сколько народу потеряли они въ этомъ дѣлѣ?—спросилъ я разсказчика.

— Человѣкъ восемьдесятъ!—флегматично отвѣтилъ онъ, выкоачивая о край стола трубку.

80 человѣкъ! Цѣна слишкомъ высокая—даже за традиціонный англійскій пуддингъ...

...Всю ночь на небѣ вспыхивали зарницы далекаго пожара: километровъ за шесть горѣла деревня. На рассвѣтъ началась канонада.

Рано утромъ ко мнѣ постучался хозяинъ гостиницы.

— Вставайте! Сюда пришелъ французскій отрядъ. Офицеръ предупредилъ, что надо ждать обстрѣла со стороны нѣмцевъ...

Въ ту же минуту что-то зашипѣло, засвистѣло— и съ оглушительнымъ трескомъ гдѣ-то совсѣмъ близко разорвался снарядъ.

Я вскоцилъ и сталъ одѣваться.

НА БЕРЕГАХЪ ЭНЫ.

Реймсъ.

— Въ Реймсъ?!

Офицеръ посмотрѣлъ на меня такъ, точно я просилъ пропуска въ Берлинъ или Вѣну.

— Ну да, въ Реймсъ. Вадилъ же туда мой пріятель недѣли три тому назадъ.

— Недѣли три тому,—можетъ быть, но теперь... Помидуйте, люди тысячами бѣгутъ оттуда, на городъ ежедневно падаютъ сотни снарядовъ, а вы хотите идти навстрѣчу этому аду! Да къ тому-же, желѣзнодорожное сообщеніе съ Реймсомъ прервано.

— Знаю, но я ужъ какъ нибудь доберусь. Вы мнѣ только пропускъ дайте.

Офицеръ пожалъ плечами, но пропускъ все таки далъ.

— На всякій случай софтузъ завѣщаніе составить. Помните, что въ Реймсѣ ежедневно есть убійные и раненіе,—въ иной день они насчитываются десятками.

Добравшись до Дормана, я оттуда свернула въ сторону отъ главной линіи и поѣхала по узкоколейкѣ до деревушки Булезъ, расположенной въ 8 километрахъ отъ Реймса. По мѣрѣ того, какъ

нашъ маленькій поѣздъ, скорѣе похожій на трамвай, дѣловито пыхтя и, то и дѣло останавливаясь, пробирался впередъ, настроеніе пассажировъ становилось все тревожнѣе: янѣ и янѣ доносились канонада, чаще встрѣчались спасающіеся изъ Реймса, на автомобиляхъ, телѣгахъ, а то и пѣшкомъ, мужчины, женщины и дѣти. На остановкахъ толпы народа. Вездѣ навалены груды всякаго скарба. Разговоры, разспросы, слезы, причитанія. Среди моихъ попутчиковъ большинство принадлежало къ обитателямъ Реймса. У нѣкоторыхъ тамъ оставались семьи, дома, магазины.

— Не знаете, пекарня на Марсовой улицѣ, рядомъ съ Лионскимъ кредитомъ, уцѣлѣла?

— А сапожная лавка, какъ разъ напротивъ вокзала? Надъ ней вмѣсто вывѣски большой сапогъ виситъ?

Бѣглецы едва успѣваютъ отвѣчать, да много они и не знаютъ: городъ большой, гдѣ ужъ тамъ все знать! Они одно только могутъ сказать: Реймсъ на половину разрушенъ. Изъ 130 тысячъ населенія въ немъ теперь врядъ-ли осталось тысячъ 30.

Цифра эта близка къ истинѣ: проѣзжая по берегамъ Марны, я вездѣ встрѣчалъ массы бѣглецовъ изъ Реймса. Они переполняютъ города и деревни, ими биткомъ набиты поѣзда, нѣкоторые ѣдутъ даже въ товарныхъ вагонахъ, на запасныхъ путяхъ.

Изъ Булеаъ я съ однимъ механикомъ-рабочимъ направился пѣшкомъ къ Реймсу. У моего попутчика оставались тамъ жена и двое дѣтей, и онъ рѣшилъ забрать ихъ оттуда.

— Можетъ быть, ихъ уже и въ живыхъ нѣтъ— говорилъ онъ.— Вѣдь сегодня уже 86-ой день бом-

бардировки! За это время убито болѣе 1,000 человекъ. Вчера, напримѣръ, было убито 8 человекъ, не считая раненныхъ.

— Но какъ же все таки объяснить, что несмотря на эти ужасы, тамъ еще остаются десятки тысячъ жителей?

— Это больше такіе, кому бѣжать некуда,— главнымъ образомъ, бѣднота осталась. Куда бѣдняку идти? Чужой хлѣбъ горекъ, да и не всегда его доставишь, а тутъ какъ-никакъ свой уголь, имущество кой-какое. Вотъ и держатся до послѣдней возможности,—по всякимъ дырамъ прятуются, свѣта Божьяго не видятъ, а все же надѣются: авось, Господь помилуетъ. Къ тому-же, есть кварталы, которыхъ нѣмцы пока почти не трогаютъ,— ихъ и держатся.

Когда мы были уже подъ самымъ Реймсомъ, воздухъ минутами сотрясался отъ варивающихся снарядовъ. Сначала отдаленное шипѣніе, точно по воду бросили раскаленное желѣзо, потомъ рѣзкій свистящій звукъ.—ааа!, потомъ короткій, точно отъ сильнаго грома, ударъ, за которымъ часто слышится трескъ обрушивающихся камней.

Было часа четыре пополудни, и ясное въ этотъ день небо стало ужъ окрашиваться водою ранняго заката. Въ Реймсѣ никто не шелъ, по сотни людей тянулись изъ Реймса. Меня поразила одна ѣздившая на велосипедѣ молоденькая дѣвушка: почти надъ самой головою ея пронесся снарядъ, наполнивъ воздухъ такимъ шумомъ, что мы несколько вадрогнули, а она даже головы не поднала, не оглянулась. Ко всему можно привыкнуть!

Мы входимъ въ городъ со стороны Кольберовскаго сквера. Передъ нами море домовъ, надъ ко-

торами все еще царить полуразрушенный теперь соборъ: кумиръ поверженный—все богъ! На улицахъ рѣдкіе прохожіе, да и тѣ какъ будто только перебѣгаютъ изъ дома въ домъ.

Канонада затихла. Спутникъ мой предлагаетъ мнѣ пройти съ нимъ къ нему домой.—по дорогѣ я увижу, что нѣмцы сдѣлали съ городомъ.

Тяжелыя картины! Точно здѣсь прошли полчища гуиновъ, вооруженныхъ современными средствами разрушенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы до того загромождены обломками, что не видно ни одного клочка мостовой. Вотъ улица Маконъ. Пройти по ней нѣтъ возможности. Пятиэтажные дома въ своемъ паденіи раздавили стоявшіе по сосѣдству небольшіе домики. Въ тѣ изъ нихъ, какіе уцѣлѣли, большей частью нельзя пройти; входы завалены горами обломковъ. Среди кучи битаго кирпича я разглядываю обломки пианино; когда пролетаетъ поблизости снарядъ, струны долго и жалобно звучатъ, какъ Эолова арфа, которой играетъ вѣтеръ.

Улица Авангарда менѣе пострадала. Я даже насчиталъ тутъ съ десятокъ совершенно нетронутыхъ домовъ подрядъ. Здѣсь можно пройти, можно ближе рассмотреть руины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденія носятъ странный характеръ: сорвана одна только половина ставней, вывернуть дверной болтъ, причемъ самая дверь почти не пострадала; въ одномъ изъ стеколъ сдѣлано почти геометрически правильное круглое отверстіе, между тѣмъ какъ рядомъ, въ какихъ-нибудь двухъ аршинахъ, гладко, словно старательной человеческой рукой, срѣзана значительная часть дома. Можно бы подумать, что пускавшіе на городъ

снаряды изощрились въ ловкости: посмотрите, дескать, я сейчасъ вотъ возьму и срѣжу карнизъ!

Приблизительно такая же картина на площади Барре, на пл. Правосудія, на Марсовой улицѣ, на ул. св. Якова. Снаружи груды разваливъ, внутри, въ полуразрушенныхъ стѣнахъ, среди обломковъ кирпича, исковерканная, изуродованная мебель и домашняя утварь. Уцѣлѣвшія стѣны мѣстами держатся какимъ-то чудомъ въ полудаклонномъ положеніи, какъ бы раздумывая, стоитъ ли упасть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже фундаменты выворочены, особенно тамъ, гдѣ на домъ попало большое количество снарядовъ. На Консульской улицѣ пострадали не столько дома, сколько массивные чугунные фонари, которые большей частью переломаны пополамъ, какъ спички. Тутъ-же сорванной снарядомъ огромной вывѣской убило двухъ дѣтей; самый снарядъ попалъ на сосѣдній дворъ, въ курятникъ, и перебилъ много куръ, а домъ и жильцы остались невредимы.

Мой спутникъ указываетъ мнѣ на пробойни въ городскомъ театрѣ и Дворцѣ Правосудія, но вниманіе мое уже отвлечено тутъ-же, черезъ площадь, возвышавшимся соборомъ.

Видно, не такъ-то легко уничтожить это гигантское сооруженіе, надъ которымъ въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ трудился рядъ поколѣній. Несмотря на снаряды и зажигательныя гранаты, которыя обрушиваются на него чуть не съ перваго же дня войны, соборъ все еще держится.

Зѣса, окружающая часть здания, сторѣла; при этомъ сильно пострадали стѣны собора. Мѣстами

онѣ совсѣмъ рухнули, вмѣстѣ съ гирляндами святыхъ.

Лѣвый порталъ весь уничтоженъ пламенемъ, а средній изуродованъ до неузнаваемости. Болѣе или менѣе уцѣлѣлъ только правый порталъ. Прекрасная группа Распятія, составленная изъ семи статуй и украшавшая фронтонъ лѣваго портала, разбита въ дребезги.

Я заглянулъ внутрь собора. Нѣчто подобное, должно быть, представлялъ Иерусалимскій храмъ послѣ хозяйничанья въ немъ римлянъ. Разрушенныя колонны, обломки цѣвннхъ расписныхъ стенокъ, исковерканная церковная утварь, обгорѣвшая солома, на которой лежали раненые солдаты. Только ковры, которыми по праву такъ гордился Реймскій соборъ, удалось во время спасенія—все остальное погибло частью въ огнѣ, частью подъ развалинами.

Несмотря на весь ужасъ разрушенія, въ руинахъ собора есть что-то величественное, трагически прекрасное. Было бы лучше не реставрировать ихъ, а такъ и оставить,—лучшаго памятника хваленной цивилизаціи двадцатаго вѣка не придумаешь...

Часовъ въ шесть канонада, послѣ недолгаго перерыва, возобновилась. Однимъ изъ снарядовъ гдѣ-то на окраинѣ загло домъ, точно кто-то хотѣлъ освѣтить для меня этотъ городъ развалинъ. Стало жутко. Вспомнился почему-то пылающій Римъ, подоженный нероновскими клеветами. Улицы совершенно опустѣли, точно ихъ вымело гигантской метлой. Я попрощался со своимъ спутникомъ, и, по его указанію, добрался до одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отелей.

Комната тотчасъ же нашлась: здѣсь теперь пріѣзжіе крайне рѣдки. Мнѣ даже предложили сойти внизъ, въ ресторанъ, пообѣдать. Хлѣбъ оказался не совсѣмъ съѣдобнымъ, и напомнилъ мнѣ нашъ „голодный“ хлѣбъ гдѣ-нибудь, въ Самарской губерніи, а мясо по ближайшемъ разслѣдованіи оказалось кониной подозрительной свѣжести.

Мы съ рестораторомъ и его женой засадились до поздней ночи. Подошло потомъ еще два-три посетителя. У одного изъ нихъ, винаго сортировщика, сегодня разрушило домъ, и онъ пришелъ просить ночлега. Жену и дѣтей онъ еще наканунѣ отправилъ къ тещѣ въ Эверней.

— Самъ тоже уберусь отсюда. Радости тутъ мало!—хмуро говорилъ онъ.—Завтра утречкомъ пойду добро свое откапывать,—сегодня боязно, они все на этотъ кварталъ палать. Я все почти въ погребѣ наканунѣ спесъ,—можетъ, и уцѣлѣло. Разговорились.

— Какъ вы думаете?—спрашиваю. Отчего они такъ на Реймсѣ озабочены? Вѣдь городъ открытый, не крѣпость, да и французскіе войска тутъ нѣтъ?..

— А большая имъ печаль, что не крѣпость! Реймсъ давно уже, еще до войны, глава имъ монополь. Городъ богатѣйшій, центръ Шампани. Тутъ съ однимъ виномъ стомилионные обороты, да и ткацкая промышленность сильно развита. Все вѣдь это нѣмцамъ конкуренція. Вотъ я Лилль тоже не крѣпость, а посмотрите, какъ она за него ухватилась! Потому, тоже крупный промышленный центръ сѣвера. Просто-на-просто хотѣтъ убить нашу промышленность и торговлю,—не скоро все это потомъ возстановишь... Война-то

вѣдь экономическая, на чужой кусок все зарятся.

Мнѣ не разъ ужъ приходилось слышать такія рѣчи.

— Зря, вы думаете, они тутъ тучи шпионовъ содержали? Вѣдь, всѣ крупные города такъ и кишѣли ими. Чуть только большая торговая фирма—ужъ обязательно при ней, въ качествѣ служащихъ, нѣсколько шпионовъ состояло. Возьмите вы Реймс!—конспиративно, понизивъ тонъ, говорить рестораторъ:—да здѣсь добрая половина населенія—нѣмецкіе шпионы!.

Разговоръ перешелъ на шпионовъ, на ихъ продѣлки и козни. Это здѣсь теперь излюбленная тема.

О шпионахъ.

Одинъ изъ щедринскихъ „ташкентцевъ-цивилизаторовъ“, разоткровенничавшись на парадномъ обѣдѣ, восхвѣлъ краснорѣчивую хвалу шпионажу и возвелъ его въ рангъ полезнѣйшаго государственнаго института.

Ни для кого не тайна, что этимъ „институтомъ“ широко пользовались въ старой грѣшной Европѣ; но рекордъ несомнѣнно побила Германія, которая поставила шпионское дѣло почти на научную высоту и сдѣлала изъ него важную отрасль государственнаго служенія.

Шпионство составляло тамъ одну изъ видныхъ частей той системы, которая, подъ именемъ вооруженнаго мира, держала въ тискахъ миллионы людей; оно являлось нананкой германскаго милитаризма, его тайнымъ кабинетомъ, черной дѣстницей.

Франція была наводнена германскими шпионами: нѣмцы народъ обстоятельный и всякое дѣло дѣлаютъ серьезно. Готовясь къ столкновенію со своей западной сосѣдкой, они не пренебрегли ничѣмъ, что могло бы дать имъ преимущество. Только теперь выясняется, до какой виртуозности довели они здѣсь шпионажъ. Организация дѣла изумительная. На такую организацію способны только нѣмцы съ ихъ методичностью и упорствомъ.

Здѣсь теперь вкривь и вкось толкуютъ о шпионахъ. Это модная и животрепещущая тема. Странствуя по воюющей Франціи, я собралъ богатую коллекцію рассказовъ изъ этой области. Если даже отбросить элементъ вымысла, все-же получится внушительная картина: вся страна оказывается опутанной густой сѣтью шпионства. Излюбленными центрами его служатъ—кромѣ, разумеется, Парижа—пограничные пункты. Здѣсь шпионы кишмя кишатъ.

Большей частью это люди интеллигентные, обеспеченные, часто даже богатые, изъ такъ названныхъ фамилій.

Вотъ фонъ-Шильхау. Артиллерійскій офицеръ во временномъ отпуску, который длится уже четыре года. Еще молодой человекъ, лѣтъ подлѣ 30. Окончивъ математическій факультетъ, много занимался военной наукой, былъ на прекрасномъ счету. Въ 1910 году, весной, онъ вдругъ исчезаетъ изъ Берлина; въ штабѣ говорятъ, что онъ получилъ назначеніе въ колоніи. Но онъ былъ не въ колоніяхъ, а во Франціи, въ окрестностяхъ Лилля; разумеется, уже не въ военномъ мундирѣ. Знакомые теперь не узнали бы его въ скромномъ служащемъ большой кофейной фирмѣ. Но цѣлымъ

днямъ онъ развозитъ по деревнямъ, толкая передъ собою ручную телѣжку, кофе. Клиенты къ нему привыкли, и онъ вездѣ является желаннымъ гостемъ: „monsieur Jean“, какъ его теперь зовутъ, и о политикѣ толкуетъ, и цѣлую кучу повостей принесетъ. Только разъ за все это время „monsieur Jean“ отлучился куда-то на цѣлый мѣсяць— на югъ, какъ онъ говорилъ, стариковъ своихъ повидать. Но онъ ѣздилъ не на югъ, а въ пограничный нѣмецкій городъ, гдѣ у него было условлено свиданіе съ двумя штабными офицерами.

Если-бы не вспыхнула война, фонъ-Шильхау, быть можетъ, до гробовой доски развозилъ-бы по деревнямъ кофе. Теперь онъ явился къ своимъ прежнимъ клиентамъ въ окрестностяхъ Лилля уже въ военномъ мундирѣ, во главѣ батареи изъ тяжелыхъ орудій.

Второй экземпляръ: Артуръ Гертнеръ, почти докторъ философіи. Бросилъ университетъ и, мечтая о лаврахъ военнаго Шерлока Холмса, предложилъ свои услуги правительству. Предложеніе было принято, и Артуръ Гертнеръ сталъ коммивояжеромъ отъ нѣсколькихъ крупныхъ французскихъ мануфактурныхъ фирмъ, пользъ именемъ Поля Дюрана. Онъ разъѣзжалъ по всей Франціи, вездѣ ваянствовалъ знакомства, всѣмъ интересовался. Но онъ нѣсколько увлекся своей новой ролью и, что называется, зарвался: его чрезмерная любознательность и частыя поѣздки къ германской границѣ возбудили подозрѣніе его французскихъ коллегъ, и онъ былъ арестованъ,— почти наканунѣ объявленія войны. „Свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ, и не то ему пало на долю“.

Третій экземпляръ: кюре одной изъ погранич-

ныхъ съ Германіей областей, неподалеку отъ Нанси. У меня нѣтъ подъ рукой газеты, въ которой я читаль о его процессѣ, а имени я его не помню. Подъ священнической рясой скрывался ловкій шпионъ. Газета глухо говоритъ о его національности,—повидимому, эльзасецъ, состоявшій на германской службѣ. Дѣйствовалъ онъ, главнымъ образомъ, черезъ женщинъ, своихъ прихожанокъ, и центромъ его дѣятельности была исповѣдальня. Благодаря своему сану онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Онъ часто осматривать крѣпостныя работы, интересовался вопросомъ объ укрѣпленіи границъ. Попмали его съ поличнымъ, когда онъ, въ номерѣ гостиницы, передавалъ приѣзжему нѣмцу сфотографированные имъ планы. Его приговорили къ мягкому сравнительно наказанію,—къ пяти годамъ тюрьмы.

Четвертый экземпляръ: инженеръ богатѣйшей германской электрической фирмы, которая имѣла развѣтвленія по всей Франціи. Увѣряютъ, что служащіе этой фирмы на три четверти состояли изъ шпионовъ. Это, конечно, преувеличеніе, но, какъ и во всякомъ преувеличеніи, доля правды здѣсь есть. Названный шпионъ, по самому роду занятій, могъ интересоваться всякаго рода техническими сооружениями, оружейными заводами, верфями, тѣмъ болѣе, что онъ былъ французъ и, слѣдовательно, стоялъ внѣ подозрѣній. Къ нему судъ отнесся строже и приговорилъ его къ 30 годамъ каторги.

Таковы главные типы шпионов. Контингент их пополняется преимущественно немцами, безукоризненно говорящими по-французски и живущими по подложным документам;

Среди шпионов немецкого происхождения большинство военных. Между ними много штабных офицеров с высшим образованием, с прекрасной карьерой в перспективе. Они часто идут на тяжелую, полную лишений жизнь, на долгие годы порывают с родными и близкими. Один морской офицер проработал больше года грузчиком в порту.

Когда началась война, кадры шпионов, разумеется, сильно увеличились. Переодетыми крестьянами, они шныряют по дорогам, сигнализируют своим о расположении французских войск, освещают их о местонахождении складов провизии и оружия. Часто немцы, заняв какой-нибудь город или деревню, проявляют, благодаря таким шпионам, изумительное знание с местностью. Такие осведомители нередко, при появлении немецких войск, сбрасывают с себя маску и открыто переходят на их сторону. Если они попадают, расправа с ними коротка: военно-полевой суд и расстрел.

Как водится, в рассказах обывателей немало фантастического элемента: у страха глаза

велики. Там, по их уверению, немецкий шпион годами жил под видом няньки, причем дятская коляска служила ему тайником для всякого рода секретных документов; в другом месте другой шпион бродил из деревни в деревню под видом старухи-нищенки; в третьем переодетыми шпионами оказывались старый старик-крестьянин и его поводырь.

На почве действительных фактов вырастает непроходимый лес легенд. С первых же дней войны пыльным, махровым цветом расцвела здесь шпиономания. Появились сыщики-добровольцы, которые готовы заподозрить в шпионстве самых мирных, безобидных обывателей. На улицах, в кафе, в вагонах желзной дороги — ни где от них не спасется, особенно, если вы иностранец. Вы можете быть забронированы с ног до головы удостоверениями вашу личность документами, — для властей это имеет значение, для сыщиков-добровольцев далеко не всегда.

— У шпионов документы тоже в порядке! — слышите вы обращенное к соседу, но имеющее в виду вас замечание. — Вот, на даче у нас шпиона одного поймали: каких только у него документов не было, а вот подите же...

Впрочем, убившись из беседы с вами, что вы русский, — настолько русский, что можете даже рассказать кое-что о казаках, — прокурор-доброволец тотчас же мбнает гнать на милость.

— Русский — это другое дело! Русские наши друзья и совестики.

Все возрастающий интерес к шпионству начинает уже порождать здесь соответствующую

литературу. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя мелкія литературныя опыты въ этомъ жанрѣ, укажу только на печатающійся въ распространенѣйшей парижской газетѣ „Petit Parisien“ сенсационный романъ подъ интригующимъ заглавіемъ: „Шпіонка Вильгельма“ („L'Espionne de Guillaume“). Авторъ его, Бернедъ, что называется, въ точку попалъ, и миллионы читателей его произведенія— „Petit Parisien“ выходитъ въ миллионѣ съ лишнимъ экземпляровъ—съ трепетомъ слѣдятъ за козырями шайки нѣмецкихъ шпіоновъ съ Эммой Лякнеръ во главѣ.

Читать этотъ романъ подрядъ у меня не хватило мужества: больно ужъ это безграмотная макулатура. Вотъ, напримѣръ, глава, преподнесенная читателямъ въ сегодняшнемъ номерѣ газеты. Называется она: „совѣщаніе шпіоновъ“. Въ одномъ изъ подозрительныхъ парижскихъ притоновъ собралось „разбойничье трио“: именующій себя Жерфо, онъ-же полковникъ фонъ-Реслеръ, Луи Маруа, Ульрихъ фонъ-Герфельдъ тожь, и г-жа Ферель, она же главная героиня романа и вмѣстѣ алой гевій его, Эмма Лякнеръ. Рядомъ на лавкѣ лежитъ, связанный по рукамъ и ногамъ, добродѣтельный герой, французъ Шантекокъ; онъ былъ дѣятельнымъ агентомъ французской тайной полиціи, и ему удалось напасть на слѣдъ упомянутой шпіонской организаціи. Но „разбойничье трио“ перехитрило его, и теперь онъ въ ихъ рукахъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ такихъ злодѣевъ, въ головахъ ихъ созрѣлъ адскій замыселъ: они рѣшили перевести добродѣтельна Шантекока въ Берлинъ, — это будетъ прекрасный подарокъ имп. Вильгельму. Но его необходимо доставить

живымъ. Для этого злодѣи придумали положить Шантекока въ особый ящикъ съ отверстіями, въ которыя могъ-бы проникать воздухъ.

На этомъ интересномъ мѣстѣ фельетонъ обрывается. Кухарки и консьержи съ нетерпѣніемъ будутъ ждать, чѣмъ все это кончится.

Вокругъ Реймса.

Въ вагонѣ, въ кафѣ, въ ресторанѣ за обѣдомъ, въ табачной лавочкѣ—ездѣ только и слышишь, что разговоры о войнѣ. Населеніе мѣстностей, получившихъ боевое крещеніе, заговорило языкомъ военныхъ специалистовъ. Мирные лавочники, коммивояжеры, коворторщики какимъ-то чудомъ оказались вдругъ тонкими знатоками въ вопросахъ тактики и стратегіи. Сидящій противъ васъ въ вагонѣ рантье съ апломбомъ разсуждаетъ о роли кавалеріи, о дѣйствіи тяжелыхъ орудій, о позиціяхъ, диспозиціяхъ, обходныхъ движеніяхъ. Съ нимъ спорить сосѣдъ его, двадцать лѣтъ, по его собственному признанію, разливашій по бутылкамъ шампанское въ погребѣхъ Мерсе; это нисколько не мѣшаетъ ему быть специалистомъ военнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ и всякій добрый французъ, прошелъ черезъ военную службу.

— А я вамъ говорю, что нѣмцы бомбардируютъ Реймсъ 420-миллиметровыми орудіями!—горячатся онъ.

— Вамъ приходилось видѣть снарядами?—спокойно спрашиваетъ болѣе сдержанный рантье.

Тотъ вынужденъ сознаться, что цѣлаго снаряда онъ не видалъ,—только осколки, по кото-

рымъ, конечно, трудно судить; но въ Реймсъ малый ребенокъ вамъ скажетъ, что это 420.

Черезъ нѣсколько минутъ въ разговоръ уже втянуто два смежныхъ купѣ. Имъ овладѣваетъ какой-то спасающійся изъ Реймса мебельный фабрикантъ: онъ-то ужъ навѣрное понимаетъ толкъ въ артиллеріи, такъ какъ нѣмецкіе снаряды почти до основанія разрушили и домъ его, и мастерскія. Онъ тоже утверждаетъ, что нѣмцы установили подъ Реймсомъ цѣлый паркъ (онъ такъ и выразился: паркъ) съ 420-миллим. орудіями.

— У Круппа въ Эссевѣ теперь десятка тысячь человекъ надъ ними работать. Ну, да ничего! Мы тоже сюрпризъ имъ одинъ готовимъ,—будутъ почесываться!

Возаряется настороженное молчаніе.

— Неужели еще почище 420?—робко спрашиваетъ колбасникъ.

— Oh-là-là! 480, мой другъ! Вы понимаете, 480? Рапица, кажется, небольшая, всего 60 миллиметровъ, но тутъ каждый миллиметръ, огромное значеніе имѣетъ.

Слушатели многозначительно покачиваютъ головами.

— У Шнейдера?

— А то у кого-же? Тамъ теперь такое дѣлается... Главное, все должно происходить въ глубокой тайнѣ.

— И много предполагается сдѣлать такихъ штукъ?

— Ну, знаете, это ужъ...

Онъ лицомъ и жестами даетъ понять, что такіа подробности постигаютъ на государственную

тайну, но потомъ все-таки проговаривается, что цѣлый десятокъ 480-миллим. уже готовъ.

Разумѣется, всю эту болтовню стратеговъ-обывателей приходится отнести на долю ихъ фантазіи. Во всякомъ случаѣ, можно считать установленнымъ, что 420-милл. пушки играли въ этой войнѣ очень незначительную роль, — далеко не такую, какую имъ приписываетъ напуганное воображеніе ранты или мебельныхъ фабрикантовъ. Передъ Льежемъ у вѣмцевъ была всего одна такая пушка, передъ Намюромъ, Мобежемъ и Антверпеномъ—ни одной. Пресловутыхъ 420 м. пушекъ у нѣмцевъ на обоихъ фронтахъ есть только 6 штукъ. За работой ихъ внимательно слѣдить воинствующая германская печать, точно за успѣхами впервые выпущеннаго въ свѣтъ любимаго дѣтища. Когда съ помощью одной изъ такихъ царь-пушекъ взять былъ французскій фортъ Малонвиллеръ, объ этомъ прокричали, какъ о величайшей побѣдѣ человѣческаго генія. „Чудодѣйственное надѣліе Круппа вполне оправдало волагавшіяся на него надежды“, „Зевса Громовержца античнаго міра смѣнилъ другой, тевтонскій Зевесъ, громы котораго могутъ потрясти Европу и разрушить самыя крѣпкія стѣны“, и т. д., и т. п.

На самомъ дѣлѣ „тевтонскій Зевесъ“ является пока только пугаломъ, а въ дѣлѣ разрушенія уступаетъ мѣсто 280 миллим. орудію или же австрійской гаубицѣ въ 305 м., которая оказала нѣмцамъ немаловажную услугу. Благодаря, главнымъ образомъ, ей работъ ваяты были Антверпенъ и Мобель; она же теперь играетъ главную роль въ бомбардировкѣ всѣхъ крупныхъ пунктовъ Бельгіи и сѣвера Франціи.

Во всякомъ случаѣ, роль артиллеріи въ современной войнѣ огромна. Она страшна именно наносимымъ ею матеріальнымъ вредомъ; разрушая до основанія цѣлые города и деревни, уничтожая земляныя работы, сметая съ пути своего цѣлые полки, она часто совершенно парализуетъ дѣйствія противника и все увеличиваетъ разстояніе между двумя арміями. Пѣхота и кавалерія перѣдко бесильны предпринять что бы то ни было и вынуждены отсиживаться въ траншеяхъ или ограничиваться рекогносцировочной службой (которую, къ тому-же, и военные летчики исполняютъ съ большимъ успѣхомъ). Поле битвы, такъ сказать, предоставлено, главнымъ образомъ, артиллеріи. Войну ведутъ Крупны, Шнейдеры, Армстронги, Викерсы. На ихъ заводахъ въ значительной степени рѣшается теперь судьба Европы; не даромъ такъ поднялись теперь акціи пушечныхъ заводовъ; не даромъ Крупны уже послѣ начала войны увеличилъ основной капиталъ съ 180 до 250 милліоновъ марокъ, а за минувшій годъ получилъ 40 милліоновъ чистоганомъ барыша: пушки—товаръ теперь ходкій, „сталь теперь приноситъ золото“,—какъ цинично выразился одинъ изъ крупновскихъ адъютантовъ.

Мнѣ на дняхъ попалась на глаза напечатанная въ одной газетѣ историческая справка о далекихъ предкахъ вынѣшнихъ 420-милли. и т. п. стальныхъ гигантовъ. Вотъ, напримѣръ, гигантскія пушки, сооруженныя венгерцемъ Орбаномъ; съ ихъ помощью Магометъ II въ 1453 году взялъ Константинополь; тридцать паръ быковъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ таскали каждую такую пушку изъ Адрианополя, гдѣ находились литейныя мастерскія

Магомета II, подъ стѣны Константинополя. Но разрушительная сила этихъ колоссовъ добраго стараго времени была ничтожна въ сравненіи съ дѣйствіемъ современной тяжелой артиллеріи. Къ тому же, въ старину пушки играли роль только осадныхъ орудій; въ современной войнѣ онѣ рѣшаютъ исходъ боевъ и въ открытомъ полѣ. Технической прогрессъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ достигъ огромной высоты. Пушки могутъ попадать въ небольшую цѣль на 8—10 и болѣе верстъ. Къ ихъ услугамъ телефонъ, беспроволочный и вводимый теперь свѣтовой телеграфъ.

Вотъ какъ описывалъ мнѣ дѣйствіе французской батареи одинъ основательно понохавшій пороку артиллеристъ:

— Мы добрались до батареи ночью. Она стояла на опушкѣ небольшого лѣса. Въ началѣ я долго ничего не могъ разсмотрѣть, хотя дуна свѣтила во-всю и было свѣтло почти, какъ днемъ. Наконецъ, я разглядѣлъ, скрытыя подъ густой зеленью, четыре нашихъ 75-милли. орудія. „Орудіе, пли!“— раздается команда. Громъ и молнія. Другой, третій, четвертый выстрѣлъ. Земля дрожитъ и съ сосѣднихъ деревьевъ тучами падаютъ листья. Офицеръ беретъ трубку полевого телефона. „Алло! Не долетѣ? Что? Плохо видно?“ Онъ еще что-то говоритъ невидимому собесѣднику, а потомъ объявляетъ, что приходится отложить работу до утра. Какъ только вошло солнце, орудія опять заревѣли. Долго не могли взять настоящаго прицѣла. Надо было подбить неприятельскую батарею.

— А далеко она находилась?

— По приблизительному, довольно точному, расчету, въ 6½ километрахъ.

— А гдѣ обыкновенно устраивается этотъ пунктъ?

Тамъ, на тщательно замаскированномъ возвышеніи, гдѣ-нибудь среди деревьевъ, а то и просто на деревѣ, сидитъ надежный человѣкъ и все время слѣдитъ въ полевой бинокль за неприятелемъ и за дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ. Послѣ каждаго выстрѣла онъ сообщаетъ нашимъ по телефону о результатахъ его. „Правѣи немного, метровъ на сто... двѣсти метровъ недолета“. Ну, мы его указаніями и руководимся,—до тѣхъ поръ, пока вплотную не нащупаемъ неприятельскія орудія. Тогда начинается форменная поливка (arrosage), какъ у насъ говорятъ, снарядами. Уже не жалѣемъ, жаримъ безъ перерыва. Куда, что—ничего этого мы не видимъ: за насъ смотритъ нашъ, находящійся далеко впереди глазъ, „Очень хорошо, продолжайте!“ — то и дѣло сообщаетъ онъ намъ по телефону. И мы продолжаемъ. Неприятель, разумѣется, если люди еще не всѣ перебиты, спѣшитъ перевести батарею на другое мѣсто, но это подъ артиллерійскимъ огнемъ не такъ-то легко, особенно если орудія тяжелыя.

— Но, вѣдь, можетъ случиться и наоборотъ, т. е., что неприятель васъ начнетъ „поливать“.

— Очень даже можетъ, — и часто случается. Тутъ огромное значеніе имѣетъ, удастся ли хо-

рошенько спрятать орудія отъ неприятельскаго глаза. Кто лучше спрячетъ, у того больше шансовъ уцѣлѣть. Своего рода игра въ прятки, причѣмъ проигравшій платится жизнью.

Битва подъ Суассономъ.

Нѣмцы заняли Суассонъ, отстоящій въ 105 километрахъ отъ Парижа, въ самомъ началѣ войны. Но послѣ несчастной для нихъ битвы на Марнѣ, имъ пришлось уйти изъ города. 11 сентября они спѣшно переправляются на другой берегъ рѣки Энъ, при чемъ взрываютъ за собой два моста, и укрѣпляются на противоположномъ берегу. Здѣсь, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Суассономъ, который представляетъ для нихъ теперь потерянный рай, они основательно укрѣпляются въ каменоломняхъ, которыя предусмотрительно приобрѣли еще задолго до войны. Здѣсь уже все готово,—вплоть до цементныхъ платформъ для ихъ тяжелыхъ орудій.

Цѣлыхъ четыре мѣсяца по обоимъ берегамъ р. Энъ происходили почти непрерывныя стычки. Нѣмцевъ трудно, почти невозможно было выбить изъ ихъ каменоломень. Артиллерія ихъ изо дня въ день бомбардировала Суассонъ, превращая его въ истинную адюль плача. Городъ очутился между двухъ огней. Рушились зданія, гибли люди, городъ медленно умиралъ.

Такъ дѣло шло до 8 января. Въ этотъ день французы перешли въ рѣшительное наступленіе. Ихъ компактная масса заняла вдоль р. Энъ фронтъ въ восемь километровъ, между деревнями Круи и Мисси. Нѣмцы занимали крутыя высоты у на-

ходившихся напротив деревень Монсель и Врени, так что французской артиллерии приходилось стрелять вверх, как еслибы она охотилась за неприятельскими аэропланами. Отъ пушечных выстрѣлов дрожала земля; сотни снарядов поднимали тучи пыли: непрерывно трещала ружейная и пулеметная пальба; оба берега рѣки устилались грудами труповъ. А надъ этимъ адомъ, зорко вслѣживая, кружились огромными птицами авіоны.

Къ вечеру нѣмцы дрогнули. Французская тяжелая артиллерія переходитъ рѣку и занимаетъ позиціи на правомъ ея берегу. Ея снаряды производятъ страшное опустошеніе въ неприятельскихъ рядахъ и подбиваютъ одну изъ ихъ батарей. Еще немного—и врагъ въ замѣшательствѣ бросится бѣжать. Къ несчастью, онъ во время получаетъ солидный подкрѣпленія, которыя густыми массами прибываютъ со стороны Лаона и Анизи. Парящій надъ полемъ битвы французскій авіаторъ видитъ, какъ поѣзда выбрасываютъ все новые батальоны нѣмцевъ, опускается надъ самыми неприятельскими позиціями и бросаетъ нѣсколько бомбъ съ цѣлью испортить желѣзнодорожный путь. Въ ту же минуту нѣмецкія пушки и пулеметы обрушиваются на него огненнымъ дождемъ. Однимъ изъ снарядовъ смертельно ранены и аппаратъ и пилотъ, оба въ сердце: у первого пробитъ моторъ, и съ безпомощно повисшими крыльями онъ камнемъ падаетъ на французскія позиціи.

Попытка испортить путь не удалась. Къ нѣмцамъ приходятъ все новыя подкрѣпленія. Свѣжіе германскіе батальоны густо покрываютъ недоступ-

ныя для французовъ высоты. Склоны ихъ укрѣплены частыми проволочными загражденіями, рвами, волчьими ямами, быть можетъ, минами. Это импровизованная крѣпость. Вести по этимъ склонамъ людей на приступъ—значитъ вести ихъ на вѣрную, неминуемую смерть, а французскій генералитетъ бережно относится къ людямъ.

Счастье войны въ этотъ день рѣшительно отворачивается отъ французовъ: противъ нихъ ополчились и самыя стихіи. Около четырехъ часовъ вечера волны разлившейся рѣки сносятъ барки, на которыхъ наведенъ Венеельскій мостъ, и онъ съ трескомъ рушится. Еще черезъ часъ рушится и второй мостъ: переходъ на лѣвый берегъ отрѣзанъ.

Пѣхота измучена; артиллерія обнаружена вражьи аэропланами, и на нее направленъ жестокій огонь нѣмецкихъ батарей. Холодъ все сильнѣе даетъ себя чувствовать. Въ воздухѣ слытъ несмолкающій свистъ и вой снарядовъ. Самое небо, охваченное заревомъ заката, кажется залитымъ кровью.

„Подкрѣпленія!“—требуютъ по утѣлѣвшему еще телефону съ праваго берега. „Дайте намъ сначала навести мостъ!“—отвѣчаютъ съ лѣваго берега.—Продержитесь до утра, мы всю ночь будемъ работать“. Продержаться до утра.—легко сказать! Продержаться до утра,—но врагъ не ждетъ и осипаетъ огнемъ ружей и пулеметовъ, шрапнелью и снарядами. Продержаться до утра,—но раненыя не могутъ ждать.

А вода въ рѣкѣ все прибываетъ. Черныя, алія волны поднимаются все выше. Это ужъ не рѣка, а море, погубительное, не знающее пощады. Она

выступила из береговъ, свесла, разметала все, что было на пути ея. Съ противоположной стороны въ лихорадочной тревогѣ бѣгаютъ саперы, ища, гдѣ бы можно навести мостъ. По поясъ, часто по шею бродятъ они въ ледяной водѣ, которая пронизываетъ ихъ тысячами иглъ. У Визеля всѣ попытки безуспѣшны. Они пробуютъ у Мисси. Здѣсь разливъ какъ будто слабѣе, теченіе не такъ бурно. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ приступаютъ къ работѣ: дѣло идетъ о спасеніи цѣлой арміи. И пока саперы самоотверженно, подъ непріятельскимъ огнемъ, всю ночь работаютъ надъ наведеніемъ моста войска на противоположномъ берегу лихорадочно окатываются въ траншеяхъ: надо во что бы то ни стало продержаться до утра.

Вотъ оно, наконецъ, это вожделѣнное утро. Въ бѣлесоватомъ свѣтѣ холодной зимней зари вырисовываются неясныя силуэты только что наведеннаго моста. Спасены! По мосту начинаютъ переправлять свѣжія войска, боевые припасы, провіантъ. У многихъ саперовъ отморожены ноги, многіе унесены черными волнами вздувшейся рѣки, но зато спасеніе близко. Проходитъ часъ, другой. Вдругъ—зловѣщій трескъ. Разсвирѣпѣвшія волны взяли верхъ надъ человѣческими усиліями, и мостъ сноситъ вѣтромъ. Врагъ видитъ это и осипаетъ французскіе ряды градомъ снарядовъ. Рожокъ трубитъ отступленіе влѣво, въ сторону Круи, ближе къ Суассону.

Здѣсь ихъ встрѣчаетъ лѣвое крыло нѣмцевъ. Завязывается ожесточенный бой. Въ штыки, грудь съ грудью: отданъ приказъ по возможности щадить пока заряды. На подмогу бѣгутъ батальоны, занимающіе сосѣднія деревни—Биси, Монсель,

Сентъ-Маргеритъ. Ура, побѣда! Наша взяла! Но командующій непріятельскими силами фонъ-Клюкъ—тотъ самый, который въ сентябрѣ потерпѣлъ пораженіе подъ стѣнами, почти стѣнами Парижа—бросаетъ сюда громадныя силы. Онъ хочетъ на Энѣ взять реваншъ за Марну. А на высотахъ стоитъ, окруженный генералитетомъ, Вильгельмъ II—и безстрастно посылаетъ на смерть полкъ за полкомъ. Онъ усталъ отъ пораженій,—теперь ему улыбулась побѣда, и онъ хочетъ во что бы то ни стало удержать ее за собой. Пусть погибнетъ девять десятыхъ его арміи,—онъ долженъ побѣдить!

Все новыя и новыя волны непріятельской арміи заливаютъ долину,—неодолимыя, стремительныя, какъ волны грозно рокочущей свади Энн.

Наступаетъ полдень—бой продолжается. Часть, два часа—бой становится все ожесточеннѣе. Три часа—на помощь нѣмцамъ приходятъ полки генерала фонъ Герингена. Атаки, контръ-атаки. Смерть и разрушеніе. Французы получаютъ приказъ продержаться еще хоть часъ, и они дерутся какъ львы. Врагъ не можетъ отбросить ихъ ни на шагъ. А свади опять работаютъ саперы. Они наводятъ еще два моста.

Снова наступаетъ вечеръ, а за нимъ ночь окутываетъ сражающихся своимъ темнымъ покрываломъ. Обѣ арміи истощены. Наступаетъ кратковременная передышка,—до первой зари. Что-то принесетъ она?

Едва забрезжила она, эта желанная заря, мосты были готовы. Начинается отступленіе на лѣвый берегъ, къ Суассону... Надо торопиться,—мосты опять могутъ рухнуть. И тысячи людей длинной

вереницей спѣшно переходять. Ихъ осыпають nepřительскіе снаряды; но съ фортовъ лѣваго берега французскія батареи держатъ нѣмцевъ на почтительномъ разстояніи. Одна батарея оставлена на правомъ берегу, лицомъ къ лицу съ nepřителемъ. Она остается на своемъ опасномъ посту до конца. Прислуга вся почти перебиита, три орудія разбиты; но осталось еще четвертое, и при немъ два человекъ,—офицеръ и наводчикъ. Оба ранены, оба истекають кровью, но одинъ все еще продолжаетъ командовать, а другой наводить.

Но вотъ все кончено. Переправа войскъ совершена. Армія спасена. Нѣмцы мечтавшіе о новомъ Седанѣ, о захватѣ цѣлой арміи, рвутъ и мечутъ. Вильгельмъ со своимъ генералитетомъ уже строили новые, смѣлые планы. Имъ не суждено было осуществиться: улыбнувшаяся было имъ судьба снова повернула къ нимъ свое грозно нахмуренное чело. Это была побѣда безъ завтрашняго дня.

Кулисы войны.

За театромъ военныхъ дѣйствій всегда имѣются кулисы, которыя въ современныхъ войнахъ играютъ огромную роль. Именно за кулисами, вдали отъ кровавыхъ схватокъ, въ которыхъ рѣшающее слово принадлежитъ оружію, идетъ матеріальная подготовка разыгрывающейся на боевыхъ позиціяхъ драмы. Солдатъ надо кормить, ихъ надо въ достаточной мѣрѣ снабжать боевыми припасами, а тамъ, гдѣ число ихъ насчитывается чуть не миллионами и гдѣ фронтъ растянутъ на сотни километровъ, задача эта далеко не изъ легкихъ.

Я наблюдалъ эти кулисы на одной изъ такъ

называемыхъ „регулятивныхъ станцій“ (gare régulatrice), въ непосредственной близости отъ Суассона, который чуть не съ самаго начала войны служить мишенью для германской артиллеріи. Это важный питательный пунктъ, — питательный и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Отсюда отправляются на боевыя позиціи поѣзда съ войсками, съ боевыми и съѣстными припасами. Здѣсь дѣлается огромное дѣло,—дѣлается тихо, безъ шума, почти въ глубокомъ молчаніи.

Густая рельсовая сѣть передъ станціей загромождена десятками поѣздовъ, у которыхъ работаютъ тысячи людей. Небольшой городокъ какимъ-то чудомъ вмѣщаетъ чуть не цѣлый корпусъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія, десятки больницъ и амбулаторій, пекарни, швальни и др. военныхъ мастерскія. Улицы запружены вереницами автомобилей, которые то и дѣло подвозятъ съ фронта раненыхъ и плѣнныхъ и увозятъ свѣжія войска, боевые и съѣстные припасы. На примыкающихъ къ городу дугахъ пасутся многочисленныя стада быковъ, овецъ и барановъ. Вездѣ идетъ дѣятельная, непрерывная работа по снабженію арміи всѣмъ необходимымъ.

А нужды арміи огромны. Прежде всего, она требуетъ постоянного притока свѣжихъ силъ, для чего нуженъ огромный желѣзнодорожный подвижной составъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ войска подвозятся на фронтъ на автобусахъ. Ихъ въ началѣ войны реквизировано было болѣе пятнадцати тысячъ. Мнѣ приходилось видѣть не мало старыхъ знакомцевъ,—парижскихъ пассажирскихъ автобусовъ. Въ однихъ перевозятъ солдатъ, въ другихъ припасы; въ послѣднемъ случаѣ изъ нихъ устраи-

няют скамьи и верхнія полочки. Всѣ они до неузнаваемости загрязнены и, что называется, поножили пороку; многіе есятъ на себѣ слѣды пуль и осколков снарядовъ. Во время битвы на Маріѣ эти, недавно еще мирно перевозившіе мирную публику по улицамъ Парижа, автобусы, сыграли почетную роль: на нихъ въ одну ночь подвезли къ передовымъ позиціямъ цѣлую пѣхотную дивизію, что для нѣмцевъ явилось крайне неприятнымъ сюрпризомъ.

Оставляя въ сторонѣ подвозъ боевыхъ припасовъ, который всегда окруженъ извѣстной тайной, остановимся на минуту на подвозѣ пищевыхъ продуктовъ. Я видѣлъ огромные интендантскіе склады, рассчитанные на прокормленіе 300.000 человѣкъ. Для нихъ ежедневно требуется 1,200 головъ скота, изъ коихъ 600 быковъ, 20.000 пудовъ хлѣба, сотни пудовъ кофе, табуку, консервовъ, сыру и цѣлыя горы сахару. Ежедневно для прокормленія этой арміи нагружается 6 товарныхъ поѣздовъ. Весь этотъ сложный механизмъ дѣйствуетъ необыкновенно правильно. Французское интенданство безусловно оказалось на высотѣ задачи. Французскій солдатъ теперь хорошо одѣтъ и обутъ и ни въ чемъ недостатка не ощущаетъ. Многимъ онъ въ этомъ отношеніи обязанъ инициативѣ самого общества: нѣтъ почти ни одного дома, гдѣ бы женщины и дѣти не вязали для солдатъ теплыхъ фуфаяекъ, носковъ, рукавицъ, которые сотнями тысячъ отправляются на фронтъ. Этимъ дѣятельно занимаются частныя лица и общественныя учрежденія, школы и кооперативныя мастерскія. Многія войсковыя части буквально завалены теплыми вещами, такъ что на каждого

солдата приходится чуть не по десятку фуфаяекъ.

Но перейдемъ къ вопросу о питаніи арміи.

Каждый солдатъ имѣетъ въ ранцѣ на день съѣстныхъ припасовъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Этотъ запасъ состоитъ изъ 300 граммовъ (немного меньше фунта) сухарей, такого же количества мясныхъ консервовъ, 50 граммовъ прессованныхъ овощей, 36 граммовъ кофе и 80 граммовъ сахару; кромѣ того, на каждыя 16 человѣкъ полагается литръ коньяку. Это, такъ сказать, подуголодный запасъ, на случай крайности. При нормальномъ продовольствіи арміи, путемъ подвоза, на каждого солдата полагается: 700 граммовъ (почти два фунта) хлѣба, 100 граммовъ рису или фасоли, 44 грамма кофе, 32 грамма сахару, 500 граммовъ свѣжаго или 300 граммовъ консервированнаго мяса, 50 граммовъ прессованныхъ овощей и по $\frac{1}{16}$ литра вина. Этотъ паекъ часто, если къ тому представляется возможность, усиливается припасами, покупаемыми на мѣстѣ каптенармусами: картофелемъ, капустой, морковью и т. п.

Откуда берутся эти колоссальныя количества хлѣба, мяса, сахару, овощей?

Здѣсь главную роль играютъ регулятивныя станціи, обыкновенно устраиваемыя на крупныхъ желѣзнодорожныхъ узлахъ. Сюда свозятся со всей Франціи сотни тысячъ пудовъ всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ; здѣсь печется хлѣбъ, перемалывается кофе, сортируются и упаковываются груды всякихъ продуктовъ. Въ эти центры ежедневно, ежечасно направляются вереницы товарныхъ поѣздовъ со всѣхъ концовъ страны. Тамъ, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, въ мѣсто-

стях, не пострадавших от нашествия неприятеля, работают специальные продовольственные комиссии, которые закупают и отправляют на фронт все нужное армии, вплоть до скота, который стадами грузится в вагоны и обычно съедается за армией в некотором разстоянии.

Интересно отметить, что до сих пор не было еще ни одного случая, чтобы какой-нибудь крупной войсковой части пришлось прибегнуть к пищевым резервам, — до того правильно функционирует продовольственное дело. Разумеется, отдельным солдатам где-нибудь на далеко продвинувшихся к неприятельским линиям постах случается иной раз и поголодать, но тут уж никакое, даже самое совершенное интенданство, ничего не может поддѣлать: есть пункты, совершенно недоступные для обводной прислуги. Один солдат рассказывал мнѣ, что он и его три товарища, четверо суток провели без пищи в траншеѣ, которая находилась в пятидесяти метрах от неприятельских траншей. Уйти съ поста нельзя было, — немцы все равно перестрѣляли бы всѣх до одного. Ночи как на ало стояли лунныя, и выбраться из траншей незамѣченными и думать нечего было. Какой-то смѣльчак из их роты, что стояла позади, сунулся было раз в ночь к товарищам съ съѣстными припасами, да немцкая пуля уложила его чуть не на их глазах, в каком-нибудь десяткѣ шагов от края траншей.

— Лежит он, бѣдняга — рассказывать солдату, — уткнувшись лицомъ въ землю, а возлѣ него каравай хлѣба и еще что-то. Выглядываемъ мы из траншей и такъ это насъ тянетъ къ хлѣбу,

что и про немцевъ иной разъ забудешь: только бы добраться до него, а тамъ будь, что будетъ. Совсѣмъ мы обезсились; одинъ и вовсе свалился: лежитъ безъ движенія, ни слова не говорить и только языкомъ губы облизываетъ. Я ужъ совсѣмъ рѣшилъ было за хлѣбомъ этимъ изъ траншей выбраться, да товарищи удержали, а къ вечеру того-же дня наши на немцевъ въ атаку пошли, много ихъ перебили, немало своихъ потеряли, а какъ назадъ уходили, насъ забрали. Такъ мы и спаслись...

Такие факты составляютъ крайне рѣдкое исключеніе. Въ общемъ и цѣломъ, повторыя, продовольствіе французской армии поставлено очень хорошо. Иначе никакія ценоурныя ротатки не заставили-бы французовъ молчать, еслибъ какіе-нибудь рыцари наживы вздумали обижать солдата. Народъ слишкомъ любовно относится къ своимъ проливающимъ кровь дѣтямъ, чтобы позволять обижать ихъ.

Слѣды нашествия.

Мнѣ пришлось заочевать въ одной полуразрушенной деревушкѣ, въ которой довольно долгое время хозяйничали немцы. Еще до поваленія ихъ все населеніе ея, душъ около трехсотъ, бѣжало. Осталось только нѣсколько стариковъ-крестьянъ, и между ними семидесятилѣтній Шампено, который далъ мнѣ у себя прѣсть на ночь.

Несмотря на свои годы, это еще крѣпкій старикъ, живой, подвижной и большой хлѣвотука. Онъ ни минуты не можетъ усидѣть безъ дѣла. Смыла онъ полкороннѣ еще до войны, а два внука

его мобилизованы, и ему одному приходится справляться съ довольно сложнымъ хозяйствомъ.

Старый Шампено обрадовался свѣжему чело-вѣку и долго рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ хозяйничали здѣсь нѣмцы.

Такъ какъ изъ жителей никого почти не осталось, нѣмцы вынуждены были изъ солдатъ превратиться въ крестьянъ и заняться всякаго рода домашними и полевыми работами: обрабатывать землю, ходить за скотиной, печь хлѣбъ, чистить дворы и сараи. Повидимому, они рассчитывали прочно здѣсь устроиться и дѣйствовали поэтому, какъ рачительные хозяева, живущіе не однимъ только сегодняшнимъ днемъ, а думающіе и о будущемъ. Цѣлыми днями они возились съ починкой земледѣльческихъ орудій, ремонтировали нѣкоторые изъ разрушенныхъ бомбардировкой домовъ, рубили и тщательно складывали во дворахъ большіе запасы дровъ. Съ перваго же дня они все повернули на свой ладъ. Деревня, называвшаяся Bas Plateau, была переименована въ Niederplatten, главная улица получила название Kaiser Wilhelmstrasse, а площадь мэрия—Friedrich-August Platz.

— Они даже меня окрестили по-своему,—жаловался старикъ:—меня звать Жаномъ, а они меня Гансомъ зовутъ. Гансъ да Гансъ!

— Штабъ ихъ помѣщался въ небольшой харчевнѣ „Золотой Подковы“. Въ мэрия, гдѣ имъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе, они не хотѣли устроиться: боялись, что французскіе авіаторы, открывъ ее, станутъ бросать на нее бомбы. Вообще, они очень хлопотали о томъ, чтобы по возможности скрыть свои позиціи отъ нашихъ.

Ихъ склады, магазины и батареи были тщательно замаскированы. Ежедневно два нѣмецкихъ авіатора кружили надъ деревней и ея окрестностями, чтобы выяснить, видны ли сверху ихъ позиціи. Если они убѣждались, что французскіе авіаторы могутъ рассмотреть сверху ту или иную траншею или складъ, они докладывали объ этомъ начальству, которое тотчасъ-же принимало нужныя мѣры: солдаты передѣлывали все на-ново, тщательно маскируя наибольшіе уязвимыя мѣста.

— А не обижали они васъ?—спрашиваю.

— Какъ пришли, все допытывались, вѣтъ-ли поблизости французскихъ войскъ. Одинъ офицеръ даже револьверомъ грозилъ. Потомъ—ничего, обошлось. Очень они алились, что жители всѣ бѣжали. Гдѣ пустой домъ—все забрали. Шарили въ погребахъ, въ сараяхъ. У мясника нашего нашли закопанную въ саду шкатулку съ деньгами: земля сверху свѣжая была, только листьевъ немного было набросано,—ну, они и догадались да и давай копать... Среди нихъ тоже равни бываютъ. Есть такіе, что мухи, не то что человѣка, не обидятъ, особенно, если изъ немолодыхъ уже. Одинъ приходилъ ко мнѣ, все жаловался. Я не все понималъ, а только вижу, что мучается человѣкъ. Войну клянетъ, вадываетъ, чуть не плачетъ. Показалъ мнѣ разъ карточку сына своего,—мальченка, етакъ, лѣтъ пяти. Шустрый такой, глазки веселые, смѣющіеся. Показываетъ мнѣ, а у самого слезы на глазахъ. Только, вотъ, начальство у нихъ не дай Богъ какое алющее. Чуть повыше чинамъ простого солдата, такъ это делается—бѣда! Угтеръ-офицеръ одинъ все время надо мной куражился. Все приставалъ, чтобы я показывалъ

ему, гдѣ добро спрятано. Разъ за бороду меня схватилъ,—кричить, злиться, глаза на-выкатъ.

— А у васъ ничего не взяли?

— Телушку только свели. Въ тотъ же день зарѣзали, а шкуру мнѣ-же отдали. „На память“,— говорить. Ну, да у меня и брать-то нечего было. Какъ ввукоевъ на войну забирали, все продалъ, чтобъ честь-честью ихъ снарядить. Теплаго бѣлья имъ на дорогу далъ, да и денегъ немного, потому—трудно солдату безъ денегъ: табачку купить, стаканчикъ вина съ холоду выпить. Безъ этого никакъ невозможно.

Поблагодаривъ стараго Шампено за гостеприимство, я на крестьянской телѣгѣ добрался до ближайшей деревни. Здѣсь нашествіе нѣмцевъ оставило тяжелый, неизгладимый слѣдъ. Десятки убитыхъ и искалѣченныхъ мирныхъ обывателей. Очевидцы и теперь безъ слезъ не могутъ говорить о совершенныхъ здѣсь жестокостяхъ.

Вначалѣ нѣмцы вели себя сравнительно прилично. По крайней мѣрѣ, не звѣрствовали. Только реквизировали муку, сѣно, скоть. Одинъ офицеръ явился въ устроенный въ этой деревнѣ госпиталь Краснаго Креста, вѣжливо поклонился, отрекомендовался директрисѣ и въ очень корректной формѣ просилъ позволенія осмотрѣть госпиталь: слышалъ, дескать, о немъ, какъ объ образцовомъ учрежденіи. Польщенная директриса стала его вездѣ водить, показвала склады бѣлья, постельную, аптеку. Тотъ хвалилъ, восторгался, разсыпался въ комплиментахъ, потомъ откланялся и ушелъ; а черезъ полчаса къ госпиталю подѣхалъ цѣлый обозъ съ телѣгами, на которыя и

было нагружено все госпитальное добро. Нагружкой руководилъ знакомый уже директрисѣ офицеръ-джентльменъ.

На этотъ разъ нѣмцы не задержались въ деревнѣ, и въ тотъ же вечеръ очистили ее. Нашествіе успокоилось-было. Но его еще ждали тяжелыя испытанія. Вотъ разсказъ, который мнѣ пришлось выслушать на постояломъ дворѣ, на которомъ я остановился:

— Приблизительно, черезъ недѣлю послѣ ухода нѣмцевъ, мы были рано утромъ разбужены стукомъ въ окно. Это былъ нашъ сосѣдъ. „Нѣмцы идутъ!“—кричитъ онъ намъ. Мы наскоро одѣваемся и выбѣгаемъ на улицу. Вездѣ испуганные люди, плачь, крикъ. Вдругъ—грохотъ! Въ ста шагахъ разрывается снарядъ. Съ грохотомъ падаетъ стѣна дома, подъ которымъ, какъ мы потомъ узнали, похоронило двухъ женщинъ. За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, третій, четвертый. Началась канонада. Черезъ нѣскольکو минутъ на улицѣ ни души не осталось: всѣ попрятались по погребамъ. Насъ въ погребѣ набилось 14 человѣкъ. Сидимъ ни живы, ни мертвы. Сверху грохотъ, стѣны погреба дрожатъ, — кажется, вотъ-вотъ надъ нашими головами рухнутъ своды. Въ погребѣ холодно, сыро, то и дѣло миши бѣгаютъ, по стѣнамъ и угламъ плесень, паутина. Проходитъ часъ, другой, третій. Канонада какъ будто стихла немного. Начинаемъ совѣтоваться, какъ быть. Дѣти плачутъ, ѣсть просить. Ну, нашлась среди насъ смѣльчакъ одинъ, булочникъ Менья; вылезъ за провизіей пойти. Выйти-то онъ вышелъ, да больше ужъ мы его не видали: какъ только онъ показался на улицѣ, нѣмцы его застрѣляли.

Проходить еще съ часъ. Въ погребѣ къ намъ навиваетъ доноситься запахъ гари: то горѣла дерева. Ну, тутъ мы ужъ совсѣмъ голову отъ страха потеряли: еще сторимъ тутъ заживо. Стали повемногу выбираться изъ погреба. Пробираемся ползкомъ, то и дѣло прятася за чѣмъ попало. Уже на верху, во дворѣ, навстрѣчу намъ бѣжитъ сосѣдка наша, съ ребенкомъ въ рукахъ. Совсѣмъ обезумѣла. «Нѣмцы идутъ изъ дома въ домъ и поджигаютъ! — кричить. — Скоро сюда дойдутъ!» Побѣжали мы въ обратную сторону, къ околицѣ. Не знаю ужъ, какъ это случилось, только насъ осталось четыре человѣка: мы, вотъ, съ мужемъ, да еще двѣ женщины. У одной голова вся въ крови: когда нѣмцы хотѣли поджечь ея домъ, она стала хватать ихъ за руки, а они такъ толкнули ее, что она ударилась головой о подоконникъ. Бѣжимъ это мы, бѣжимъ, откуда только силы берутся. Сзади все пылаетъ, слышенъ трескъ огня. Оглянуться страшно. Пальба стала рѣже, но черезъ каждыя пять минутъ нѣтъ-нѣтъ да и загудитъ по воздуху. Пробѣжали мы такъ, можетъ быть, съ часъ, а можетъ быть, и всего-то нѣсколько минутъ,—вдругъ, изъ-за ближняго дѣса, прямо навстрѣчу, выѣзжаетъ съ десятокъ нѣмецкихъ уланъ. Мы заметались, какъ угорѣлые, а нѣмцы галопомъ на насъ. Гдѣ ужъ тутъ уйти или спрятаться! Ну, окружили они насъ и погна-ли назадъ въ деревню. Что то сердито говорить, а мы не понимаемъ. Одно только поняли, что за шпионовъ или лазутчиковъ насъ принимаютъ. По крайней мѣрѣ, видъ показываютъ. Пришли мы опять въ деревню и тутъ такое увидѣли, что вспомнить страшно. Мы насчитали на улицѣ не

меньше 25 труповъ! Стали знакомыхъ узнавать мѣръ, нотаріуса, сосѣди. Среди убитыхъ семь женщинъ. У трупа одной изъ нихъ сидитъ дочь ея, шестилѣтняя дѣвочка, теревитъ мертвую мать и захлебывается отъ слезъ—уже голоса не хватаетъ плакать.

— За что же это нѣмцы такъ жестоко расправились съ вашей деревней?

— А кто ихъ знаетъ! Потомъ говорили, будто они получили свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ нашихъ выслѣдили расположеніе нѣмецкихъ войскъ и сообщили французамъ. Одинъ изъ жителей будто-бы, даже послѣ прихода нѣмцевъ, телефониовалъ въ нашъ штабъ обо всемъ, что тутъ дѣлается. Аппаратъ помѣщался на церковной колокольнѣ. Когда непріятельскіе солдаты замѣтили это и бросились вверхъ, этотъ телефонистъ-доброволецъ въ послѣдній разъ протелефонировалъ въ нашъ штабъ: «здесь поднимаются нѣмцы; живыми я ихъ не дамъ; не вѣрьте больше ничему, что вамъ стануть говорить: аппаратъ будетъ въ рукахъ враговъ».

— Его, конечно, убили?

— Да, тутъ-же, на колокольнѣ, причѣмъ онъ самъ успѣлъ убить и ранить нѣсколько нѣмцевъ.

— Ну, а съ вами что потомъ стало?

— Насъ продержали весь вечеръ и всю ночь въ запертомъ сараѣ, а на утро повели въ мѣривъ. Здѣсь какой-то подѣхавшій на автомобиль съ краснымъ крестомъ офицеръ,— должно быть, врачъ,—сталъ что-то говорить другимъ офицерамъ, все время показывая на насъ. Мы потомъ узнали, что онъ за насъ вступался и требовалъ, чтобы мы были освобождены. Ну, насъ и отпустили. Пошли

мы къ нашему дому, а вмѣсто него однѣ дымящіяся развалины. Двѣ стѣны осталось, да труба торчитъ, а изъ нея дымъ валитъ, какъ если бы въ домѣ еще жили люди и печку топили. Такъ мы и остались бездомными. Спасибо еще, люди добрые пріютили...

Разсказъ военнаго летчика.

— Военная авіація вздоръ!—горячится толстякъ съ багровыми пятнами на лицѣ и апоплексической шей. —Вадоръ, говорю я вамъ! До войны на нее возлагалось столько надеждъ, такъ пѣстовали всѣхъ этихъ Пегу и Ведриновъ! Всѣ были помѣшаны на воздушномъ флотѣ, всѣ были убѣждены, что наши воздушныя эскадры сотворятъ чудеса и чуть не въ 24 часа покончатъ и съ непріятельскими крѣпостями, и съ его арміями.

— Вы преувеличиваете!—спокойно вставилъ сидѣвшій за тѣмъ-же столикомъ пожилой уже человѣкъ въ полу-военной формѣ, съ Краснымъ Крестомъ на рукавѣ.

— Позвольте,—не давалъ говорить толстякъ,—гдѣ были всѣ эти Пегу, такъ ловко кувыркавшіеся въ воздухъ до войны, когда нѣмецкіе авіаторы десятками убивали въ Парижѣ мирныхъ жителей? Гдѣ были Ведрины, Блеріо и тому подобные генералы отъ авіаціи? Куда дѣвался нашъ пресловутый воздушный флотъ, когда въ немъ оказалась дѣйствительная нужда?

— Онъ былъ тамъ, гдѣ въ немъ была еще большая нужда, т. е. на фронтѣ, вмѣстѣ со всей французской арміей,—неожиданно вмѣшался въ споръ сидѣвшій поодаль молодой человѣкъ.

— Что такое?!—закипятился толстякъ. На фронтѣ?... А вамъ откуда-же это извѣстно?

— Я самъ тамъ былъ... и именно въ качествѣ военнаго авіатора.

Эти слова произвели впечатлѣніе. Всѣ присутствующіе повернулись къ молодому человѣку. Толстякъ, шумно отодвинувъ свой стулъ, предложилъ ему мѣсто возле себя.

— Сдѣлайте намъ честь выпить съ нами стаканчикъ вина. Я хоть и бранилъ воздушный флотъ, но буду очень радъ, если вы меня переубѣдите.

Черезъ минуту вокругъ молодого авіатора собрался родъ вѣча. На немъ былъ сильно поношенный мундиръ артиллериста, и только вышитый на рукавѣ его, желтымъ шелкомъ по голубому фону, пропеллеръ указывалъ на его принадлежность къ арміи воздухоплавателей.

Его слушали съ глубокимъ, почтительнымъ вниманіемъ, съ какимъ благочестивые люди слушаютъ въ церкви проповѣдника.

— Нечего удивляться,—говорилъ онъ,—если ничего или почти ничего не слышно о военныхъ авіаторахъ. Эта волна вообще безименная. Въ былыя времена съ первыхъ же столкновеній съ непріятелемъ выдвигался рядъ героевъ, о которыхъ писали газеты и говорили на всѣхъ перекресткахъ а теперь? Публика, кромѣ главнокомандующаго, извѣстна имена двухъ-трехъ генераловъ,—и только. Геройскіе подвиги, отвага, самоотверженность—все въ этой войнѣ анонимно, я сказалъ бы даже—конспиративно. Возьмите, напримѣръ, военныхъ авіаторовъ: публика имѣетъ полное основаніе спрашивать, гдѣ они и что они дѣлаютъ, такъ какъ о нихъ ничего не слышно, но, увѣряю

вась, они дѣлають громадное дѣло. Они несутъ развѣдочную службу, всячески тревожатъ непріателя и часто заставляютъ его мѣнять позиціи; они преслѣдуютъ вражьи аэропланы и разстраивають ихъ планы. Самое важное, конечно, развѣдки. Это въ то же время и самое трудное. Непріатель боится нашихъ авіонозовъ и поднимается на всевозможныя хитрости, чтобы какъ-нибудь обмануть насъ: то онъ уставляетъ все поле снопами, которые мы сверху принимаемъ за солдатъ, то нарочно выроетъ траншею, которой и не думаетъ пользоваться, между тѣмъ какъ дѣйствительныя, боевыя траншеи ловко маскируетъ. Доходить до того, что иногда въ одну ночь вырастаетъ искусственная роща тамъ, гдѣ ея наканунѣ не было, или появляется вдругъ длинный заборъ или ровъ... Наблюдательныя вышки такъ ловко задрапированы вѣтвями и листьями, что съ высоты нѣсколькихъ сотъ метровъ ихъ можно принять за тополи. Вотъ почему авіаторъ-развѣдчикъ только тогда можетъ быть полезенъ, если онъ предварительно хорошо изучилъ мѣстность.

— А развѣ это возможно?

— Вплоть, особенно намъ, французамъ: вѣдь война происходитъ на нашей же или бельгійской территории. Мы, авіаторы, продѣлываемъ долгую предварительную работу. Мы, на примѣръ, передъ битвой на Маріѣ порученъ былъ одинъ довольно большой секторъ. Я изучилъ его вдоль и поперекъ, вплоть до послѣдняго кустика. Рельефъ мѣстности былъ у меня нанесенъ на карту, въ которой посторонній глазъ ничего не могъ бы разобратъ. По этой картѣ я знаю, что въ такомъ-то мѣстѣ, вдоль самаго берега рѣки, является небольшой лѣсокъ, загибающийся въ формѣ под-

ковы. Вдругъ, во время боя, поднявшись на высоту тысячи метровъ надъ непріательскими позиціями, я замѣчаю, что одинъ конецъ этой подковы немного удлинень. Еще наканунѣ этого не было. Заинтригованный, я спускаюсь немного ниже и... открываю двѣ непріательскія батареи, которыя нѣмцы искусно замаскировали нѣсколькими рядами нарочно для этой цѣли посаженныхъ елокъ. Я сообщилъ кому слѣдуетъ о своемъ открытіи, — и черезъ полъ часа на скрытыя батареи направлень былъ огонь нашихъ орудій. Въ другой разъ я открылъ длинный заборъ тамъ, гдѣ его не было наканунѣ: за нимъ оказалась свѣжевырытая за ночь траншея.

— Интересно, въ какомъ видѣ представляется вамъ участокъ, который вы облетаете?

— Вотъ въ какомъ!

Авіаторъ досталъ изъ бумажника какой-то чертежъ и разложилъ его на столѣ. Всѣ съ любопытствомъ стали разсматривать его. Съ перваго взгляда онъ напоминалъ, по своей пестротѣ и мозаичности, рисунокъ какого-нибудь кубиста.

— Это фотографія мѣстности, — пояснилъ авіаторъ, — снятая съ высоты 2,200 метровъ въ окрестностяхъ Ш. Это вотъ лѣсокъ. Чуть замѣтныя бѣлыя точки справа — воронки, вырытыя французскими снарядами, которыми мы подбили непріательскую батарею. Ихъ тутъ сотни, этихъ воронокъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ 2½ метра въ діаметрѣ и больше полутора метровъ глубины; наша артиллерія хорошо поработала. Кромѣ нѣмецкой батареи, здѣсь въ какихъ-нибудь полчаса былъ уничтоженъ цѣлый кавалерійскій полкъ. На мѣстѣ осталось болѣе тысячи труповъ. Нѣмцы бѣжали,

и не подобравъ ихъ. Когда мнѣ черезъ нѣсколько дней пришлось пролетать надъ этимъ импровизированнымъ кладбищемъ, меня, даже на высотѣ тысячи метровъ, такъ душило зловоніе отъ разлагающихся труповъ, что я поспѣшилъ забрать далеко въ сторону отъ этого ужаснаго мѣста. Въ сентябрѣ, когда происходила битва на Марнѣ, стояли еще жаркіе дни, и трупы быстро разлагались...

На минуту воцарилось молчаніе, точно передъ взорами присутствующихъ пронеслись картины усѣянныхъ разлагающимися трупами полей. Сотни маленькихъ чуть замѣтныхъ пятнышекъ на картѣ казались крестами надъ безымянными могилами, которыя открылись передъ тысячами людей.

— А что это тутъ за паутина такая?—прервалъ толстякъ молчаніе.

— Гдѣ? Тутъ вотъ? Болѣе замѣтныя линіи изображаютъ нѣмецкія траншеи, а тоненькія, какъ волокна мушинныхъ крыльевъ—ведущія къ этимъ траншеямъ дороги. Эти, вотъ, круглыя, черныя точки у опушки лѣса—непріятельскія батареи, которыя цѣлые два дня сильно тревожили насъ и вывели изъ строя немало людей. Онѣ были такъ ловко замаскированы, что мы съ товарищемъ никакъ не могли открыть ихъ. Только на третій день намъ это удалось—и къ вечеру всѣ онѣ были добыты.

— Но гдѣ и нѣмецкіе воздушные развѣдчики такимъ-же способомъ могутъ и намъ вредить?

— Конечно. И часто сильно вредятъ. Надо имъ отдать справедливость, у нихъ развѣдочная служба прекрасно поставлена: и мѣстность они хорошо изучили еще до войны, и въ шпіонажъ у

нихъ недостатка нѣтъ; но съ нами тягаться они все-же не могутъ: какъ-никакъ имъ приходится воевать на чужой территоріи, и детальное изученіе того или иного участка имъ часто совершенно недоступно. Поэтому они еще съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ нашихъ авіаторовъ; чуть завидятъ, сейчасъ начинаютъ въ небо жарить.

— А на какой высотѣ вы можете считать себя въ полной безопасности? Я слышалъ, что въ 2,000 метрахъ надъ землей вамъ не страшны никакіе снаряды.

— Это ошибка, вдобавокъ очень распространенная. Снаряды великолѣпно могутъ хватать на 3000 метровъ и болѣе. Известный авіаторъ Бриджонкъ, находясь на высотѣ 3½ километровъ, видѣлъ разрывающіяся высоко надъ его аппаратомъ шрапнели

Помяну разъ, подялся я со своимъ механикомъ на 2500 метровъ, какъ разъ надъ нѣмецкими траншеями, за которыя мы подозрѣвали скрытую батарею. День былъ ясный, солнечный, дышалось вольно и легко. У меня былъ маленькій бипланъ, очень легкій и подвижной, но совершенно небооруженный: мы, собственно думали описать только нѣсколько кру-

говъ по воздуху, да увлеклись, и, что называется, слишкомъ далеко залетѣли. Мы ужъ хотѣли повернуть назадъ, какъ вдругъ механикъ мой изо всей силы толкаетъ меня въ бокъ и кричить что-то. Оглядываюсь и вижу: огромный блиндированный нѣмецкій „альбатросъ“, вооруженный пулеметомъ, несется со скоростью ста километровъ въ часъ, прямо на насъ, метровъ на сто выше. Расстояние осталось ничтожное, не больше километра. Надо спасаться! Я налегаю на руль—и мы взлетаемъ метровъ на полтора выше; альбатросъ забираетъ еще выше насъ; я повторяю маневръ; красавецъ-альбатросъ, сверкая на солнцѣ, не отстаетъ отъ насъ. Онъ могъ бы стрѣлять въ насъ, и сбить въ одну минуту, но спортсменъ, повидимому, взялъ въ нѣмцѣ верхъ надъ солдатомъ: увѣренный, что добыча отъ него не уйдетъ, онъ, точно рисуясь передъ нами, дѣлалъ плавные круги, то настигалъ насъ, то какъ-бы представлялъ намъ возможность уйти отъ него—словомъ, игралъ нами, какъ сытая, довольная собой кошка играетъ съ мышкой...

— Ну, и что же? Ушли таки?

— Какъ видите, — засмѣялся рассказчикъ — иначе я не имѣлъ бы теперь удовольствія бесѣдовать съ вами. Пользуясь тѣмъ, что нѣмецъ тѣшилъ свое спортсменское самолюбие, мы въ одинъ моментъ сдѣлали крутой виражъ—и наутекъ. Тотъ давай стрѣлять. Несмотря на шумъ мотора, мы слышали какъ трещать вокругъ насъ пули. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробило крылья моего биплана, — мнѣ потомъ пришлось на время бросить его. Ну, — когда мы были уже надъ нашими, помощь подоспѣла. Стали въ альбатросъ

стрѣлять, нѣсколько товарищей поднялись мнѣ навстрѣчу, — тотъ и повернулъ назадъ, а насъ подѣ почетнымъ эскортомъ во свояси доставили... Конечно, не всегда такъ благополучно кончается: во время той-же битвы на Марнѣ одинъ мой товарищъ погибъ отъ неприятельскаго снаряда. Такъ, вмѣстѣ съ аппаратомъ упалъ камнемъ прямо во вражій станъ. Я ничего не могъ сдѣлать, — самъ на сиду спасся...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	3—4
Въ Парижѣ	5—36
На Сѣверномъ фронтѣ	37—104
Булонь	37
Калэ	40
По пути къ Аррасу	42
Аррасъ	50
Компъень и Сенлисъ	56
Альберъ	62
Амьень	68
Вокругъ Амьена	73
У передовыхъ позицій	78
Лилль подѣ германскимъ гнетомъ	86
Печальная повѣсть	93
Огнемъ и водой	99
На Марнѣ	105—128
На берегахъ Эны	129—173
Реймсъ	129
О шпионахъ	136
Вокругъ Реймса	143
Битва подѣ Суассономъ	149
Кулисы войны	154
Слѣды нашествія	159
Разсказъ военнаго летчика	166

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

бывш.

М. В. Попова.

ПЕТРОГРАДЪ,

Невскій просп., 66.

КАТАЛОГЪ
НОВЫХЪ ИЗДАНИЙ

1915.

27754

